

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ROGER ZELAZNY

Volume seventeen

**IF AT FAUST
YOU DON'T SUCCEED**

«POLARIS» PUBLISHERS
1996

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Том семнадцатый

**КОЛЬ В РОЛИ ФАУСТА
ТЕБЕ НЕ ПРЕУСПЕТЬ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996

*Издание осуществлено
совместно с ООО «ТП».*

*Издание подготовлено
АО «Титул»*

Миры Роджера Желязны том 17 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1996. — 351 с.

Романом «Коль в роли Фауста тебе не преуспеть» продолжается юмористическая трилогия, созданная Р. Желязны в соавторстве с Р. Шекли. Потерпев поражение, демон-неудачник Аззи, однако, не успокаивается. Теперь его жертвой суждено стать знаменитому чернокнижнику доктору Фаусту. Но случай путает все карты...

Произведение, опубликованное в данном издании, охраняется законом об авторском праве. Перепечатка романа и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

If at Faust You Don't Succeed
Copyright © 1993 by The Amber Corporation
and Robert Sheckley

© Издательство «Полярис», оформление,
составление, название серии, 1995

© В. Задорожный, перевод, 1994

ISBN 5-88132-147-2

**КОЛЬ В РОЛИ ФАУСТА
ТЕБЕ НЕ ПРЕУСПЕТЬ**

ТУРНИР

Глава 1

Чтобы перейти от разговоров к делу и начать запланированный новый Великий Турнир, посланник сил Тьмы и посланник сил Света избрали местом переговоров Чистилище, точнее, тамошний кабачок «На полпути».

Чистилище! Места унылей не придумаешь: что-то вроде исполинского скупое освещенного зала ожидания между обителью Света и обителью Тьмы, не то преддверие Ада, не то преддверие Рая — смотря куда лежит ваш путь. Даже в лучшие времена Чистилище было местом неказистым, хотя, надо признать, все познается в сравнении и кое-каких достоинств у Чистилища не отнимешь.

Что до кабачка «На полпути», он находится в самом сердце сумрачного царства, точнехонько на полпути отовсюду. Это странное на вид ветхое деревянное строение с острой крышей, которая того и гляди рухнет. От порога кабачка, задуманного как привал на пути странствующих душ, одинаковое расстояние что до Рая, что до Ада, и обе обители — Света и Тьмы — по мере сил и примерно в равной степени помогают заведению, которое в нашу эпоху страдает от недостатка посетителей, но обязано по-прежнему приветать все души, желающие передохнуть в пути.

— Ага, стало быть, это и есть знаменитый кабачок «На полпути»? — сказал архангел Михаил. — Как-то не довелось прежде побывать... Что говорят про здешнюю кухню — хороша ли?

— По слухам, кормят вполне пристойно, — ответил Мефистофель. — Одна беда: через полчаса после здешнего «основательного» обеда не можешь вспомнить, ел

ли ты вообще. На вид — шик, на деле — пшик, как и все прочее в Чистилище.

— А вон те пространства, они для чего? — поинтересовался архангел Михаил.

Мефистофель метнул взгляд в указанном направлении.

— Это все места для ожидающей публики. В былые времена именно сюда отсылали души добродетельных язычников и младенцев, которых угораздило умереть некрещеными. Тут они томились до окончательного решения своей судьбы. Теперь с ними разбираются в два счета. Тем не менее изрядное число душ все еще попадает сюда — по самым разным причинам.

— Боюсь, мы выбрали не лучшее место для нашей встречи, — проворчал архангел Михаил. Его с души воротило от некоторых вещей, происходивших неподалеку, прямо перед их глазами — в местах ожидания. «Ожидающей публике» приходилось весьма несладко.

— Во время предварительных переговоров, — запротестовал Мефистофель, — мои слуги и ваши выбрали это место неспроста. Чистилище — ни то ни се, нейтральная территория. С позволения сказать, ни кое-кому свечка, ни мне кочерга. Самое распрекрасное место для свидания и для начала Великого Турнира... Что ж мы на пороге беседуем, не пора ли войти?

Архангел Михаил кивнул — впрочем, без особого энтузиазма — и последовал за своим спутником внутрь кабачка.

Даже для архангела архангел Михаил был необычайно высок и на диво ладно скроен, хотя все добрые души отличаются атлетическим сложением. Иссиня-черные курчавые волосы, крючковатый нос и оливкового цвета кожа напоминали, что в его жилах смешалась кровь семитских и персидских предков. В незапамятные времена архангел Михаил служил ангелом-хранителем народа Израиля — еще тогда, когда существовала уйма местных божков, культы которых позже перетекали в поклонение единому Богу, ибо в итоге оказалось, что единобожие всего милей сердцам жителей Земли. Архангелу Михаилу ничего не стоило прибегнуть к божественно-косметической операции, дабы внести любые изменения в свой внешний вид. В Царстве небесном всякий волен принимать любой образ — если только не использо-

ет свою внешность в корыстных целях. Однако архангел Михаил в память о старых добрых временах сохранил древний облик, не юркнул в телесную оболочку голубоглазого красавчика-юноши, подобно прочим архангелам. Он справедливо рассудил, что вьющиеся черные кудри и орлиный профиль придают фигуре куда более величавый вид.

— А снаружи-то прохладненько! — заметил Мефистофель, зябко потирая руки.

Роста он был среднего — конечно же, среднего для столь высокого чина из воинства Тьмы. Поджарый, узколицый, пальцы рук длинные. На маленьких изящных ножках лакированные туфли-лодочки. Блестящие черные волосы гладко зачесаны назад с естественным пробором посередине головы. Под носом усики, борода клинышком — что-то вроде эспаньолки, которую Мефистофель прилежно холил, ибо многие находили, что именно благодаря этой бородке он выглядит настоящей продувной бестией.

— Почему же там холодно, что за притча? — недоуменно спросил архангел Михаил. — В Чистилище должно быть ни холодно ни жарко.

— Распространенное, но ошибочное заблуждение, — отозвался Мефистофель. — Все эти разговоры, что Чистилище напрочь лишено каких-либо отчетливых свойств, — полнейший вздор. К примеру, света вполне достаточно, чтобы не тыкаться носом в стены. А если существует кое-какой свет, то почему бы не быть кое-какому холоду?

— Да будет вам известно, — не без помпы изрек архангел Михаил, — в Чистилище мы видим внутренним зрением.

— А дрожим, надо думать, от внутреннего холода? — возразил Мефистофель. — Тут вы досадно ошибаетесь, дружище Михаил. Случается, Чистилище просвистывает насквозь весьма и весьма колючий ветер — когда он дует со стороны обители Отчаяния.

— Я отнюдь не ошибаюсь, — парировал архангел Михаил. — Просто это в порядке вещей, что мы с вами расходимся во мнениях, ибо являемся представителями двух равно прогремевших в веках и вместе с тем прямо противоположных идейных систем. И я не имею ничего против такого порядка вещей.

)

— Равно как и я, равно как и я! — весело подтвердил Мефистофель, садясь за стол в отгороженной кабинке напротив архангела Михаила и стягивая с рук серые шелковые перчатки. — Пожалуй, нам стоит раз и навсегда согласиться, что мы не согласны друг с другом решительно во всем — или почти во всем.

— Особенно что касается преимуществ городского образа жизни перед сельским.

— Вы правы. И, согласитесь, наш предыдущий Турнир не смог расставить точки над *i* в этом вопросе.

Мефистофель имел в виду недавний Великий Тысячелетний Турнир, во время которого силы Тьмы и Света состязались за право распоряжаться судьбой человечества в последующие десять веков. Сердцевиной этого состязания стала весьма причудливая идея, предложенная юным демоном по имени Аззи, который вздумал разыграть в жизни события из легенды о Прекрасном принце. Он горел желанием опровергнуть счастливый конец легенды и довести историю до печального конца, причем ни в коем случае не прибегая к бессовестным подтасовкам, к созданию искусственных препятствий и прочему. По мнению Аззи, грустная развязка будет предопределена уже тем, что в новосозданное земное тело Прекрасного принца вдохнут дух неудачи.

Силы Добра решили поднять перчатку, хотя с самого начала было ясно: условия Турнира задуманы так, что дают преимущества нечистой силе. Однако силам Добра не привыкать очертя голову бросаться в подобные противоборства с «врагами рода человеческого», давая фору силам Тьмы. Ангельское воинство непоколебимо верит, что люди, существа донельзя сентиментальные, естественно, тянутся к Добру и его победа в людских душах неизбежна; стало быть, Зло заранее обречено на поражение, и — справедливости ради — следует хоть немного обострить борьбу, закрыть глаза на то, что Зло подтасовывает правила игры в свою пользу. В противном случае Добро победит играючи.

Нечистые силы, со своей стороны, находят удовольствие в плетении запутаннейших интриг, так как они вообще обожают ловить рыбку в мутной воде — хаос и смятение для них самая уютная среда обитания. Силы Света, напротив, крайне простодушны — разумеется,

только в области доктрин, а не в повседневной практике. Им в охотку наблюдать, как противник пыжится, пыжится, громоздит коварство на коварство, хитрит и жульничает, — чтобы потом выйти из мнимой спячки и несколькими точными ударами не оставить камня на камне от происков нечистой силы. Однако такая самоуверенная позиция частенько приводит к неприятному конфузу: порой Зло получает такую непомерную фору, что в итоге побеждает.

К столику, за которым сидели два духа, подскочил хозяин кабачка — личность совершенно неопределенная, со стертыми чертами лица, характерными для всех тех, кто долгое время живет в Чистилище. Единственное, чем он мог бы запомниться посетителям, так это легким косоглазием и неуклюжими косолапыми ножищами.

— Рад служить, милорд, — обратился он к Мефистофелю, изгибаясь почтительной дугой. — Чего изволите?

— Пожалуй, ихоровый коктейль с ромом, — сказал Мефистофель.

— С превеликой радостью, милорд. Не угодно ли вам отведать наших фирменных пирожных «поцелуй дьявола» — свежие, рассыпчатые, с прелестным ароматом серы?

— Неси, братец. А из пищи посущественнее?

— Ветчинка нынче объединение, чертовски нежна. У меня тут все схвачено, и мне поставляют самое наилучшее мясо.

— Как насчет кровяных сарделек?

— Простите, бывают только по вторникам.

— Хорошо, волокни, братец, ветчинку, да не скупись на специи — люблю, чтоб было дьявольски остро, — сказал Мефистофель и обратился к архангелу Михаилу: — Ведь это грех не воздать должного сочному свиному боку?

— Совершенно непростительный грех. Однако не пора ли нам перейти к делу?

— Извольте, — согласился Мефистофель. — Повестка дня у вас с собой?

— Обхожусь без записей, все в голове, — ответил архангел Михаил. — Нам выпала честь прийти к соглашению касательно условий нового Тысячелетнего Турнира.

К счастью, на сей раз мы окончательно разрешим вопрос о преимуществах и недостатках урбанизации.

— До чего же быстро летит время, когда ты бесмертен! — произнес Мефистофель. — Для того, кто умеет, подобно мне, целиком сосредоточиться на одной-единственной мысли и как бы умереть на срок для внешнего мира, для такого существа время несется стремительным потоком!.. Итак, тост: да поднимутся по всей Земле города, подобно ядовитым поганкам после дождя.

— Подобно благоухающим цветам — это сравнение куда уместнее, — возразил архангел Михаил.

— Какое сравнение уместнее — это мы еще посмотрим, — сказал Мефистофель. — Добро, выставляйте на наш Турнир — на эти волнующие бега через время и пространство — ваших резвых городских святых; вы и оглянуться не успеете, как я со своей развеселой командой демонов обработаю их по первому классу, собыю с праведного пути и превращу в лохмотья их добродетель.

— Ну, нашему кандидату вовсе нет нужды быть святым, чтобы, так сказать, прийти первым к финишу, — указал архангел Михаил, в очередной раз демонстрируя неисправимую склонность добрых сил давать противнику значительную фору. — К тому же мы замыслили нечто более тонкое. Турнир ведь задуман как внушительное событие, он должен пройти с подлинным размахом: события будут происходить в разные эпохи и в разных точках Земли на протяжении всего грядущего тысячелетия. Но об этом я расскажу в подробностях немного позже. А пока... Вы лично знакомы с рабом Божьим Фаустом?

— А как же! Могу ли я не знать Фауста! — поспешно отозвался Мефистофель, совершая типичнейшую ошибку нечистой силы, представители которой больше ладана боятся признаться в своем невежестве. — Вы, разумеется, имеете в виду Иоганнеса Фауста — известного мага и лекаря-шарлатана из этого... как его... из Кенигсберга?

— Шарлатан он или нет — еще как посмотреть, — заметил архангел Михаил. — А вот то, что он живет не в Кенигсберге, мне известно доподлинно. В настоящее время ученый доктор обретается в Кракове.

— Да-да, я, конечно же, был в курсе, — торопливо кивнул Мефистофель. — У него квартира неподалеку от Ягеллонского университета, не правда ли?

— Отнюдь нет, — сказал архангел Михаил. — Фауст снимает часть дома на улице Казимирчика, неподалеку от Флорианских ворот. Там у него своя лаборатория.

— Ах да, именно этот адрес и вертелся у меня на языке! — воскликнул Мефистофель. — Я немедленно отправляюсь к Фаусту и изложу в подробностях наш план. К слову сказать, какой у нас план?

— А вот и ваш одобренный специями свиной бок, — удовлетворенно произнес архангел Михаил. — Вы ешьте, а я приступаю к объяснениям.

Глава 2

Иоганнес Фауст пребывал в одиночестве в своей наемной квартире в Кракове — в этот город далекой Польши его завела тропа ученого-перипатетика. Ученый совет прославленного Ягеллонского университета был рад числить его среди своих профессоров, так как доктор Фауст имел славу замечательного эрудита, знавшего наизубок все наиболее значительные труды мыслителей прошлого — к примеру, наследие столь великих ученых мужей, как Парацельс и Корнелий Агриппа или секретные писания Вергилия, величайшего чародея времен Древнего Рима.

Лаборатория Фауста, она же и спальня и гостиная, была просторной, но отличалась скромностью обстановки. Не покрытый ковром пол из струганых досок каждое утро подметала девушка-служанка, которая не входила в овальную комнату ученого-алхимика, не сотворив предварительно молитвы, отгоняющей нечистую силу. Помолившись, девушка засучивала рукава, плевала на руки — экий хлев развел! — и принималась за уборку, костеря про себя по-холостяцки неаккуратного доктора, опасного чудака. Всякий раз она испуганно крестилась, когда видела на полу пентаграмму, которую Фауст ежедневно обводил заново мелком. Девушку пугали корявые буквы невиданного ивритского алфавита и знаки, смысл которых не смогли бы разгадать и масоны позднейших времен.

В углу комнаты стояли горн и перегонный куб. В небольшом камине круглый год горел огонь — невысоким, но жарким пламенем; старые кости Фауста вечно мерз-

ли, в любую погоду, и поэтому огонь в камине поддерживался и днем и ночью, зимой и летом. В комнате было несколько окон, однако они почти всегда были задернуты тяжелыми занавесями.

Дневной свет не проникал внутрь — доктор не любил яркого света, его глаза привыкли к мерцанию огня в камине и свечей в оловянных подсвечниках, расставленных в дюжине разных мест. Несмотря на дешевые подсвечники, сами свечи были дорогие, из пчелиного воска; жечь такие свечи, тем более днем, мог позволить себе только очень состоятельный человек. Впрочем, эти ароматизированные свечи, источающие запахи бальзама, мирры и весенних полевых цветов, — такие увидишь чаще в кафедральном соборе, чем в чьем-то доме, — Фаусту доставались преимущественно даром — в качестве подарка от краковских богачей, усердно искавших его дружбы. Именно благовонные свечи забивали запах испарений ртути, золота и прочих металлов, который в противном случае был бы нестерпим в стоялом воздухе лаборатории. Впрочем, Фауст, не первое десятилетие занимавшийся алхимическими опытами, уже привык к любым запахам.

Сейчас Фауст в глубокой задумчивости прохаживался по своей лаборатории — десять шагов в одном направлении, к портрету Агриппы, десять шагов обратно, к книжному шкафу с бюстом Вергилия. Длинная профессорская мантия билась вокруг тощих старческих ног, пламя свечей колыхалось, когда доктор проходил мимо, поднимая ветерок. Расхаживая по комнате в ритме маятника, он громко разговаривал сам с собой; привычный к долгим периодам уединенного сосредоточения, Фауст, подобно всем глубоким философам, привык держать речи перед самим собой.

— Ученость! Мудрость! — восклицал он. — Утехи познания! Умение слышать музыку сфер! Знать то, что сокрыто в глубинах бездоннейших морей, уметь без запинки сказать, что вкушает великий китайский хан на завтрак и что несколько веков назад император франков шепнул своей любовнице в стигийской тьме ночи! О, это, вне сомнения, знание тонкое, многоценное, уникальное. Однако какой мне толк от всей этой груды фактов?

Бюст Вергилия взирал на него с полки пустыми глазами, и в зыбком сиянии свечей казалось, что на узких губах знаменитого римлянина играет недоуменная улыбка — воистину такие речи, поносящие познание, уста немецкого доктора произносили впервые.

— О, разумеется, — продолжал Фауст, — разумеется, я знаю все эти вещи и многие другие, несть им числа. — Он саркастически рассмеялся. — Я с легкостью разбираюсь в гармонии божественных сфер, открытой Пифагором. В результате своих трудов я нашел ту точку опоры, которую Архимед искал, дабы одним рычагом повернуть Землю. Мне ведомо, что сей рычаг есть сам человек, а точка опоры сего рычага есть эзотерические знания, на изучение коих ушла вся моя жизнь. И все же — что мне в этом согласном хоре фактов, исследованию коих я отдал бессчетные часы ночных бдений? Разве мне хоть немного уютнее в сей жизни, чем заурядному деревенскому парню, неотесанному мужлану в подбитой ветром фуфайке, которому плевать на все горести мира и в голове одна мысль, как бы побыстрее завалиться с подружкой на сеновале? Спору нет, меня чтят почтенные мужи во многих городах. На родине и даже за ее пределами моя репутация прочна среди тех, кого называют мудрейшими нашего века. Король Чехии возложил на мою голову золотую диадему и провозгласил меня несравненным среди ученых мужей. И что же? Разве сия честь хоть раз согрела меня, когда я студеным утром пробуждался, дрожа от холода? Разве уважение мудрецов когда-либо умерило мой понос, избавило меня от утренней испарины или разогнало мою вечернюю вселенскую тоску? Достиг ли я чего-либо действительно существенного, пытаюсь объять все вечно расширяющиеся сферы познания? Что мне в моей учености, что мне в могуществе моей мысли, коль тело мое вседневно корчит лихорадка, а кожа на лице иссыхает и морщится, все больше являя череп, обтянутый кожей в старческих пятнах, — и это напоминает мне о скором времени, когда мой череп обнажится совсем, объединенный кладбищенскими червями...

Снаружи донесся какой-то звук, на который Фауст, занятый своими причитаниями, поначалу не обратил внимания.

— Сия вечная погоня за знаниями весьма похвальна. Некогда, еще юношей, — многие годы, десятилетия тому назад — я мнил, что все мои сердечные устремления будут удовлетворены, как только я сумею стяжать высшие познания, как только постигну во всем объеме божественные сокровища премудрости, прежде доступной одним лишь ангелам небесным. Я постиг все, но покоя не обрел. Если говорить по правде, знание само по себе не несет удовлетворения. Каких сокровищ учености я не отдал бы за правильную работу своего желудка, ибо снаружи моей кельи гремит и хохочет мир, где всякий краснорожий невежа, чурбан чурбаном, вонючий неряха, потный и бездумный, оправляется как часы! Что за отрада мне и дальше громоздить одни знания на другие в своем уме, набивая кладовку мозга, непрестанно увеличивая навозную кучу мудрости, в которой я поселился подобно мерзкой зеленой мухе? Неужто вся жизнь убита на жадное приобретение никчемной умственной рухляди? Не разумнее ли поскорее покончить с этим миром, бежать от него как от чумы? Ведь достаточно одного удара острым клинком...

С этими словами он взял кинжал с узким лезвием, который был подарен ему учеником великого Николаса Фламелья, погребенного ныне в Париже на кладбище при церкви св. Иакова-Воителя. Фауст поднес его поближе к дрожащему пламени свечи и созерцал, как отражения света мечутся по узкому клинку.

Вращая кинжал, он приговаривал:

— Не следует ли признать, что я понапрасну изучил искусства обжига, возгонки, сжижения и кристаллизации? Что толку от того, что я понимаю процессы растворения и затвердевания, тогда как внутренний человек во мне, Фауст-гомункулус, мой вечно юный дух, плененный в ветшающей телесной оболочке, объят печалью и смущен, не ведает цели и мечется в растерянности? Не разумнее ли покончить со всем этим искусно закаленным клинком, торжественно вспоров себе живот, как то сделал один пышно одетый восточный вельможа, коего я зрел в своих видениях?

Фауст снова и снова поворачивал кинжал перед своими глазами, зачарованный игрой света на его лезвии, — и бюст Вергилия, казалось, хмурился в колеблющемся свете свечей.

Опять раздался тот самый звук, который прежде лишь царапнул о панцирь сосредоточенности: то был звук церковных колоколов, и Фауст запоздало вспомнил, что нынче Пасхальное воскресенье.

Внезапно, с той же стремительностью, с которой оно сгустилось, его дурное настроение стало рассеиваться. Доктор направился к окну и раздвинул занавеси.

— Должно быть, я просто надышался паров ртути, — сказал он себе. — Мне следует помнить, что всякий, кто предается занятиям Великой Наукой, открыт и великой опасности — причем успех не менее опасен, чем неудача, ибо чреват разочарованием на полпути. Для меня сейчас будет благотворно подышать свежим воздухом, пройтись по только что пробившейся весенней травке, а то и выпить кружку-другую пива в ближайшей харчевне, съесть жирную сардельку... Похоже, нынче утром мое пищеварение пришло в норму... Да, пары из перегонного куба влияют на тот перегонный куб мысли, который покоится на плечах. Итак, на свежий воздух, пусть яд из моего организма окончательно улетучится!

С этими словами Фауст накинул отороченный горностаевым мехом плащ — такой плащ не постыдился бы надеть и король — и вышел вон из своей ученой кельи, напоследок удостоверившись, что не забыл прихватить кошелек, даром что любой торговец с радостью открыл бы кредит именитому ученому.

И вот он очутился на залитой ярким солнцем улице, беззащитный перед лицом случайностей нового дня — случайностей, которых не может предвидеть даже искуснейший из алхимиков.

Глава 3

Пока Фауст шел по улице Казимирчика, удаляясь от Флорианских ворот в сторону мануфактурных рядов, расположенных на большой рыночной площади, колокола многочисленных краковских церквей усердно вызванивали «Тебя, Господи, славим». Доктор уже научился различать голоса колоколов: монастырские забирают высоко и божественно мелодичны, им вторят чистыми стальными полутонами колокола на звоннице церкви св. Венцесласа, раскатисто бухают колокола св. Станислава, а над всем плывет басистый перезвон больших колоколов костела Девы Марии, который громоздится на углу рыночной площади.

Чудеснейшее Пасхальное воскресенье! Похоже, ласковые солнечные лучи пронизывают каждый дом, не оставляя ни одного темного уголка под островерхими крышами. Голубым шатром раскинулось небо с живописными редкими снежно-белыми облачками-барашками — точь-в-точь такими, на которых живописцы любят помещать херувимов и аллегорические фигуры. Столь восхитительный денек не мог не взбодрить Фауста, и он энергично зашагал к рыночной площади кратчайшим путем — по малолюдному переулку, известному в простонародье как Дьяволова щель. Тут два человека едва могли разминуться и дома стояли друг против друга, словно пузатые толстяки в бане, почти соприкасаясь оттопыренными вторыми этажами. Свесы крыш съедали последний свет, и даже в самый солнечный день переулок был погружен в полумрак. Фауст не успел пройти и десяти ярдов, как горько раскаялся в выборе маршрута. Что бы ему не пойти широкой улицей? Ну, потерял

бы несколько минут — пристало ли алхимику и философу так скупердяйски относиться ко времени?

Он чуть было не повернул назад, но была в его характере дурная упрямость, которая велела продолжать путь. Да и конец переулочка не так уж далеко — вот-вот за поворотом откроется совсем уж шумная рыночная площадь.

Фауст прибавил шагу, разбрасывая тощими щиколотками полы своего длинного докторского плаща, и скоро дошел до конца Дьяволовой щели. Здесь он повернул сперва направо, потом налево, минуя отворенные калитки, и шел совсем уж темными дворами, пока впереди не забрезжил свет.

В это мгновение голос за его спиной произнес:

— Простите, господин хороший, не угодно ли вам уделить мне минуточку времени...

Фауст обернулся, готовый грубо отшить неизвестного наглеца, который посягал на его драгоценное время. За спиной никого не было. Никто не прятался и в ближайшем дверном проеме. Фауст хотел было идти дальше, но слух резанул странный звук — как бы свистящего вихря поблизости. Его быстрый ум подсказал, что тут что-то неладно, однако в то же самое мгновение мысль прервал удар в висок тупым тяжелым предметом. В глазах Фауста полыхнули искры, словно пред ним взорвалась шутиха, и забытье запахло над доктором свою черную мантию.

Глава 4

А тем временем в другой части города в маленьком трактире, называемом «Пестрая корова», за грубо сколоченным столом сидел русоголовый кудрявый верзила, гладко выбритый по последней итальянской моде — словом, по всему видно, малый не промах и к тому же щеголь, даром что одет в сюртук с барского плеча. Он энергично хлебал борщ из миски, добросовестно работая ложкой и вместе с тем то и дело внимательно поглядывая через окно на улицу.

Трактир «Пестрая корова» был расположен как раз напротив комнат, которые занимал Фауст. Ни на какую роскошь обстановки это тихое заведение не претендовало, но своей домашней атмосферой притягивало мускулистых бродяг со всех концов Европы, которых Краков манил богатством и благополучием — город переживал золотые деньки в промежутке между вторжением гуннов и бойней, которую устроят венгры, и гремел на континенте не только как университетский центр учености, чем привлек Фауста, но и довольством своих жителей, сказочным богатством купцов, которые вели торговлю предметами роскоши от Германии до Италии.

Щеголь явился в Краков искать счастья неизвестно откуда: одни говорили, из французского городка Труа, другие — будто бы из Лондона, что в далекой Англии. Звали его Мак, а прозвище Дубинка он получил по предмету, который всегда носил за поясом и пускал в ход, пожалуй, чаще, нежели следует почтенному человеку. Мак Дубинка был нетерпелив, не мог он просто сидеть и ждать, когда счастье улыбнется ему. Проучившись год в монастыре искусству писца, он наконец сообразил, что

этим не разбогатеешь, и пустился во все тяжкие, будучи парнем не особенно совестливым, зато смекалистым и неглупым.

Прослышав о докторе Фаусте, он принялся следить за ученым мужем. Говорили, что этот человек искусен в черной магии, скопил несметное состояние, создавая путем алхимических опытов драгоценные металлы, да к тому же его щедро одаряли благодарные короли и вельможи, которых доктор успешно пользовал от множества тяжких недугов.

Мак задумал ограбить Фауста, здраво рассудив, что такому великому магу просто ни к чему много земного добра, коль скоро его душа устремлена к небесному. Земное добро только тяготит его, и тут Мак Дубинка придет на помощь. Для дела потребовался сообщник, и Мак остановил свой выбор на Летте, неотесанном парне, ни к каким ремеслам не способным, кроме одного — укладывать прохожих одним-единственным ударом па-лицы. Теперь Мак был полон решимости избавить Фауста от его наиболее движимого имущества сегодня же.

В течение последней недели Мак и Летт прилежно изучали окрестности квартиры славного ученого, его привычки и маршруты прогулок. Фауст как на грех оказался человеком изменчивых настроений, в его поведении не наблюдалось тех постоянных привычек, которые делают ограбление честного человека плевым делом. Самое досадное, он немисливо много времени проводил дома, занятый магическими опытами. Но даже такой затворник, как Фауст, иногда покидает свою келью — и тогда уж он проявлял похвальный педантизм, всегда следуя к Ягеллонскому университету одним и тем же маршрутом: по улице Казимирчика к большой рыночной площади, срезая угол через Дьяволову щель.

Когда Фауст наконец изволил выйти из дома в Пасхальное воскресенье, у Мака уже все было на мази. Летт успел затаиться во мраке дверного проема в проходном дворе, а Мак сел хлебать борщ и наблюдать за улицей в трактире «Пестрая корова» — напротив дома, где жил доктор Фауст.

Теперь наступило время действовать — по уговору, Летт примчался бы предупредить приятеля, случись что не по плану.

Покончив с борщом, Мак положил на столешницу медный грош, неспешной развалистой походкой вышел из трактира и, дрожа от возбуждения, направился к жилищу доктора Фауста. Скользя взглядом направо и налево вдоль улицы, Мак убедился, что окрестности пустыны — людей вымело на пасхальную службу в церкви. Подмышкой смысленный парень нес несколько книг, в которых приводились какие-то советы по черной магии, Мак стянул их в монастырской библиотеке. Если случится непредвиденное и кто-нибудь спросит, зачем он идет к доктору, Мак соврет, что пришел продать эти книги Фаусту или же принес заказ от книготорговца. Всем известно, что доктор собирает книги такого рода, надеясь в одной из них найти вожаделенную формулу получения философского камня.

Подойдя к двери, Мак на всякий случай постучал и подождал. Разумеется, никто не отозвался. Он сам видел, как хозяйка дома ушла на заутреню; она не дура выпить и даже в столь ранний час вышла веселая и в криво повязанном платке. В руках сия достойная женщина несла корзинку с лечебными травами и кореньями — стало быть, собиралась после службы навестить свою больную тетку и напичкать деревенскими снадобьями.

Мак толкнул дверь. Она была заперта большущим чугунным ключом самого примитивного образца. Мак вынул из кармана припасенную отмычку и быстро вставил в замочную скважину. Ключ не проворачивался. Мак подвигал его вперед и назад, потом вынул и проворно смазал барсучьим жиром из масленочки, которую он столь же предусмотрительно держал в кармане. Барсучий жир — славное средство ублажить ржавый замок. Теперь запор поддался, и Мак распахнул дверь.

Внутри старинного дома с высокими потолками царил полумрак. Мак осторожно двинулся по коридору влево и оказался у двери, про которую давным-давно знал, что это вход в кабинет ученого. Он надавил ладонью на дверь, та оказалась не заперта.

Узкие небольшие оконца пропускали мало света, и в кабинете было темновато. Бледно-серый бюст Вергилия, казалось, настороженно наблюдал за Маком, пока парень бесшумно обходил комнату — он до того понаторел в этом искусстве, что ни одна половица не скрипнула. В кабинете все еще стоял крепкий дух паров ртути и серы,

сквозь который пробивался запах сгоревших свечей и мышиного помета. Один из столов был уставлен стеклянными сосудами, ретортами и прочими алхимическими диковинами, лучи света играли на стеклянных поверхностях. В дальнем углу комнаты стояла лежанка доктора — просто две широкие доски на низких козлах, зато на них была брошена горностаевая мантия — свидетельство, что доктор отнюдь не чурался роскоши.

Впрочем, все это не более чем декорации, а искать следовало вещи крохотные, но исключительно ценные и красивые, потому что Мак Дубинка был тоже на свой манер знатоком и ценителем драгоценностей. К примеру, вот такого бриллианта, который с небрежностью оставлен в одиночестве между хрустальным шаром и черепом на большом рабочем столе доктора Фауста. Неплохая добыча для начала.

Мак шагнул в сторону бриллианта, протянул к нему свои длинные пальцы с траурной каймой под ногтями и уже готов был схватить камушек, как вдруг раздался невероятно громкий грохот.

Воришка так и обмер с протянутой рукой. Сердце у него упало, а по спине пробежал холодок. Звук был такой же силы и того же характера, что осенний гром — ликующий вопль матушки природы, раскаты которого приносят бури, налетающие с севера. Однако гром этот раздался не снаружи. Страшно гроыхнуло прямо в комнате — в нарушение всех законов природы!

И уж совсем не по себе Маку стало, когда сразу вслед за оглушительным грохотом опять же тут, в комнате, полыхнула молния — посередине затемненной лаборатории над деревянным полом поднялись высокие оранжевые и красные языки пламени. Что за дьявольщина?!

Мак не смел и пошевелиться. Челюсть у него отвалилась от ужаса и удивления. Языки пламени дополнились облаком дыма, которое быстро рассеивалось, и вот стала видна проступившая из дыма и пламени мужская фигура. У мужчины было лошадиное вытянутое лицо, прямые черные волосы с пробором посередине, небольшие усики и узенькая козлиная бородка, которую в приличном обществе называют эспаньолкой. На незнакомце был черный костюм — мрачно-торжественный. В руке затянутого в черный мрачно-торжественный кос-

твом незнакомца дрожащий от страха Мак заметил свиток пергамента, перехваченный красной ленточкой.

— Приветствую вас, доктор Фауст, — сказал пришелец, выступая из языков пламени, само по себе тут же погасшего. — Я — Мефистофель, Князь Тьмы, трижды лауреат вселенского конкурса «Худший поступок века», который проводится Ассоциацией дьявольских профсоюзов, крупнейшей из трансвременных объединений.

Мак опомнился от шока и смог вымучить из себя несколько слов. Обычно такой бойкий, теперь он мучительно заикался.

— А-а... До-добрый день. Рад по-познакомиться с в-вами.

— Неужели вас смутил мой несколько необычный способ появления?

— Ах нет, что вы, нисколько, — пролепетал Мак. Хотя его мозг разморозился еще не в достаточной мере и работал со сбоями, Мак уже смекнул, что с такого рода незнакомцем надо быть предельно вежливым. — Появляйтесь как желаете, я не в претензии. Дело хозяйское...

— Мне пришлось ограничиться помпезным появлением второй категории — ваша лаборатория тесновата для помпезного появления первой категории, мог бы и весь дом развалиться, потому что первая категория сопровождается взрывами фейерверков и бочек с порохом, зато и рекомендует меня сразу с наилучшей стороны — первоклассная визитная карточка! Надеюсь, и малое помпезное появление в достаточной степени убедило вас, что я действительно бес по имени Мефистофель, повелитель демонов, и прибыл сюда из Потустороннего мира, дабы сделать вам одно заманчивое предложение.

Мак к этому моменту уже взял себя в руки — полная превратностей жизнь искателя приключений научила его не бояться неожиданных поворотов судьбы. Разумеется, трудно сохранять хладнокровие в присутствии дьявола — даже если твои приятели сущие черти. С другой стороны, эпоха была такая, что чудес ждали в любой момент: о проделках ведьм судачили на всех углах, а священники твердили, что демоны так и шныряют вокруг каждого человека. Так что Мак был отчасти готов к рандеву с нечистой силой.

— Итак, доктор Фауст, — прогремел Мефистофель, — прошу вас выслушать мои предложения.

Мак, разумеется, уже сообразил, что великий Мефистофель серьезно оплошал и принял его, молодого неуча с замашками мошенника и разбойника, за многоученого и пожилого доктора Фауста. Выходит, даже бесы могут совершать глупейшие и очевидные промашки!

Но он не спешил поправить Мефистофеля. Во-первых, открыть демону глаза может оказаться бестактным и небезопасным делом — после того как Мефистофель предпринял все эти хлопоты с малым помпезным появлением, он, верно, здорово осерчает, узнав о своей ошибке. Во-вторых, надо было поглядеть, нельзя ли извлечь какой-либо выгоды из этого недоразумения.

— С удовольствием выслушаю ваше предложение, — сказал Мак. — Пожалуйста, присаживайтесь, вот раскладной стул, он достаточно прочен, если вы не прожжете его насквозь. Расскажите, с чем пожаловали.

— Благодарю за любезный прием, — промолвил Мефистофель, быстрым движением откинул фалды фрака и сел. При этом стоявшая на столе погашенная сальная свеча в дубовой плошке вспыхнула от близости существа из Преисподней; за ней загорелись сами по себе еще несколько свечей. Теперь, когда лицо Мефистофеля было освещено так, как ему хотелось, и на нем заиграли длинные зловещие тени, он стал излагать свои предложения:

— Как бы вам понравилось — для начала, лишь для начала! — получить в свое владение сокровища огромные и неисчислимые, о которых никто и мечтать не смел с тех пор, как великий римский полководец Фабий Максим Кунктатор разграбил сказочно богатый Карфаген? Пусть это будут шкатулки с золотом чистейшей пробы, столь высокой, какой не добивались ни на одном земном монетном дворе. И вдобавок лари, набитые драгоценными камнями: жемчугом величиной с яйцо, алмазами размером с гранат, да еще изумруды, которые ни в какие лари не поместятся, ибо на каждом изумруде можно сервировать трапезу на шестерых! Ну и нитка из десяти искусно подобранных пламенеющих рубинов размером с лошадиное яблоко! И еще многое, многое можете вы получить, ценность и блеск чего не в силах описать даже

дьявольски подвешенный язык и что лучше предоставить дорисовать вашему собственному воображению...

— О, я улавливаю, что вы имеете в виду, — ответил Мак. — Заманчивое предложение, что и говорить! Было бы наглостью с моей стороны просить вас уточнить количество ларей с драгоценными камнями и шкатулок с золотом. Даже один ларь и одна шкатулка были бы восхитительным подарком.

— Это не подарки, — возразил Мефистофель. — Это плата за некоторую услугу, которую я прошу мне оказать, и еще кое за что.

— Вот именно это «кое-что еще» меня очень тревожит, потому что требует уточнения, — сказал Мак. — Поймите, я не хочу обидеть вас неуместным вопросом, однако же...

— Я не обижаюсь. Мне крайне приятно говорить с вами без обиняков, откровенно. Но, поверьте, Фауст, тут нет подвоха. Подумайте сами, могли ли темные силы пойти на такие издержки, отрядить меня к вам и взять на себя хлопоты по проведению малого помпезного появления — и все с одной целью: подшутить над вами! Вашу доверчивость можно было бы проверить более быстрым и дешевым способом.

— Это самое... не поймите меня неправильно... Ваши посулы очень даже заманчивы, но как насчет прочего? То есть я про то, что капиталцем приятственнее наслаждаться на парочку.

— Что до этого, — воскликнул Мефистофель, и глаза демона похотливо зажглись, как только в его уме мелькнула мысль о женском поле, — мы всенепременно представим вам компаньончку, а еще лучше двух, причем писаных красавиц — таких, что свет еще не видел и ни один холостяк не осмелился представить в самых сладостных снах. У нас имеется широкий ассортимент девиц, и каждая достойна царского ложа. Фигуры на любой вкус, цвет кожи по выбору, прически — какие желаются клиенту. На вид эти красавицы — целомудренные скромницы, а на деле — настоящие львицы в постели, превзошедшие науку любви. Кожа — шелк: в холод греет, в жару студит и круглый год горячит мужскую кровь. Имеются в наличии интеллектуалки, способные развлечь вас, любезный Фауст, подлинно содержательной беседой; а также дурочки и кошечки,

с которыми можно быть просто самцом или, если угодно, сюсюкать и ребячиться; наконец, есть и такие, которых роль одна, и не из худших, — подать борщ, вовремя и непростывшим. И эти куколки славны бесценнейшим качеством, ненаходимым в прочих бабах: помимо вас они любят лишь одно — вкушать дремотный покой в прохладной комнате по соседству с вашей, пока они вам не занудятся — тогда они тут как тут, без слова возражения! Вызвал из прохладной комнаты, попользовался и вернул на место без страха, что тебе наставят рога в промежутке. Разве не мечта? А сверх того, что они сами бездонные колодцы чувственности, у наших красоток имеются подружки, сестрички, мамыши, из коих многие еще в соку, и из этих ключей также можно утолять жажду, ибо вся эта сисястая рать слаба на передок.

— Чудесно, чудесно, — только и мог промолвить Мак. — Я просто в восторге от того, с какой легкостью и ловкостью вы разрешили исконное мужское затруднение.

Он хотел добавить: «Господин Мефистофель, ваши доводы отменили мои последние сомнения, давайте сюда ваших порхающих чаровниц — и просто назовите, кого мне надо зарезать, удавить или утопить. Для вас я готов на все!»

Однако врожденная осторожность опять подала голос, и вслух он сказал совсем другое и совсем другим тоном:

— А не угодно ли вам уточнить, где именно я буду наслаждаться новообретенным богатством и предаваться любовным утехам с многочисленными красотками?

— Что за вопрос! Выбирайте любое место, — ответил Мефистофель. — Если ни одно из ныне существующих мест вас не устраивает — извольте, можем перенести вас в любое иное время и в любую часть Земли. Да хотя бы и в будущее или в придуманный мир, ибо существует закон, согласно которому все, что есть в сознании, то уже есть в действительности. Стоит вам зачать в уме какой-нибудь невиданный край — глядь, а он уже существует. Можем послать вас не только куда угодно, но и кем угодно. Хотите — будете ученым из ученых профессоров, или князем, у которого под рукой обширнейшие земли, или утопающим в роскоши клириком, или... Да кем пожелаете! Мы считаем себя крупны-

ми специалистами также и в области трудоустройства, так что, если вам вздумается поработать на новом месте жительства, всегда пожалуйста. Не будет подходящей вакансии — немедленно откроем для вас. По одному вашему слову мы сварганим цель жизни, которая будет вам точнехонько по темпераменту и по росту. Фирма также гарантирует беспереывные даровые поставки всяческих снадобий, притинок и микстур, которые позволят вам, сохраняя молодость, бодрость и молодецкий вид, прожить бесконечно долгую и беспечальную жизнь с постепенным, практически незаметным и безболезненным угасанием.

— Ну, конец-то поневоле заметишь, — трезво указал Мак.

— Вы правы. Свою смерть трудно прозевать.

Мак задумался на мгновение-другое, потом спросил:

— А как насчет бессмертия, можете предложить?

— Однако вы умеете торговаться, любезный Фауст! Нет, бессмертия предложить не можем. С какой стати? Тут вы уж очень размахнулись. Мы вам предлагаем первоклассную сделку, в ее параграфы войдут все вообразимые блага — хотя, конечно, неумное воображение способно взалкать еще чего-либо невиданного и неслыханного... Но, извините, за уже предложенное нами — и даже за ничтожную часть предложенного нами — можно купить триллион таких, как вы!

— Ах, как вы знаете человек! — вздохнул Мак. — Мудрецы, воистину мудрейшие из мудрых.

На самом деле про себя он думал, что Мефистофель не более чем надутый индюк, чванливый и даже глуповатый. Мак вообразил, что уже подобрал ключики к этому духу Зла — не ведая, что попался на тонкую игру адских сил.

— Мне просто подумалось, — сказал Мак вслух, — что у вас этого самого бессмертия навалом. Ну, обронили бы мне крошку-другую — ведь не убыло бы, а? Для вас пустячок, а мне приятно...

— Тогда бы утратил смысл весь наш договор. Что мне за радость, если в итоге я не получу вашу душу?

— Резонно. Если посмотреть на дело с этой точки зрения, то, конечно, резонно... Что ж, долголетие тоже вещь недурственная.

— Как раз долголетие мы и предлагаем — с предварительным омоложением.

— Смущает пунктик насчет моей души...

— Поймите раз и навсегда: ваша душа в конце концов переходит в мою собственность, и эта статья — главная в нашем договоре. Она может быть нарушена в единственном случае — если я не сумею удовлетворить все ваши запросы в процессе совместной работы. Тогда ваша душа останется вам, мы пожмем друг другу руки и распрощаемся навеки, оставшись, впрочем, друзьями. Как видите, я предельно откровенен с вами.

— Да я что, я не спорю, — пробормотал Мак. — А что я должен сделать взамен?

— Мы хотели бы, чтобы вы приняли участие в маленьком турнирике, который я затеваю совместно с друзьями.

— Что за турнир?

— Нечто под условным девизом «времена и нравы». Мы поставим вас в серию ситуаций, где вы будете призваны сыграть серьезную роль. Будем забрасывать вас в разные эпохи и места. В прошлое или в будущее — это уж как игра повернется. У вас будет некая роль в каждом эпизоде. Как вы будете действовать в ситуации выбора, к каким действиям склонитесь, по каким мотивам и с какой конечной целью в уме — за всем этим будут наблюдать и всему этому будут выносить оценки. Да, любезный Фауст, мы будем судить ваши поступки и мотивы, но не как конкретной личности, а как представителя всего рода человеческого, так сказать, образчика вида. Вы избраны нами для уяснения практических принципов человеческой морали, этики и прочих подобных тонкостей людской натуры. Я стараюсь выражаться предельно точно, дабы вы, любезный Фауст, еще до начала Турнира разобрались в сути того, что и зачем будет происходить. Когда вы попадете в вихрь событий, вам не останется времени размышлять, что, да как, да почему, — придется вертеться и вертеться, чтобы спасти свою шкуру.

— Понятненько, — пробормотал Мак, стараясь осмыслить услышанное.

— Итак, по рукам? Машинисты сцены на местах, декорации за занавесом установлены, актеры замерли у кулис, и драма готова быть разыгранной. Скажите «да», и мы тотчас начнем.

Ну и краснобай же этот дьявол, подумалось Маку. Столько времени мозги полощет! Мефистофель казался ему простодушным идеалистом, цинизм которого — дутый. Но предложение было сделано всерьез, тут сомневаться не приходилось. И раз в душе Мак был несколько не против, было бы глупо тянуть с ответом.

— По рукам. Начнем.

— Подпишите вот здесь, — сказал Мефистофель, развернул вынутый из-за пояса немного смятый пергаментный свиток, протянул собеседнику гусиное перо и указал длинным заостренным ногтем на локтевой изгиб руки Мака — туда, где проходила вена.

Глава 5

Не будь собеседники в кабинете Фауста так увлечены своими переговорами, они бы заметили, что за одним из окон, не прикрытых ставнями, возникло и почти тут же исчезло чье-то лицо. То был Фауст собственной персоной.

Удар Летта свалил его с ног, но не оказался смертельным. Через какое-то время Фауст очнулся в полумраке Дьявольской щели — с окровавленной головой. Собрав силы, он встал, сделал несколько неверных шагов и присел на мостовую.

Тут из дверного проема вынырнул Летт и занес дубовую палицу, чтобы или как следует оглушить, или вовсе убить злополучного ученого — уж как получится. В ту эпоху разбойники не деликатничали со своими жертвами — многого ли стоила человеческая жизнь, когда на юге Европы свирепствовала чума, на севере свирепствовали собственные феодалы, на западе — магометане, чьи несметные войска, вооруженные кривыми мечами и иступленным фанатизмом, грозили вновь переплеснуться из Андалузии через Пиренеи, дабы, как во времена Карла Великого, сравнять с землей мирные селения Лангедока и Аквитании и вырезать тамошних жителей? Разумеется, Летт о таких вещах никогда не размышлял, просто инстинктом улавливал безжалостный дух времени.

Но нанести удар он не успел. Совсем рядом раздался громкий гогот, по которому Летт сразу определил, что приближается ватага студентов — лютых врагов городских живорезов. Студенты вывалились из-за угла, заметили занесенную палицу и подняли крик. Летт пус-

тился науток, да так славно припустил, что опомнился за пределами Кракова на дороге в Богемию. Там он отдышался, рассудил за благо вообще не возвращаться к своему сообщнику и двинулся прочь от города — туда, куда вела дорога, на юг.

Студенты подняли Фауста на ноги, отряхнули его одежду от пыли и смахнули куриные кишки, в которые он угодил, упав под ударом в сточную канаву. Надо сказать, что тогдашние горе-архитекторы не очень-то ломали голову над проблемой очистных сооружений и прочих прелестей комфорта; в средневековом городе жили скученно, там было мало света, много вони, но был и какой-то домашний уют...

Как только Фауст окончательно пришел в себя и почувствовал, что может идти самостоятельно, он постарался побыстрее отделаться от студентов и, все еще слегка пошатываясь на ходу, поспешил домой.

Дверь его дома оказалась приоткрытой, хотя он точно помнил, что, уходя, запер ее, а домохозяйка не могла вернуться — церковная служба еще не закончилась.

Стараясь не шуметь, Фауст обошел дом и заглянул в единственное не закрытое ставнями окошко своего кабинета. Тут он и обмер: в его комнате беседовали двое мужчин, и в одном из них он мгновенно признал Мефистофеля; хоть доктор никогда прежде не встречал дьявола вживе, зато видел его несчетное число раз на картинках в алхимических книгах о нечистой силе, где портрет Мефистофеля был почти обязателен.

Фауст присел под окном и принялся слушать.

Собеседники говорили достаточно громко, и доктор мог разобрать каждое слово, но застал он только самый конец разговора и поначалу не мог сообразить, что именно происходит.

И лишь когда Мак собирался поставить свою подпись кровью на пергаментном свитке Мефистофеля, лишь тогда Фауст наконец разгадал смысл происходящего. В его доме непонятным образом очутился самозванец! И дьявол искушал не того человека!

Фауст вскочил и побежал к входной двери.

Он распахнул ее с такой силой, что массивная дубовая дверь громко ударила о стену. Тем временем Фауст уже мчался по коридору, рванул на себя дверь своей

лаборатории и возник на пороге, когда Мак уже вывел последний завиток своего имени на пергаменте, а Мефистофель, с довольным видом сворачивая свиток, проговорил:

— Итак, любезнейший доктор, сейчас мы направимся на Ведьмину кухню, где наши специалисты проделают необходимые косметические процедуры, дабы подготовить вас к предстоящим грандиозным приключениям.

После этого Мефистофель воздел руки к потолку, и полыхнул огонь, в котором были различимы цвета ириса, фиалок и зловещего гелиотропа. Пламя объяло обе фигуры, и в то же мгновение они растаяли бесследно.

— Проклятье! — возопил Фауст и замер в отчаянии на середине своего кабинета, с размаху ударив кулаком одной руки в ладонь другой. — На какую-то минуту опоздал!

Глава 6

Фауст исступленно вглядывался в самые темные углы своего плохо освещенного кабинета. В какой-то миг ему почудилось, что на потолке он разглядел некую тень с перепончатыми крыльями летучей мыши. Но нет, комната была пуста. Оба пропали, будто их и не было, — и самозванец, и Мефистофель. Остался лишь слабый запах серы.

Он ясно понимал, что именно произошло. Этот высокий блондин с туповатой рожей вломился в его дом, где по дурацкому стечению обстоятельств ворюгу и застал Мефистофель. Вопреки своей громкой репутации дьявол оказался существом недалеким и принял эту деревенщину за него, за многоученого Фауста!

Доктор нахмурился и покачал головой. Он успел подслушать, как Мефистофель обещал Маку какие-то упоительные приключения. Стало быть, теперь он унес самозванца навстречу этим приключениям, а доктор Фауст остался с носом! Да и награда, законно принадлежащая ему, уплыла к другому... Величайший ученый прозябает в сумрачной мерзкой комнатенке в таком нудно-заурядном городе, как Краков! Неужто ему предстоит тихо-мирно доживать свою жизнь здесь, одному и в смертной скуке, словно ничего особенного и не произошло на его глазах!

Врешь, тому не бывать! Он этого не потерпит, он отправится вслед за обидчиками, дойдет до конца времени и пространства, если потребуется, разыщет Мефистофеля, изобличит низкого самозванца и займет свое законное место в порядке вещей.

Фауст рухнул в кресло и глубоко задумался. Мыслей роилось множество, голова буквально разламывалась.

Первым делом надо отправиться туда, куда ускользнули Мефистофель и самозванец. Они исчезли в клубах дыма и огня; следовательно, удалились с лица Земли. Ему предстоит унести прочь из здешнего мира, вознесясь в эфирные пространства, где царят духи, где происходят мрачные пиры умерших и вознесенных на небеса душ, где обитают эльфы, феи, лешие, гномы и прочие существа, коим поклонялись язычники.

Тут доктор на некоторое время задумался всерьез. А готов ли он к такому перемещению? Ведь это самое решительное испытание способностей любого мага. И хотя Фауст уверенно причислял себя к черным магам первой величины, которые владеют всей полнотой эзотерических, то есть тайных, лишь самому узкому кругу лиц известных знаний, он опасался, что с годами его могущество поослабло. Как знать, вдруг немолодой организм попросту не выдержит такого испытания?..

Не успел доктор подумать это, как ему вспомнилось, что совсем недавно он всерьез подумывал о самоубийстве! И почему? Да потому, что все в жизни обрыдло, все показалось никчемным. Тогда его грядущее — вплоть до могилы — развернулось перед ним свитком с заранее предсказуемым содержанием, нудным и заурядным. Что его ждет? Ничтожное число удовольствий, много-много страданий, бесплодные ученые труды... Зато теперь, мягко говоря, его вкус к жизни пробужден! У него только что самым наглым образом умыкнули приключение! Такого свинства он не потерпит. Уж лучше погибнуть, чем остаться с носом. Шиш самозванцу! Фауст никому не позволит от его лица снимать сливки от сговора с дьяволом!

Доктор встал, подбросил поленьев в очаг, где дотлевали головешки, посмотрел, как разгорается огонь. Потом ополоснул лицо еще свежей водой из бадьи, которую слуга оставил пару дней назад, разыскал добрый кусок вяленой говядины и с аппетитом пообедал, запивая мясо ячменным пивом. Все это время он тщательно обдумывал свои дальнейшие шаги.

Понадобятся сильнейшие чары, дабы перенести его туда, куда он вознамерился попасть. Этим чарам надлежит сочетать энергию посыла и силу пребывания. Маги-

ческие действия, направленные на перемещение в небесные сферы, — дело невероятной трудности, ибо имеет целью транспортировать материальное тело (в данном случае тело самого Фауста) туда, куда обычно возносятся лишь бестелесные души. Потребно невообразимое количество духовной энергии, дабы материальное тело прорвалось в запретные ему пространства.

Фауст подошел к книжному шкафу и стал перебирать книги по кабалистике.

Нужный рецепт он обнаружил в трактате Гермеса Трисмегистуса «Вернейший способ к странствию в надзвездный мир». Но этот рецепт показался чрезмерно сложным — требовались ингредиенты столь труднодоступные, как, скажем, большой палец ноги китайца. Найдись в тогдашней Восточной Европе хоть один китаец (что весьма и весьма сомнительно, хотя в Венеции узкоглазых случалось видеть), маловероятно, что сей китаец согласился бы по доброй воле расстаться с большим пальцем собственной ноги. Фауст продолжал поиски. В конце концов он наткнулся на подходящий рецепт, более простой и без экзотических составных частей, в собственной книге «Путеводитель к Молоту ведьм». Доктор немедленно сел за приготовление смеси.

Помет летучих мышей... У него где-то в заначке есть целая склянка этого добра. Потребуется еще лягушачий стул — испражнения сразу четырех лягушек. И это найдется: в высушенном виде аккуратно хранится в наперстке. Что до чемерицы, с ней хлопот не будет, эта ядовитая травка растет в окрестностях Кракова. Ртуть в лаборатории имеется, а полынную настойку можно добыть в ближайшей лавке фармацевта... Ах, какая незадача! «Состав не подействует, коли не будет добавлено опилок подлинного креста Господня, на коем был распят наш Спаситель».

Проклятье! Его как раз угораздило использовать последние частички в прошлом месяце!

Не теряя времени, Фауст схватил кошелек, бросил в него — на случай непредвиденных расходов — бриллиант со стола, стянул тесемки и вышел на улицу.

Лавка фармацевта на ближайшем углу оказалась закрыта по случаю Пасхального воскресенья, но Фауст так

долго и упрямо колотил в закрытый ставень, что фармацевт с ворчанием открыл дверь. Увы, частицы подлинного креста Господня все вышли, и никто не ведал, когда пришлют новые из Рима. Зато полынная настойка в продаже имелась, и Фауст приобрел нужное количество.

Он вышел из лавки фармацевта, в сердцах хлопнув дверью, и торопливо — насколько позволяли его тощие ноги немолодого кабинетного ученого — зашагал в сторону епископского дворца на улице Патерностер.

Слуги незамедлительно провели Фауста во внутренние покои дворца, ибо именитый доктор бывал там не раз и епископ числил его среди своих старых приятелей. Они нередко вели ученые беседы далеко за полночь, сидя за миской овсяной каши (ибо епископский желудок, как и желудок Фауста, уже был совсем не тот, что в молодости).

Тучный епископ, восседающий на мягких подушках в огромном кресле, неуверенно покачал головой:

— Друг мой Фауст, боюсь, что твоя просьба невыполнима. Недавним распоряжением папской курии запрещено продавать частицы подлинного креста Господня, дабы их не использовали в языческих обрядах.

— Да кто же говорит о языческих обрядах! — вскричал Фауст. — Мы толкуем об использовании их в алхимических опытах!

— Но с какой целью ты намерен проводить эти опыты, мой друг? С целью обогатиться?

— Поверьте, нет. Хочу исправить великую несправедливость!

— Что ж, это дело благое, — сказал епископ. — Однако не премину предупредить: остатки подлинного креста Господня нынче неимоверно выросли в цене. Ничего удивительного: ведь это товар, запас которого воистину неопределим.

— Мне и нужен-то опилочек величиной с ноготь. Велите записать на мой счет.

Епископ достал крохотную коробочку, покрытую черным лаком, где бережно хранил кусочки подлинного креста Господня.

— Как раз о вашем долге я и хотел побеседовать, — сказал он.

Фауст достал кошелек, развязал тесемки и вынул бриллиант.

— Думаю, теперь мы квиты.

Пока епископ любовался игрой света на гранях бриллианта, Фауст завернул частички подлинного креста Господня сперва в бересту, потом укутал куском старого покрывала с алтаря.

Со своей надежно упакованной добычей доктор поспешил домой. Там он разжег уголь в алхимическом горне и раздувал заунывно пыхтящие кожаные мехи, пока угли не раскалились добела, плюясь фонтанами мелких искр. После чего Фауст смешал воедино все ингредиенты. Он поставил кувшин с царской водкой на столе рядом с собой, постаравшись не пролить ни капли, так как царская водка прожигает все, что не пропитано специальным предохраняющим составом. Затем истолок в медной ступке сублимированную сурьму, положил справа пузырек с цветочной эссенцией, слева — лягушачьи экскременты, затвердевший помет летучих мышей, кристаллизованную мочу лесного сурка и комочки кладбищенской гнили. Он тщательно следил, чтобы компоненты лежали отдельно. Упаси Господи смешать их преждевременно!

А вот еще ингредиенты: винный камень, квасцы и дрожжи. Следовало добавить и нигредо — пепла, составленного Фаустом всего лишь неделю назад, из коего должна была родиться птица Феникс. Как ни хотелось доктору воочию увидеть эту прекраснейшую из аллегорических птиц, пришлось пожертвовать драгоценным нигредо. Сейчас было не время думать об эстетических уладах.

Итак, все компоненты налицо, пора начинать.

И как на грех раздался стук в дверь!

Фауст решил не обращать на него внимания, но стук упрямо повторялся, снова и снова, к тому же за дверью послышались чьи-то громкие голоса. Взбешенный, ученый оторвался от своих занятий и распахнул дверь.

На пороге стояли четверо или пятеро парней — трудно было сразу сосчитать эту егозливую молодежь.

— Вы не узнаете нас, доктор Фауст? Герр Фауст, мы же студенты вашего курса Основ алхимии! Всенепременно требуется ваш совет касательно того, отчего

женское начало неизменно присутствует в непрерывно изменяющемся гермафродитическом теле Меркурия. На выпускном экзамене нас обязательно станут спрашивать об этом, а в алхимических учебных пособиях сия тема вовсе не затронута.

— Да что вы говорите, черт побери! — огрызнулся Фауст. — Предмет гермафродитизма во всей совокупности онго трактуется вкупе с эротическими символами алхимии в книге Николаса Фламелья «Новейшие поползновения в древнейшей науке» — в книге, которую я усиленно рекомендовал вам в начале учебного года!

— Но книга-то эта писана французским языком!

— А разве вам не положено сим языком владеть в должном совершенстве?

— Стоит ли трудиться, герр Фауст, ежели принцип двуполости отнесен Аристотелем к категории...

Фауст нетерпеливо взмахнул руками, призывая студентов помолчать.

— Господа студенты, — сказал он, — вы застали меня в разгар подготовки к архитрудному и архисложному эксперименту, который, может статься, войдет в анналы науки и составит эпоху в истории алхимии. Я не могу позволить, чтобы кто-либо хоть ненадолго отвлек меня. Если вам нужен совет, отправляйтесь к любому другому профессору. А не то просто отправляйтесь за советом к дьяволу. Да-да, идите к черту! Вон!

Студенты удалились восвояси.

Фауст вынужден был снова работать кожаными мехами, раздувая огонь. После этого он еще раз проверил готовность своего мудреного оборудования. Перегонные кубы уже были разогреты и готовы к работе, аппараты для возгонки были в исправности, равно как и все сосуды для дистилляции. Доктор приступил к делу.

По мере смешения в плавильном тигле ингредиенты меняли свой цвет в точном соответствии с книжным описанием процесса. Алые и зеленые струи вихрились в сверкающей жидкости, пар поднимался слоями и конденсировался в клубы тумана, которые зависали под толчком подобно прозрачным серым змеям. И вот Фауст добавил опилок с подлинного креста Господня. Не-

сколько мгновений вещество ярко сияло в раскаленном тигле, затем почернело.

В алхимии нет признака тревожней, чем почернение какого-либо вещества в плавильном тигле. К счастью, цепкий взгляд Фауста заметил, что перед этим почернением сверкнули две серебристые вспышки. Он немедленно обратился к страницам книги «Типичные алхимические ошибки и как с ними бороться», продуктом изысканий волшебников из Каирского университета; перевел эту книгу Моисей Маймонид. Касательно данной реакции там было написано следующее: «Двойная серебристая вспышка перед почернением материала обозначает, что использованные в опыте частицы подлинного креста Господня таковыми не являются. Прежде чем продолжить эксперимент, проверьте добросовестность своих поставщиков».

Гром и молния! Опять он загнан в тупик! На сей раз тупик грозит оказаться безвыходным. Разве что опилки креста Господня можно заменить чем-либо другим.

Фауст вновь лихорадочно стал перелистывать фолианты, от которых ломились полки шкафа. Ничего. Он чуть было не разрыдался от досады и отчаяния. И тут его взгляд упал на связку книг, принесенных тем загадочным самозванцем.

Он быстро просмотрел названия и брезгливо поморщился. Сплошь лжеученые трактаты, написанные шарлатанами для продажи дуракам и невежам. Но среди этой дряни доктор узнал одну книгу, название которой было ему знакомо, хотя он до сих пор никак не мог ее приобрести: немецкий перевод антологии «Основания алхимии». Как эта достойная книга затесалась в такую компанию?

В «Основаниях алхимии» доктор Фауст натолкнулся на следующую рекомендацию: «Подлинный крест Господень внешним видом мало отличается от почти подлинного креста Господня. К несчастью, алхимические реакции с последним невозможны. Однако действенность почти подлинного креста Господня возможно усилить до потребной, если прибавить к нему равные части калия и обыкновенной ламповой сажи».

Склянка с калием была под рукой. Что касается ламповой сажи, тут сложнее, хотя если ленивая служанка давно чистила лампы, то есть надежда... Ну да, сажи в лампах более чем достаточно!

После того как калий и ламповая сажа были добавлены, в тигле начались бурные реакции, цвета менялись непрерывно. Клубы густого серого пара окутали и приборы, и самого доктора.

Когда же пар рассеялся, Фауста не оказалось в комнате. Он исчез из Кракова.

Глава 7

Первое зрительное ощущение Фауста: все вокруг залито жемчужно-серым сиянием. Впрочем, это ощущение продлилось лишь какое-то мгновение, покуда Спиритуальный космос перенастраивался на приятие необычного, телесного пришельца с Земли, для чего ему пришлось раздаться во все стороны. После этого Фауст обнаружил, что стоит в предместье городка, который мало чем отличается от виденных им во время странствий по Европе и вместе с тем ни одного отнюдь не повторяет.

Что и говорить, перенесся он сюда в мгновение ока. Но это вполне естественно, ибо Спиритуальное царство полностью свободно от присутствия материи, а значит, может быть сжато природными силами до невероятно малых размеров, ибо, как всем известно, природа избегает пустоты и не любит оставлять какие-либо пространства без дела, не заполняя их материей. Сам многоученый доктор Фауст преподавал студентам в Ягеллонском университете, что Духовное царство в обычном состоянии бывает размером не больше булавочной иглолки. Вот до таких пределов способно сжиматься гигантское нематериальное пространство! Лишь когда в него вторгается телесный наблюдатель, оно раздается в целый мир. В этом случае пространство само себя строит, создавая внутри себя ландшафт и мир под стать той эпохе и той местности, откуда прибыл гость.

Фауст решительно зашагал к центру города, обратив внимание на вывески над рядами каких-то заведений. Ему не удалось разобрать сумасшедшей чехарды букв ни одной из этих вывесок, сколько он ни силился. Из чего

ученый муж заключил, что его не ждут ни в одном из этих заведений.

И вот наконец первая внятная вывеска: «ВЕДЬМИНА КУХНЯ». Стало быть, сюда ему и надо. (Да, таково неотъемлемое свойство магических действий по перемещению в небесные пространства, что они безошибочно доставляют вас к тому порогу, за которым надлежит начаться вашим приключениям, а уж затем оставляют вас наедине с развитием событий.)

Фауст быстрым шагом приблизился к Ведьминой кухне, предельно осторожно протянул руку и легко, с опаской коснулся входной двери — а ну как его рука пройдет ее насквозь! Ведь это место задумано как жилище бесплотных душ, а бесплотное, разумеется, без затруднений проходит через другое бесплотное, они взаимопроницаемы. Как ни странно, дверь оказалась вполне материальна, и после секундного размышления доктор пришел к выводу, что на самом деле удивляться нечему: пусть обитающие здесь существа суть бестелесны, однако им приходится действовать, словно бы они из крепкой плоти, дабы хоть что-нибудь происходило в этом Духовном царстве — ведь еще древние философы подметили, что главным условием наличия событий, главным условием драмы жизни является упругость предметов и существ: лишь столкновения высекают сюжет. Но как же эфемерные существа умудряются быть в то же время упругими? Фауст пришел к заключению, что ответ только один: все здешние обитатели заключили негласный договор не терять своей твердости, не смешиваться и не протекать сквозь друг друга, невзирая на то что у бесплотности столько прелестных преимуществ в смысле свободы перемещения.

С этими мыслями Фауст вошел внутрь Ведьминой кухни и увидел ватагу мелких бесов совсем не страшного вида, которые прислуживали своим закутаным в полосатые простыни и восседающим в креслах патронам. Похоже, это было что-то вроде местного салона красоты, а мелкие бесы были не иначе как парикмахеры, впрочем, заодно и хирурги, так как они тут же с невероятной ловкостью вырезали лишний жир с животов своих клиентов, выковыривали неуместный жир из колбасоподобных ляжек и одновременно подбивали кусками алых мышц хилые руки и тощие икры. Эти шустрые ребята

соскребали грязь с тел и заодно стирали уродливые родимые пятна и удаляли бородавки. Из-под их искусных когтистых лап лица выходили совершенно преображенными — где надо было заменить кожу, дьяволята хватали из стоявших возле каждого кресла корытец, наполненных кусками кожи на любой вкус, и нашлепывали в нужные места куски свежайшей, нежнейшей кожи, доводя свои пластические операции до полнейшего совершенства.

После недолгого наблюдения Фауст догадался, что эти ловкачи не более чем ассистенты. Среди кресел прохаживалась примерно дюжина ведьм, которые наблюдали за починкой тел своих клиентов, а сами брались за самую тонкую и сложную работу. Все ведьмы как одна были одеты в живописные лохмотья, на их вытянутых головах красовались высокие конические шляпы, края которых доходили до самых бровей и подчеркивали жуть недобро горящих глаз. Тощие лодыжки зловещих дамочек были упрятаны в высокие сапоги со шнуровкой. У большинства как еще одно дополнение туалета на костлявых плечах болталось по жирному черному коту.

— А это что за явление? — воскликнула предводительница ведьм, чин которой Фауст угадал по тому, что она одна имела на шляпе черную розу из крепа. — Ты у нас кто — новый рабочий материал, который мы заказывали? Ну-ка, дорогуша, подваливай сюда! Не бойсь, мы тебя вмиг освежаем, и не почувствуешь, как до костей разденем.

— Я никоим образом вам не «новый рабочий материал», — надменно произнес Фауст. — Я — Иоганнес Фауст, профессор из Царства земного.

— Сдается мне, тут один с таким именем уже проходил, — сказала предводительница ведьм.

— Его сопровождал высокий тощий демон по имени Мефистофель?

— Угадал, он самый. Только на мой вкус ничуть он не тощий, а мужчина очень даже в теле!

— Дело в том, что с Мефистофелем был отнюдь не Фауст, а гнусный самозванец! Подлинный Фауст — это я!

Ведьма смерила посетителя оценивающим взглядом.

— Оно и впрямь мне тогда показалось, что для профессора тот хмырь больно желторот. А какой-нибудь документик у тебя имеется?

Фауст порылся в своем кошельке (который также перенесся вместе с ним в этот нематериальный мир, но остался целехонек и неизменен). Там доктор наткнулся на выданное ему в Люблине свидетельство, что он является тамошним почетным судьей, а также особый глиняный черепок с именем — удостоверение парижского избирателя — и серебряную именную медаль в память о Великом Сборе чародеев, проходившем в Праге два года назад.

— Так-так, по всему видать, ты действительно Фауст, — сказала предводительница ведьм. — Тот проходимец обманул и Мефистофеля, и меня, хотя у меня и мелькнуло легкое подозрение. Какое свинство! А мы его так славно омолодили — постарались не на шутку! Видел бы ты, какого красавца мы из него вылепили, — ты бы с досады все глаза выплакал!

— О, как вы ошиблись, как опростоволосились! — взвыл Фауст, скрежеща зубами. — Теперь ваш долг — проделать ту же работу надо мной!

— Разбежался! — возразила предводительница ведьм. — Уже невозможно, мы использовали почти весь отпущенный на это омоложение материал. Или все-таки рискнем попробовать? Авось что и выйдет.

Она провела Фауста к свободному креслу, затем подозвала бесенка-помощника, и они шепотом о чем-то переговаривали. Фауст разобрал только конец разговора.

— Беда в том, — тихонько говорил бесенок, — что сыворотка долголетия почти целиком израсходована на других клиентов.

— Взболтай, что осталось на дне, и пусти в дело. И последки лучше, чем ничего.

— Но что делать с его рожей? — спросил бесенок, наклоня голову Фауста то так, то этак. Его глазенки — черные, как агаты, и такие же твердые — пристально изучали черты докторского лица, которое ему явно не нравилось. — Если мне не выделяют омолодительного набора, что я буду делать с этим шишковатым длинным носом — весь в жирных порах! А эти впалые щеки, эти губы-ниточки, этот отвратный овал лица!

— Эй, полегче! — возмутился Фауст. — Не для того я сюда явился, чтобы меня оскорбляли вкривь и вкось!

— А ты помалкивай, — огрызнулся бесенок. — Тут я профессор, а не ты, ясно? — После чего он повернулся к предводительнице ведьм и сказал: — Ладно, морду мы ему почином и все прочее, только на этот раз не требуйте от нас невозможного. Как получится, так и получится, гарантирую, что будет сносно.

— Вы уж постарайтесь, — сказала предводительница ведьм.

Бесенок принялся работать с такой скоростью и такой энергией, что Фаусту стало не по себе. Но очень скоро он понял, что процедуры не доставляют ни малейшей боли, и расслабился в кресле. Тем временем бесенок, что-то напевая себе под нос, проворно срезал куски обвисшей кожи своего клиента — везде, где находил, — и заменял их полосами молодой упругой кожи, которую он прикладывал в нужном месте, разглаживал и придерживал, пока та почти мгновенно не приживалась. При такой проворной работе крови проливалось совсем немного.

Обновление тела закончилось полной заменой наиболее изношенных нервов, мускулов и сухожилий — раз-раз, и все готово и подклеено универсальным дьявольским клеем. Фауст поулыбался, погримасничал, подвигал всеми членами — работает!

Бесенок закончил работу и отскочил на несколько шагов полюбоваться результатом. Кивая самому себе с видом знатока, он произнес:

— Куда лучше, чем я ожидал, учитывая нехватку материалов.

Он в последний раз обмахнул клиента щеткой и предложил Фаусту посмотреть в высокое настенное зеркало.

Фауст увидел в зеркале молодого человека атлетического сложения — помнится, он был потщедушнее в свои молодые годы. Кожа утратила рыхлость и белизну, свойственные преклонному возрасту, стала упругой и приобрела румяный оттенок, характерный для людей средних лет. Более того, его зрение и слух резко улучшились. Черты лица можно было узнать, но бесенок укоротил его выступающий нос, слегка выдвинул подбородок и убрал жировые складки под ним. Словом, Фауст

выглядел куда благообразнее, чем прежде, хотя даже теперь ему вряд ли удалось бы выиграть один из тех конкурсов мужской красоты, которые тайно проводились в некоторых областях Италии.

— Что ж, недурно, — констатировал Фауст, придиричиво изучая себя перед зеркалом, — но могло быть и лучше. Я имею законное право на омоложение по полной программе!

Бесенок раздраженно пожал плечами и отвернулся. Предводительница ведьм сказала:

— Лучше не заводитесь о правах. Мы вам пособили чем могли по доброте душевной. А еще говорят, что у ведьм нет сердца!.. Чтобы вас обслужили по высшему классу, вам бы пришлось принести бумагу, подписанную самим Мефистофелем или любым другим из великих князей Тьмы или Света. Только тогда мы смогли бы получить по накладной достаточное количества материала на Главной базе.

— Будет такая бумага, — сказал Фауст. — Я и много другого добыю, вот увидите! Мефистофель не говорил, куда он направляется?

— Он нам не докладывает.

— По крайней мере, в каком направлении?

— Он один и знает. Столб пламени и дыма — и был таков.

Фауст понимал, что ему так эффектно не удалиться. Переместительные чары имеют достаточно ограниченную силу. Сюда они его доставили, а дальше — изволь сам. Нужно вернуться на Землю и как следует продумать план дальнейших действий.

Глава 8

Тот Фауст, что материализовался внутри начерченной мелом на полу его лаборатории пентаграммы, был в плену у безутешного отчаяния.

Сразу после Ведьминой кухни, этой многолюдной мастерской по переделке людей, где все жило и суеилось, полуосвященная тесная келья показалась ему невыносимо противной и грязной. Эта чертова девка-служанка даже не потрудилась смахнуть пыль со скелета! Не говоря уже о его мантиях, полы которых омерзительно забрызганы грязью и до сих пор не почищены! Ну погодите, теперь в этом доме все пойдет иначе, решил ученый муж, скрипнув зубами от обуревавшей его злости.

Вот и будь добрым с людьми! В результате любой самозванец, не знающий ни аза в алхимии, считает себя вправе прокрасться в твой дом и выхватить у тебя из-под носа договор с дьяволом, к которому ты, можно сказать, полжизни шел! Черта лысого ему, а не Мефистофеля! Он покажет, где раки зимуют, этому наглецу, который узурпировал его имя в такой ответственный момент!

Между тем омоложение давало о себе знать. Доктор не мог не заметить, что испытывает необычайный прилив энергии. Его ершистая, неумная натура с годами стала смягчаться, а теперь все сглаженные временем острые углы характера как бы снова заострились. Гром и молния, он не кто-нибудь, а Фауст! Он крепок и здоров! И он готов съесть лошаадь!

Ученый кинулся к шкафу со съестным. На верхней полке стоял горшок овсяной каши, добрая часть которой осталась после вчерашнего ужина. Он помешал ее длинной ложкой. Комковатая каша была цвета трупного

жира. Обновленный желудок Фауста возопил, что не намерен более принимать эту и подобную дрянь. Тем более ведьма с Ведьминой кухни напоследок вставила ему тридцать два новехоньких зуба, только на одном клыке оказалась щербинка — и тут, хоть малость, а недодали. Эти зубы отвергали всякие там кашки. Мяса! И отщечения, отщечения!

Не медля ни минуты, он бросился вон из комнаты, сбежал по лестнице и вышел на улицу. Уже наступил вечер, на землю пали прелестные голубые сумерки, достойное завершение сказочного Пасхального дня. Фауст не обратил ни малейшего внимания на красоты вечера. У него были дела поважней, чем слагать стихи по поводу благорастворения воздухов и вечерней неги! Он перешел на другую сторону и ввалился в трактир «Пестрая корова» с громким криком:

— Хозяин, вели зажарить кус доброго молочного поросенка, и пусть он будет с отменной хрустящей корочкой!

Фауст обычно был мрачен и уравновешен и довольствовался преимущественно протертой пищей. Но если трактирщик и был удивлен столь внезапной переменой в характере завсегдатая, то виду не подал, а только осведомился:

— С каким гарниром пан изволит — с ячменной кашей или с пшенной?

— Ну ее к ляду, пшенку! Тащи сюда полное блюдо жареной картошки. И пусть девка принесет мне настоящего доброго вина, а не вашей польской красноватой водицы.

— Пан изволит токайского?

— И токайского, и рейнского, только поторапливайтесь!

Фауст выбрал стол подальше от постоянных посетителей — надо было хорошенько подумать в одиночестве. В трактире было темновато, лишь в камине горел огонь, и то небольшой, да еще чадили сальные фитили на тележном колесе, укрепленном длинными цепями на балке потолка — вместо люстры. Колесо покачивалось на сквозняке — ветер гулял по залу из-за плохо подогнанной входной двери.

Молодая служанка принесла кувшин вина, и именитый профессор не глядя осушил полпинты. Вскоре девуш-

ка появилась вновь с деревянным блюдом, на котором рядом с поросычьим боком высилась гора жареного польски картофеля и горка остро приправленной краснокочанной капусты.

Еще день назад желудок Фауста взбунтовался бы против подобной пищи, теперь же она пришлась в самый раз. Равно как и служаночка, которая, ставя блюдо, нагнулась над столом и мало-мало не вывалила пышные груди из белой рубахи с изрядным вырезом, по краю которого бежал вышитый орнамент. Девушка выпрямилась, отвела назад копну роскошных каштановых волос, обрамлявших ее овальное личико и струившихся вдоль шеи и по приятно округлым плечам. Фауст, уже давно не обращавший внимание на женские прелести, пожирал ее глазами и не сразу обрел дар речи.

— Ты, милашка, вроде бы новенькая? — наконец сказал он. — Что-то не припомню тебя. А ты из таких, что не забываются.

— Я тут первый день работаю, — ответила девушка, и лицо ее озарилось упоительно медленной и томной улыбкой. — Меня зовут Маргарита, я родом из Мекленбурга, где я мирно пасла гусей, пока король Густав-Адольф не нагрянул с севера со своей армией. И когда эти шведские головорезы начали жечь и грабить города и насиловать немецких женщин, я сочла за благо бежать на восток. Как выяснилось, в том не было особой нужды, ибо шведы до Мекленбурга не дошли.

Фауст согласно кивал, очарованный ее добродушной болтовней, взятый в плен ее женскими чарами. Окажется, с омоложением организма вернулась и способность терять голову.

— А я доктор Фауст, — представился он. — Быть может, ты слыхала обо мне.

— Несомненно, герр профессор! — воскликнула Маргарита. В ту эпоху, скудную на развлечения, алхимики блистали не хуже нынешних кинозвезд, и потому такую величину в мире магов, как Фауст, знал стар и млад в самых разных уголках цивилизованного мира. — Это правда, что вы превзошли все невероятные науки и способны делать из грязи драгоценные камни, а из воздуха соткать невиданный наряд?

Фауст собрался было отвечать, как кто-то за соседним столиком грубо выкрикнул:

— А не пора ли обслужить и нас? Наш винный кувшин пуст! Принеси-ка, девка, по-быстрому хоть рейнского, хоть токайского, хоть какайского!

— Мне надо бежать, — сказала Маргарита, — эти скоты еще не до конца упились.

— А отчего бы тебе сегодня вечером не заглянуть ко мне домой? — спросил Фауст. — Мы бы развлеклись, вызвав парочку-тройку духов!

— Ой, как здорово! — прощепетала Маргарита. — Обязательно буду. Я заканчиваю в восемь. До скорого, и *basta la vista*.

Поразив доктора столь неожиданной способностью к иностранным языкам, она упорхнула обслуживать других посетителей.

Глава 9

Плотно отужинав, Фауст вернулся домой. До прихода Маргариты оставалось время, которое он решил употребить на приведение своего жилища в «божеский вид».

Доктор собрал и выбросил с заднего крыльца весь мусор, накопившийся за время последних экспериментов:дохлых котов, коих он, себе в развлечение, пытался особыми заклинаниями заставить плясать, остатки позавчерашнего борща и вчерашней каши, целую гору первоначально серых, но побуревших от времени профессорских мантий, до стирки и глажки которых у ледащей служанки, ясное дело, руки не доходили. Отодвинул все шторы, распахнул все ставни, впервые за Бог знает сколько времени по-настоящему проветрил комнату. Женщины, создания чуждые углубленных научных занятий, весьма чувствительны к подобным пустякам.

Покончив с уборкой, Фауст сжег немного благовоний в медной плошке, и комната наполнилась возбуждающе-сладостным ароматом. Затем он нагрел чан с водой, скинул одежду и хорошенько поработал мочалкой, соскребая с себя грязь. Это мытье казалось ему излишней глупостью, но, с другой стороны, весна на пороге, и почему бы не ознаменовать ее избавлением от грязи, которую он за вечной занятостью не беспокоил целую долгую зиму. После этого Фауст оделся во все чистое и расчесал свои густые кудри — после того как над доктором потрудились в Ведьминой кухне, у его гребня вдруг снова появилась работа. Непривычное, но такое знакомое и

восхитительное возбуждение захлестывало свежоотремонтированное молодое гибкое тело.

Маргарита пришла вскоре после восьми часов, когда голубые сумерки уже сгущались, но сама она была словно лучик света, который невесомо перемещался по комнате по мере того, как девушка двигалась от одной алхимической диковины к другой, ахая, восторгаясь и разглядывая многочисленные книги и манускрипты, вся женственность и благоухание, сгусток животной энергии бытия, которую она щедро разливала вокруг себя.

Если что и отравляло великолепное настроение Фауста, так это воспоминание о преступной небрежности дьявольских сил, по вине которых его упованиям был нанесен такой чувствительный удар. Этот осел Мефистофель не потрудился удостовериться, кто перед ним! Без какого-либо документа он поверил самозванцу на слово! Есть от чего лезть на стену...

Вскоре Фауст уже рассказывал Маргарите о всех этих досадах, уютно прижавшись к девушке на узкой докторской кровати, в изголовье которой на столике стояла бутылка ячменной водки, что исправно поддерживала веселость и игривость любовников. Маргарита восприняла его историю с превеликим сочувствием, хотя ее мысли быстро направились в сторону ее собственных интересов.

— Это было бы чудесно, — говорила она, — сумеешь ли заполучить все те богатства, которые сулил Мефистофель. Тогда бы ты мог проявить неслыханную щедрость, подарив своей подружке и то, и это, и разные милые штучки; а уж твоя подружка, разумеется, растаяла бы от твоих щедрот и была бы такой душечкой с тобой — ну прямо заласкала бы тебя!

— Пожалуй, и верно, — согласился Фауст. — Почему-то не приходило в голову посмотреть на дело с этой стороны... Кстати, коль скоро мы заговорили о подарках, как тебе понравится вот это?

Он схватил медное колечко, подбросил его в воздух и пробормотал какое-то заклинание. Когда колечко упало на одеяло, на нем заискрился драгоценный камень, очень похожий на алмаз, а на деле всего лишь его подобие — циркон, потому что Фауст прибег лишь к малому

волшебству. Маргарита была на седьмом небе, даром что колечко оказалось велико для ее маленьких пальчиков, и заявила, что ее знакомый ювелир отсыплет ей пригоршню золотых за это чудо — как за подлинный бриллиант.

А какими еще фокусами способен удивить ее милый Фауст?

Фауст немедленно повиновался и превратил букетик засохших штокроз в огромный букет настоящих роз, на лепестках которых сверкала роса. Это волшебство в общем-то понравилось Маргарите, однако девушка осведомилась, не знает ли он еще каких-либо трюков с драгоценными камнями, которые особенно захватывают воображение. Фауст показал ей несколько магических приемов такого рода, засыпав любознательную шаловницу булавками и брошами изящной работы, но невысокой цены, ибо есть предел тому, что может совершить даже такой великий маг, как Фауст, лежа в постели с юной девой, будучи расслаблен негой, покаясь щекой на упругой женской груди.

И все же он нашел в себе силы подняться, вспомнив магический фокус, показанный Альбертом Великим во время его левантинского турне. Фауст взял одну из роз, которые появились в результате его собственного волшебства, и проделал над ней несколько пассов, бормоча этрусское заклинание. Результатом стал восхитительный набор украшений из бирюзы в оправе из первосортного серебра.

— Прелесть как здорово! — взвизгнула Маргарита. — Как ты ухитрился?

Фауст пощелкал пальцами.

— Ловкость рук. И, разумеется, немножко специальных знаний.

— Если ты с такой легкостью создаешь все эти штуковины, — сказала Маргарита, — тебе ничего не стоит стать сказочно богатым. Чего ради ты живешь в этой дыре?

Ее пренебрежительный круговой жест обозначал, что девушка невысокого мнения о жилище-лаборатории, пусть оно и вполне приспособлено к работе ученого.

— Я никогда не мечтал о стяжании богатства, — ответил Фауст. — Моим сокровищем всегда было знание, я был занят поисками философского камня, который есть

не что иное, как способ обрести мудрость, а не претворять любое вещество в золото, как полагают невежды.

— Понимаю, — кивнула Маргарита. — Но позволь спросить, какой с этого навар?

— Что ты хочешь сказать?

— Ну, ежели люди чего делают, так обязательно не за так, а с целью получить чего-нибудь. Разве ты не замечал? Ежели крестьяне выращивают зерно, так это чтоб не умереть с голоду. Ежели солдаты идут на войну, так это чтоб потом был мир. А во время битвы солдат убивает не потому, что ему нравится людей дырывать, а чтоб его самого не убили. Человека не зря честят ленивой тварью — прежде чем хоть пальцем пошевелить, он всегда кумекает: а что я буду с этого иметь?

— Благословенное дитя мое, — промолвил Фауст, — устами твоего простодушия невольно говорит большая мудрость, ибо ты ненароком подняла вопрос изрядной философской важности. Итак, ты спрашиваешь, в чем состоит конечная цель, или смысл, моего поиска абсолютной мудрости?

— Ах, мне бы уметь так учено говорить! — вздохнула Маргарита.

Фауст усмехнулся:

— Познание, мудрость суть самодостаточные цели и не требуют обещания какого-либо «навара» в будущем, если использовать твое своеобразное, но милое словцо.

— В таком случае отчего ты так сердишься на этого самозванца? Пусть себе крадет твою награду, ты волен продолжать гоняться за своим знайством.

— Хм... — только и мог ответить Фауст.

— Что ты собирался делать, — продолжала допрос девушка, — когда поймешь, что стал достаточно мудрым?

— Постараюсь стать еще мудрее.

— А когда постигнешь всю премудрость мира, тогда что?

Фауст на мгновение-другое задумался, затем произнес:

— Когда ты собрал весь мед мудрости, которая тебе нужна, тогда ты подготовлен насладиться тем, что да-

ют чувства, под коими наслаждениями я разумею вкусные яства, купание, добрый сон, правильное пищеварение, улады плотской любви, лицезрение волшебства закатного неба и так далее и так далее. Однако мы, философы, полагаем, что подобное ублажение собственных чувств есть суета сует.

— Суета не суета, — возразила Маргарита, — а после того как ты достиг вершин премудрости, какую другую награду тебе могут предоставить? Высокочтимый доктор Фауст, человек состоит из души и тела. Когда мы насытили душу, самое время насытить и тело.

— Есть, конечно, и вера, — сказал Фауст. — Некоторые даже полагают, что религиозное чувство самодостаточно. Я к таким не отношусь; покорное приятие дарованного сверху знания, жизнь в согласии с набором некритически воспринятых догм — по мне, все это ущемляет и ограничивает дух вольного исследования, который диктует все подвергать сомнению, полагаться только на свой разум и на свои суждения, отменяя те предрассудки, что суеверные церковники норовят навязать.

Собственные слова привели Фауста в столь возбужденное состояние, что он вскочил с кровати, набросил на голое тело докторскую мантию и стал прохаживаться взад и вперед по комнате, размышляя вслух.

— Говоря по правде, настоящий философ силится обрести некое во всех отношениях *совершенное* мгновение. Он мечтает достичь такого восхитительного момента бытия, когда ему захочется вскричать: «Остановись, мгновение, ты прекрасно!» Если кто-нибудь — человек ли, черт ли — в силах одарить меня таким мгновением, я готов продать ему свою бессмертную душу. Несомненно, Мефистофель являлся, дабы переговорить о подобного рода сделке. Он пришел с неким конкретным предложением. И это было незаурядное предложение, далеко идущее предложение, в противном случае зачем бы Мефистофелю начинать с такой хлопотной вещи, как мое омоложение, то бишь я имею в виду омоложение того поганого самозванца. Будь я проклят, если демон не намеревается показать тому типу все чудеса мира, как видимого, так и невидимого, а также, несомненно, дать возможность купаться в роскоши — потому что уж такова

тактика дьявольских сил, которые, судя по всему, никак не способны сообразить, что человека может сбить с праведного пути приманка даже куда меньшая, нежели обольстительная женщина. Соблазнить любого — плевое дело; достаточно малейшего намека, стоит только пальцем поманить, а человек уж и кинулся в пропасть греха. Но я отвлекся от темы. Итак, меня подло обчистили! Разве не в том состояло величие Фауста, что он ведал — наступит благословенный день, когда темные силы наконец выйдут на него! Уразумела, Марго? Мне наконец подвернулся случай сыграть по-крупному с судьбой, и этот случай безвозвратно уплыл!

— Ты обязан сделать так, чтобы это не сошло им с рук! — вскричала Маргарита.

— Будь уверена, я им покажу, где раки зимуют! — взревел Фауст в ответ. Однако уже через секунду он сник и прибавил тише: — Но что я могу предпринять? Где теперь Мефистофель и треклятый самозванец? Ищи ветра в поле!

Как раз в этот момент все церковные колокола зазвонили к вечерней службе. Их перезвоны — густые басы и дробные ноты в высоком регистре, короткие рассыпчатые звуки и долго незамирающие обертоны — заметались в лабиринтах ушей доктора Фауста, неся крайне важное сообщение тому, кто был способен его понять...

Пасхальная служба. Ее празднуют как на Земле, так и на Небесах. Что касается темных сил, у них своя гулянка — Черная Пасха, зловещий шабаш в пику светлому церковному празднику...

И где же еще, как не на этом бесовском действе, искать Мефистофеля и самозванца!

— Я сообразил, где они могут быть! — воскликнул Фауст. — Я последую за ними и верну течение своей судьбы в правильное русло!

— Замечательно! — поддакнула Маргарита. — Ах, то-то было бы славно, кабы наши судьбы хоть на какое-то время соединились!

— И соединятся, поверь мне! — прогремел Фауст. — Ты, Марго, последуешь за мной и будешь помогать в многотрудном деле, когда же я добьюсь положенной награды, ты не останешься внакладе.

— Я бы с радостью помогла тебе, — не раздумывая согласилась Маргарита. — Но увы и ах, милый герр доктор, что я умею, кроме как пасти гусей? Даже прислуживать в трактире не успела толком научиться! А в алхимии я не смыслю ни полстолько.

— Ба, тебе вовсе не нужно превзойти науку алхимию, чтобы сбегать в лавку фармацевта по моему поручению, — сказал Фауст, надевая свою выходную ученую мантию. — Одевайся — и за дело!

Глава 10

Вот таким образом Фауст взялся за лихорадочные приготовления к выполнению своей затеи.

Сперва следовало составить список необходимого. Присев за конторку, он макнул гусиное перо в чернильницу и набросал перечень всего, что потребно для успешных магических действий, которые перенесут его в нужное место. После чего он отшвырнул перо и пригрюнился.

Понадобятся месяцы, если не годы, чтобы собрать воедино все ингредиенты, необходимые для создания таких могучих чар, которые смогут сперва зашвырнуть его на Ведьмин шабаш в день Черной Пасхи, а потом перемещать дальше, куда потребуют обстоятельства. Главнейшая беда: совершенно недостаточно времени, чтобы собрать все нужные компоненты законным образом. Но он обязан совершить невозможное, ибо в противном случае история доктора Фауста так и не состоится — эта прославленная, вошедшая в легенду история о том, как один человек восстал против коварных происков потусторонних сил и победил благодаря своему уму и творческой силе.

Фауст пришел к мысли, что для достижения вожделенной цели ему придется прибегнуть к самым крайним мерам, а если обстоятельства совсем припрут, так и против закона пойти. Если когда-нибудь и где-нибудь извечный философский вопрос, оправдывают ли цели любые средства их достижения, мог иметь ответом неоспоримое «да», то это был как раз тот случай.

И тут, словно по наитию, ученый муж понял, как ему следует поступить. Он вскочил и схватил коробку со сле-

сарным инструментом, который оказывался весьма кстати, когда соответствующие заклинания почему-либо не открывали запертых дверей, а в другую руку взял мех с испанским вином, в высшей степени годным для укрепления решимости.

— Вперед! — сказал Фауст Маргарите. — Нам надо повернуть одно важное дельце.

Музей Ягеллонского университета, большое здание из серого камня, стоящее особняком справа от ворот св. Рудольфа, был безлюден и погружен во тьму. Маргарита притихла в сторонке, покуда Фауст бормотал заклинание-отмычку, склонившись над замком высокой бронзовой входной двери.

Как доктор и опасался, сегодняшним вечером дело не ладилось. Заклинания следует произносить с совершенно определенной интонацией, иначе никакого эффекта не добиться. Частенько даже с именитыми волшебниками и чародеями случается пренеприятный конфуз, когда им приходится воздерживаться от самых простеньких волшебств из-за насморка, который способен исказить их голос; хлюпни случайно носом в недолжном месте заклинания — и останется от тебя мокрое место! Что именно не заладилось на этот раз, Фаусту было безразлично, потому что он заранее подготовился на случай, если заклинания дадут осечку. Он незамедлительно достал из коробки слесарный инструмент, «поколдовал» над замком, хлебнул для храбрости вина из меха и слегка приоткрыл дверь, чтобы они с Маргаритой могли быстро шмыгнуть внутрь.

Пророчка оказалась в просторном главном зале музея, но экспонаты тонули во тьме, которую лишь немного рассеивал лунный свет, проникавший внутрь через оконца в скатах крыши. Фауст был отлично знаком с расположением предметов в помещении и решительно потащил Маргариту прочь от портретов древних польских королей, на которые она уставилась. Они прошли по какому-то коридору и уперлись в каменную стену.

— И что дальше? — спросила Маргарита.

— Сейчас увидишь. Я тебе открою мало кому известный секрет Ягеллонского музея.

Фауст проворно пробежал пальцами по глухой стене, пока не наткнулся на знакомые выступы. Когда он нажал на эти тайные рычаги, часть стены со скрипом повернулась на петлях, открывая узкий проход.

— Куда же мы попадем? — спросила Маргарита.

— В Тайное хранилище, святая святых, вход в него запрещен церковью с незапамятных времен. Это секретный музей древних мистических объектов.

Доктор провел девушку через потайной ход, и они оказались внутри комнаты с высоким потолком и множеством столов, которые ломились от экспонатов.

В подобном месте даже Фауст замирал в почтительном восхищении, ибо, по слухам, эта коллекция, несравненная по своему богатству, была собрана воедино еще до того, как Европа приблизилась к нынешнему уровню цивилизованности. Фауст и Маргарита прошли на цыпочках по проходу между столами, и их взорам представили обрядовые медные кольца из древнего Ура; бронзовые священные кольца из Тира; кремневые ножи для жертвоприношений из Древней Иудеи; древнеегипетские скарабеи, которые служили для самых разнообразных целей, в том числе и как амулеты; серпообразные ритуальные ножи кельтов, поклонявшихся радуге; а также более современные предметы: бронзовый бюст Роджера Бэкона, чудо-машина Раймунда Луллия, которая будто бы владела универсальным знанием и была незаменима в деле обращения язычников в христиан. Было там и множество других уникальных вещей.

— Тут их еще пропасть остается, — сказал Фауст, набрав полные пригоршни магических предметов.

— Тебя повесят! — воскликнула Маргарита.

— Пусть сперва поймают! — возразил Фауст.

— Мне все это не нравится. Как бы не вышло беды! — дрожащим голосом проговорила девушка.

Именно в этот момент раздался скрежет — со скрипом открывалась входная дверь, через которую похитители проникли в музей. Вслед за тем послышался быстрый топот подкованных сапог — охранники спешили схватить воров.

— Мы пропали! — взывала Маргарита. — Отсюда нет второго выхода!

— Смотри внимательно, — произнес Фауст и стал раскладывать в определенном порядке принесенные с

собой предметы. Потом он взмахнул руками и прошептал слова, которые не следует произносить всуе, ибо это приводит к нарушению законов природы.

Открыв рот от удивления, девушка наблюдала, как вокруг магических предметов появился сияющий нимб. Нимб стал быстро расширяться, пока не поглотил сперва Фауста, затем его корзинку с вином, а затем и саму Маргариту...

Таким образом, когда прибежали запыхавшиеся стражники с пиками наперевес и, стуча сапогами, ворвались в Тайное хранилище, арестовывать было уже некого.

Глава 11

Фауст и Маргарита, несколько ошарашенные и взъерошенные после полета через эфирные пространства, очутились на огромном темном лугу в предместьях Рима, где, по обычаю, происходил Ведьмин шабаш.

Луг находился в долине между двумя высокими холмами, вершины которых напоминали горгулий. От заходящего солнца, красного, огромного, раздутого, над горизонтом остался лишь краешек — знак того, что празднество только что закончилось. Повсюду валялись пустые мехи из-под вина и бумажные шляпы-колпаки. Оркестранты складывали в мешки инструменты и собирались в обратный путь. Высоченный алтарь в центре луга был завален приношениями. Но сами дьяволопоклонники уже разошлись, а бесы-служки одаряли мясом нищих злых духов — да-да, свои голодранцы есть повсюду, и на Земле, и выше, и ниже.

Фауст и Маргарита спустились по склону к той части луга, где полегшая высокая трава указывала на место ведьминых плясок. Доктор едва не плакал от откровенного разочарования. Опять опоздал на какую-то ма-лость!

Переместиться на этакое расстояние, предпринять такие труды, подвергнуться такому риску — и все впустую! Впрочем, Фауст быстро пришел в себя и строго-настрого приказал себе не раскисать, не падать духом — быть может, еще не все потеряно.

Он подошел поближе к одному из работников, которые уничтожали следы празднества. Это был бородатый гном на коротких тонких ножках, перехваченных кожаными подвязками. На его голове красовался рогатый

шлем, вроде тех, что носят скандинавские рыцари. А за спиной болталась дорожная сумка с привязанной к ней лопаткой.

— Как поживаете? — осведомился Фауст.

— Ни к черту, — отозвался гном. — Один бес прихлопнул меня с товарищами прибираться после праздника, но, известное дело, бесы чертовски прижимисты и такая пьянь... Глядите, ни в одной чаше не осталось недопитого вина!

— Ах, вы не прочь промочить горло, — сказал Фауст, приподнимая руку с мехом испанского вина, который он благоразумно не обронил, когда спешно покинул Тайное хранилище Ягеллонского музея. — Отведайте моего винца.

— Какой добрый господин! Спасибочки за угощеньице. Меня зовут Рогнир, к вашим услугам.

Гном потянулся к меху, но Фауст чуть отвел кожаный мешок с вином и сказал:

— Не торопись, браток. Сперва окажи мне услугу.

— Ну вот, так я и знал, — вздохнул Рогнир. — Ничего за спасибо не получишь. Что за услуга?

— Мне нужны кое-какие сведения.

Рогнир, который было нахмурился, распустил морщины, вскинул брови и ухмыльнулся:

— Сведения, господин хороший? Да спрашивайте, чего хотите! Я испугался, что вы бриллианты потребуете. А кого продать, так с моим удовольствием.

— Ну-ну, браток, ты уж и губы раскатал, — осадил его Фауст. — Мне просто надо выяснить, куда подевались двое типов, которые принимали участие в празднестве. Один такой высокий, блондинистый, а другой черноволосый бес по прозванию Мефистофель.

— Были тут такие, были, — кивнул Рогнир. — Веселились и ржали что было мочи, будто впервые на Ведьмином шабаше.

— А куда они отправились после? — спросил Фауст.

— Ну, об этом гномам, знаете ли, не докладывают! — сказал Рогнир. — Но у меня, господин хороший, имеется цидулка, которую Мефистофель оставил вон тому рыжему черту.

Рыжий черт (Рогнир повел в его сторону бровью) был не кто иной, как бес по имени Аззи Эльбуб, вертлявый

щеголь с вытянутой как у лисы мордой, в прошлом — ответственный со стороны темных сил за проведение предыдущего Тысячелетнего Турнира. Увы, креатура Аззи — Прекрасный принц — не то чтобы провалилась с треском, а закончила столь неубедительной победой, что судья Ананке, богиня Необходимости, дисквалифицировала бедолагу и объявила условия Турнира подстроенными в пользу темных сил. Все это пришлось весьма не по душе повелителям Тьмы, которые мечтали одержать победу, дававшую им право распоряжаться судьбой человечества на протяжении следующего тысячелетия. При организации нового Турнира с опальным Аззи даже не посоветовались, возложив все дело на Мефистофеля и архангела Михаила.

Фауст удивленно переспросил:

— А каким образом эта цидулка оказалась у тебя, он сам тебе вручил?

— Не совсем так, — ответил Рогнир. — Этот рыжий черт смял пергамент и в ярости швырнул на землю, едва Мефистофель и его дружок, такой молоденький, такой новехонький — видать, только что с Ведьминой кухни! — исчезли в клубах дыма и пламени.

— Давай послание!

— Давай мех!

Оба боялись обмана и настороженно наблюдали друг за другом, пока в один и тот же момент Фауст не схватил цидулку из руки гнома, а тот — мех вина из руки Фауста.

Рогнир немедленно присосался к меху, а ученый доктор развернул пергамент и обнаружил на нем список местностей и дат. В некоторых из указанных мест он бывал — например в Париже. В других местах ему бывать не доводилось — в Лондоне или в судебном курултае китайского Великого Хана. Даты имели немалый разброс: одни относились к прошлому, другие — к будущему. Одно бросалось в глаза: первой строкой в списке был Константинополь, время — 1204 год. Фауст сразу припомнил, что как раз в том году состоялся злополучный Четвертый крестовый поход. В подслушанном разговоре Мефистофеля и Мака демон упоминал как раз этот поход.

Покуда доктор внимательнейше изучал листок, стараясь разгадать его тайны, слева за его плечом раздался чей-то голос:

— Мне показалось, что вы толковали обо мне?

Фауст поднял глаза и увидел подошедшего Аззи, того самого рыжего черта.

— Как вы угадали? Ведь я говорил шепотом; — воскликнул Фауст.

— Злые духи всегда чувствуют, когда о них говорят. Ломаете голову над этим куском пергамента? Извольте, поясню. Мефистофеля назначили распорядителем Тысячелетних Игр, от которых будет зависеть судьба человечества в следующие десять веков. Предпочли его, а мне шиш. Мне — который дважды сорвал приз! Мефистофель сговорился с архангелом Михаилом, что поставит Фауста в пять затруднительных ситуаций. Каждое решение, которое примет доктор, пытаясь выпутаться из этих положений, его мотивы и последствия, будет тщательно рассмотрено на предмет Добра и Зла беспристрастной богиней Необходимости, которая также известна под именем Ананке.

— Но Фауст — это я! — вскричал доктор. — Мефистофель перепутал и прихватил не того человека!

Аззи уставился на него. Его сверкающие глаза сузились, и поджарое бесовское тело напряглось подобно тевитиве — признак, по которому наблюдатель с более цепким взглядом, нежели взгляд Фауста, мог бы догадаться, что в голове черта промелькнула какая-то дьявольская мысль.

— Многоученный профессор — это вы?

— Да! Я! Именно я!

Тут Маргарита со значением дернула своего любовника за рукав, и он счел нужным добавить:

— А это моя подруга Маргарита.

Аззи любезно кивнул и снова обратился к Фаусту:

— Весьма любопытный поворот событий...

— Любопытный, но не для меня, — резонно заметил Фауст. — Я горю желанием восстановить справедливость. Ведь Мефистофель хотел, чтобы именно я принял участие в Турнире. Вот я и требую того, что принадлежит мне по праву! Вы мне поможете?

Аззи в задумчивости зашагал взад-вперед по приямой траве. Он старался обуздать свою обычную

склонность действовать очертя голову; на сей раз можно было напороться на множество острых углов, следовало сперва все хорошенько разузнать и хорошенько взвесить, прежде чем кидаться в авантюру. Но если ход его мыслей правилен, то подворачивается чертовски заманчивая возможность...

— Я свяжусь с вами через некоторое время, — наконец произнес Аззи.

— Дайте по крайней мере совет! Подскажите, куда направиться, чтобы нагнать Мефистофеля и самозванца.

— Ладно, — сказал Аззи. — Мой совет таков: чтобы догнать эту парочку, вам надобно совершить путешествие во времени. Стало быть, вам надлежит посетить Харона и сговориться о переправе в его лодчонке.

— Как я вам благодарен! — воскликнул Фауст.

Он подхватил за талию свою подружку, произнес вторую часть заклинания, которое начал еще в Тайном хранилище Ягеллонского музея, и оба растворились в воздухе.

Глава 12

Аззи пронаблюдал за отбытием Фауста, отметив для себя, как мастерски тот исчез. Сработано четко, без помарок: то был тут, потом вдруг хлоп — и сгинул без следа; никаких кончиков одежды, которые еще какое-то время засасываются в пустоту, никаких медленно угасающих красок на месте пропадания, — словом, никаких огрехов, свойственных исчезновениям второсортных магов. Этот тип владеет магической техникой очень сносно для смертного. Разумеется, Фауст — особый случай. Про Фауста Аззи был давно наслышан...

Команды уборщиков закончили очистку луга, где происходил шабаш Черной Пасхи, лишь за полночь. Специальная группа санации простерилизовала места, где закопали нечистых зверей, которых использовали в бесовских действиях. А духи-экологи бережно восстановили деревья и траву — деревья были искорежены ударами молний и обожжены адским огнем, а травы вытоптаны. Попутно духи-экологи очистили почву от всякой мерзости, попавшей на землю во время разнузданного празднества.

— Грязищи-то сколько убрали! — ворчал Рогнир, бригадир команды гномов. — Заблевали округу хуже, чем в прошлый раз.

— Да, славно погуляли, — рассеянно отвечал Аззи. По отрешенному взгляду беса угадывалось, что мысли его далеко.

— Теперь-то мы наконец свободны? — спросил раздраженный Рогнир.

Ему такая работа была совсем не по вкусу. Прежде чем появился этот чертов черт, Рогнир направлялся на

ежегодную пирушку упсальских гномов, которую на сей раз затевали в далеком французском городке Монпелье. Шел себе тихо-мирно по подземному ходу (существует целая сеть подземных коммуникаций, построенных гномами) и тихонько напевал. Предстоял самый большой для гномов праздник года, когда они похвалялись придуманными вариациями в своих старинных танцах и новыми мелодиями, сочиненными для старых песен. Гномы — большущие консерваторы, обожают свое древнее искусство и терпеть не могут всякие новшества, которые всегда оказываются недолговечными. Гномы любят переделывать старое: тут прибавили словцо, тут фигуру в танце. В течение последних месяцев Рогнир с товарищами по клану прилежно репетировал несколько вариаций тарантеллы. (Стоит объяснить, что в клан входят пять-семь гномов, и такой клан заменяет гномам семью, а главное, позволяет следить, чтобы каждый по очереди ставил выпивку для всех.) Рогнир собирался встретиться с остальными членами своего клана неподалеку от Монпелье. Итак, он поторапливался, как всегда опаздывая, — и нате вам: перед ним вырастает этот Аззи и загораживает проход.

— Привет! — говорит чертов Аззи. — Мы кажется, знакомы, а?

— Встречались разок, — отзывается Рогнир, узнавая беса. — Вы обещались выгодно вложить мой сбережения. Позвольте воспользоваться случаем и осведомиться: где нынче мои сбережения?

— Так я же как раз и бегу по вашим делам! — заявляет Аззи. — Не беспокойтесь о своих денешках, ведь один раз вы уже получили проценты, помните? — Тут он по-свойски кладет свою лапищу Рогниру на плечо и медовым голосом спрашивает: — Сдается мне, вы в данный момент без дела?

— Я спешу на встречу, — отвечает Рогнир.

— Это может подождать, — говорит Аззи. — Вы мне нужны — предстоит прибраться после Ведьминого шабаша.

— А почему бы вам самому не заняться уборкой?

— Я в чине надзирателя, а не работника, — терпеливо объясняет Аззи. — Пошли, будьте пайнкой.

Словом, пришлось быть пайнкой и согласиться, хотя Рогнир был полон желания отказаться. Но, сами послу-

дите, у какого гнома хватит духу, оказавшись один на один с бесом, послать того куда подальше. Черти, они опасные бестии, куда опаснее гномов... которые, говоря по совести, хотя и умеют делать страшные рожи, сами по себе нисколько не страшны.

Неприязнь между гномами и чертями уходит корнями в древнюю историю. С незапамятных времен гномы и черти совместно проживают в подземном царстве, но отнюдь не на равных правах. Черти всегда были правящим классом. Им даже в голову не приходила идея о равенстве. Гномы полагали, что ими постоянно помыкают. Никогда ни один гном не мог продвигнуться на руководящую должность. Никто не хотел иметь своим начальником гнома. Даже сами гномы не могли долго терпеть над собой власти своего товарища-гнома.

Какое-то время зрел мятеж против чертей-притеснителей, однако до дела так и не дошло: гномы по натуре своей — народец, помешанный на традициях, и раз уж повелось от предков покоряться и терпеть, стало быть, и надо покоряться, а не бунтовать. Их сердца пылали любовью к накатанной колее, они все норовили делать так, как делалось прежде.

Бесы же, наоборот, новаторы, просто шило в одном месте. И надменные, глядеть тошно. И политиканы.

Что касается гномов, они простые, им этой политики век бы не знать. Они что было мочи избегали всяческих запутанных ситуаций и конфликтов, тогда как черти, казалось, только и норовили все запутать, всех перессорить и извлечь выгоду из любых неурядиц. Гномы жили под землей, чтобы ни с кем не сталкиваться; к тому же там видимо-невидимо драгоценных металлов. А чертей хлебом не корми — дай пожить на поверхности Земли или того выше, в Царстве духов. Гномы не любили ни то, ни другое место. О Царстве духов они все знали, изредка бывали там по делам, хотя тамошнюю публику не уважали. У гномов, больших материалистов, были свои теории насчет жизни: весьма практичные, весьма приземленные, можно даже сказать, весьма припогземленные, учитывая их сознательное стремление жить под землей. У гномов имелась своя философия, пусть карликовая, но своя, и стройная, законченная, отторгавшая посторонних, всех негномов.

Увы, Вселенная полна всяческой нечистью — людьми, чертями. Когда-то гномы жили на поверхности Земли, но им это осточертело, и они решительно и навсегда ушли в мир подземный; по выражению одного карликового мудреца, последний целинный край, где гномов никто не будет беспокоить, там они будут жить-поживать, добывать драгоценные металлы, растить своих овец и мохнатых малюсеньких пони. Однако бесы, на беду, и в подземном царстве могут передвигаться беспрепятственно, дерзко нарушая границы обиталища гномов и портя их уединение. На взгляд чертей, подземный мир был просто ничейным грязевым шаром.

— Как насчет оплаты? — спросил Рогнир.

— Мешки с серебряными монетами уже поступили на ваш счет в сберегательном банке «Дьявол и К^о».

— Но он же находится черт знает где, у входа в Ад! — возмутился Рогнир. — Гномы сроду туда не ходили!

— Придется смотаться, ежели хотите получить денежки.

— Когда мы все-таки добираемся до врат Ада, нас гоняют в банке от окошка к окошку и требуют удостоверения личности. Им, похоже, и в голову не приходит, что у гномов не имеется водительских удостоверений!

— Хватит ныть, тошно! — отрезал Аззи с хулиганской интонацией и с угрозой в голосе, то и другое было его обычной манерой.

— И никто не позаботился накормить нас или дать нам вина, — плаксиво пожаловался Рогнир.

— Сами себе купите! На то и существуют деньги!

Рогнир поспешил прочь и собрал своих товарищей-гномов, которые между собой не переставали возмущаться условиями работы и отсутствию вина.

Гномы вообще путешествуют исключительно под землей, прокладывая новые туннели, если старые не ведут в нужном направлении. Рытье туннелей — работа, конечно, нешуточная и порой совершенно излишняя, так как на поверхности существуют вполне пригодные дороги и тропы, связывавшие все со всем. Но гномы, как уже было сказано, страшные традиционалисты, для них все освященное обычаем неприкосновенно... К тому же под землей ты точно знаешь, что никуда не улетишь и никуда не провалишься.

Итак, команда гномов-уборщиков исчезла в зеве подземного хода, и последний из них прикрыл лаз куском дерна. Теперь луг имел самый обычный вид неухоженного поля, и Аззи мог убраться восвояси.

Однако черт с вытянутой лисьей рожей никуда не торопился, весь в мыслях о существовании двух Фаустов. Что происходит? Судя по всему, Мефистофель — с одобрения архангела Михаила и по поручению Комитета по выработке тысячелетнего плана — вручил Фаусту листок с маршрутом, то есть с указанием тех ключевых точек во времени и пространстве, где доктору предстоит своим поведением повлиять на будущий ход человеческой истории. Фауст дал согласие. Надо полагать, именно сейчас он и Мефистофель, так сказать, выходят к стартовой черте, чтобы начать Турнир. А между тем человек, которому предстоит участвовать в затее такого масштаба, вовсе не Фауст! Он самозванец, а Мефистофель, похоже, и ведать не ведает об этом. Занятенько...

Выходит, и на самого-рассамого умнейшего демона бывает проруха, он способен иногда оплошать и самым глупым образом сесть голой задницей на ежа? А нет ли, часом, за всем этим каких-либо глубинных стратегических соображений?

Последнее время Аззи пребывал в весьма раздраженном состоянии. Хотя он всегда слыл добродушным и жизнерадостным бесом, недавние события внесли нотки ожесточения и угрюмости в его в общем-то почти ангельский характер. То, что его отстранили от участия в проведении очередного Тысячелетнего Турнира, несколько не улучшало настроения. Аззи мучила досада, что для работы, с которой он справился бы наилучшим образом, повелители Тьмы выбрали Мефистофеля — самого тупоголового из злых духов, даром что злые духи по определению не могут быть глупыми! И вот Мефистофель уже явил образчик своего ума — разгуливает по миру не с тем человеком!

Как этот самозванец повлияет на исход Турнира? Какая из сторон выиграет от того, что вместо подлинного Фауста в игре будет задействован неизвестно кто? И, наконец, главный вопрос: кто за всем этим стоит?

По мере размышлений в Аззи крепла уверенность, что все это кем-то подстроено. Теория о том, что миром

движут заговоры и сговоры, была главным философским открытием адских сил, и Аззи, будучи в прочих вопросах независимым мыслителем, был ярким приверженцем этой теории повсеместных заговоров.

Да, тот, кто все это спланировал, хитрейшая бестия! Но Аззи тоже не лыком шит, он все вынюхает и повернет ситуацию в свою пользу!

Как только Аззи дошел до этих выводов, его дурное настроение как рукой сняло, он снова стал прежним веселым бузотером. Ведь для черта нет ничего сладостнее, чем разведать о чьих-либо секретных планах и разрушить их, заодно блеснув своим умением перехитрить самых хитрых.

Аззи был рад возможности применить свои таланты, в последнее время ему мало поручали настоящей работы. Он был так уверен в своем назначении распорядителем грядущего Турнира, что не позаботился заранее припасти себе интересное занятие, и теперь маялся без стоящего дела. А тут наклеывается первоклассная интрига. И у него уже подготовлен первый ход — коварный и ловкий.

Он в последний раз окинул взглядом луг, где прошумел Ведьмин шабаш, убедился, что все следы аккуратно уничтожены, и взмыл в воздух. Раскрутился винтом до бешеной скорости и ракетой рванул прочь, оставив после себя фонтан огромных красных и белых искр. А ну-ка, пусть какой-нибудь смертный попробует убраться со сцены с таким же шиком!.. Слабо!

Глава 13

Его полет (а в небесном эфире Аззи двигался скромнее, без фонтанов искр) привел прямехонько в знакомые районы Южного Ада, где располагались Инфернальные архивы. Эти архивы были закрыты для рядовых адских жителей, но Аззи знал способ, как нарушить запрет и заглянуть в нужные бумаги.

Аззи пролетел мимо здоровенных серых зданий главного хранилища, под крышами которых многочисленные обреченные на вечное проклятие души стучали по клавишам компьютеров. Приговоренным на веки вечные к тупому изнуряющему труду грешникам разрешали устраивать только краткие перерывы, чтобы выкурить сигарету, и только потому, что темные силы всегда рады потакать вредоносному препровождению времени. Аззи взял немного вправо от этих зданий и опустился возле небольшой сельского типа таверны. Оттуда он позвонил Уинфрид Фэй, знакомой смазливой чертовке, заведовавшей этажом в Отделе пактов.

— Привет, малышка, как делишки, не текут соплишки? — спросил Аззи в том легком шутиливом стиле, который так нравился Уинфрид.

— Аззи! О тебе сто лет не было слышно!

— Сама знаешь, Уинни, я вечно в замоте. Если хочешь всерьез творить зло в этом мире, приходится вкалывать не покладая рук.

Они сговорились о встрече и вскоре уже сидели за загородкой в уютном отделении таверны, а хозяин принимал от них заказ: виски с ядом тарантула для Уинни и чашу чертовой вихрянки для Аззи.

В столь приятной и расслабляющей обстановке друзья вспомнили общих знакомых: старину Фоксворса, который с недавних пор работает в Отделе вечных пыток — чинит тамошние железные орудия; мисс Маггз, которая все еще трудится секретаршей у Асмодея; юного Силвера Фокске, который нынче подвизается в должности младшего пакостника в столовой для нераскаявшихся грешников...

В камине играл яркий огонь, слепой певец в углу исполнял собственную песнь о Троянской войне, аккомпанируя себе на лире, — все это придавало ужину атмосферу романтической старины.

— Ах, Аззи, — сказала Уинни, когда они пропустили не один бокал спиртного, — мы классно посидели! Но мне пора бежать обратно на работу. Как досадно, что мы так редко видимся!

— Досадно, — согласился Аззи. — Хотя как знать, может, удастся разгрести дела, и мы будем встречаться почаще. Слушай, Уинни, не окажешь мне одну маленькую услугу? Я тут пишу статейку для «Сатанинской правды» о пактах и соглашениях между силами Тьмы и силами Света. Есть одно новое соглашение, которое еще не опубликовано в широкой прессе. Касательно Тысячелетнего Турнира.

— Я знаю, что ты имеешь в виду. Два дня назад я самолично подшила его в соответствующую папку.

— Был бы очень благодарен за возможность взглянуть на это соглашение.

Уинни встала из-за стола. Даже для чертовки она была невысокого росточка, но с дьявольски милой мордашкой — большие темные глазищи, овал лица сердечком и стрижена по последней моде, под фею.

— Я принесу тебе нужную бумагу в следующий перерыв.

— Уинни, ты прелесть. Жду ответа, как соловей лета!

Смазливая чертовка ушла, повиливая бедрами в короткой юбчонке, демонстрируя свои стройные ножки. Аззи остался в таверне коротать тягучие часы до возвращения подруги.

Посетителей было немного, лишь время от времени забежали служащие из Министерства адских дел, чтобы по-быстрому пропустить стаканчик. Эта часть Ада днем

и ночью была освещена одинаково, но неярко: тут как бы вечно царил пасмурный зимний полдень. Кстати, иногда действительно моросил дождик, и Аззи наблюдал, как снаружи по оконным стеклам стекают капли воды.

Он нашел номер «Пекло-Таймс» двухнедельной давности, ведомственной газеты Службы адских дел, и без особого интереса прочел заметки о вещевой лотерее среди сотрудников, о пикнике, а также пролистал новое приложение «Вилы в бок». При этом выпил не одну чашку ведьминого кофе с добавкой кокаина — сей напиток был не только вполне легален в Аду, но служащие Министерства адских дел просто были обязаны употреблять его ежедневно, так гласила запись в их трудовом соглашении — «Кодексе об обязательном распущенном образе жизни». И вот наконец торопливой походкой в таверну вошла Уинни — и опять Аззи не мог оторвать взгляда от ее аппетитных, почти неприкрытых ляжек.

— Достала! Но только с возвратом и на недолго!

Она протянула ему толстый конверт.

— Мне-то и нужно лишь глазами пробежать, — сказал Аззи. Он взял свиток пергамента, концы которого придерживала Уинни, и быстро нашел нужный текст соглашения между Фаустом и Мефистофелем.

Документ был составлен в такой по-идиотски педантичной манере и так путано-многословно, что допускал, как это ни парадоксально, невероятно широкое толкование. Начало выглядело так: «Сим заключается соглашение о том, что Иоганнес Фауст, житель различных городов Земли, а ныне находящийся, по слухам, в Кракове...» А в условиях сделки стояло буквально следующее: «Сказанный Фауст или человек, откликающийся на имя Фауст, обязан не покидать усердия...»

«Человек, откликающийся на имя Фауст»? Аззи почуял, что такая дурацкая формулировка тут неспроста, это нарочно оставленная лазейка для превратного толкования в случае, если будет обнаружено, что место Фауста занимает совсем другой. Согласно здравому смыслу, если не имеет значения, кто именно будет участвовать в Турнире, зачем вообще ставить имя Фауста?

Аззи читал дальше, и продолжение также озадачивало: «Сей Фауст (какой именно Фауст? тот, что действительно Фауст, или тот, что отзывается на его имя? снова эта двусмысленность!) будет представлять самого

себя в пяти приключениях, кои обозначены в дополнении к сему документу. В каждом из оных приключений ему будет предоставлена свобода выбора, дабы он без всякой подсказки со стороны действовал по своему усмотрению. Вершить суд над его поступками препоручается Ананке, и она будет оценивать их на предмет пропорции Добра и Зла, Света и Тьмы, равно как и прочих враждебных друг другу составных частей. А также признается обеими подписывающими сторонами, что названный Фауст вступает в сие соглашение по доброй воле, каковая добрая воля понимается в общепринятом смысле...»

Аззи отодвинул пергамент и спросил Уинни:

— Кто сочинял эту галиматью? Явно не архангел Михаил.

— Он самый.

— Мне и в голову не приходило, что Михаил способен намарать подобный документ. Здесь столько двусмысленностей, что даже профессора из нашей Академии передового крючкотворства могли бы завистливо ахнуть!

— Да будет тебе известно, архангел Михаил специально изучает казуистику, — сообщила Уинни. — По крайней мере, ходят такие слухи. Говорят, будто он считает, что добрые духи бесконечно проигрывают из-за своего простодушия и неумения вилять и хитрить, и пора им кое-чему научиться.

— Это соглашение составлено с отменной коварностью... М-да. — Аззи еще раз перечитал документ и сказал: — А рассуждения о доброй воле... Тебе не кажется, что они подброшены нарочно, чтобы бросаться в глаза и отвлекать внимание от чего-то другого? От чего именно?

— Без понятия, — сказала Уинни, наивно хлопая длинными ресницами.

— Не огорчайся, голубушка, — подмигнул Аззи, сворачивая пергамент и возвращая свиток своей подруге. — Я знаю того, кто может оказаться «с понятием».

Глава 14

Говоря о том, кто может разъяснить загадку, Аззи имел в виду Лахесис, одну из трех богинь судьбы, которую многие считают самой мудрой. Это те самые почтенные дамы, что прядут жизненную нить человека, отмеряют ее длину и в положенный час перерезают. Но если приглядеться, основную работу продельывает Лахесис. Клото — добродушная старушка, чья обязанность — из кудели недифференцированного бытия прясть отдельные нити, и эту обязанность она выполняет машинально: ее пальцы проворно работают сами по себе, а она тем временем погружена в сладостные воспоминания о давнопрошедших временах. Атропос, вторая сестра, занята тем, что перерезает нить человеческого существования, и тут она полностью зависит от указаний Лахесис: ну-ка, сестричка, эту нить перережь здесь, а эту вот — здесь; чик, чик, и все новые жизни, так сказать, летят в мусорную корзинку. Словом, работенка нехитрая, поэтому у Клото и Атропос остается масса свободного времени, чтобы перекинуться в картишки и бесконечно гонять чай со сладкими кексами — главной пищей богинь судьбы. Лишь Лахесис приходится задумываться в ходе работы, вынося приговор, сколько тому или иному человеку суждено прожить; кое-кто верит, что она же выбирает и то, как именно человеку доведется умереть.

Внешне это высокая прямая пожилая леди с суровым выражением школьной директрисы; будучи дочерью Хаоса и Ночи, она связана родством с богиней Необходимости, которая приходилась ей прабабушкой. Лахесис исправно посещает прабабушку по всем важнейшим праздникам, а в остальное время прилежно корпит над

бесчисленными нитями: неустанно проверяет каждую на прочность, определяет долю всякого человека.

Парки, богини судьбы, являли собой остатки мифологической эпохи, и многим может показаться странным их присутствие в мироздании рядом с христианскими ангелами и средневековыми бесами. Эти и многие другие очевидные парадоксы и несоответствия убедительно и окончательно разъяснены в общей теории духовного поля, даром что в существование названного духовного поля можно только верить, ибо никто его не видел и не щупал.

Было совсем не просто попасть в гости к сестрам-разбойницам, как за глаза называли богинь судьбы. Они обитают в собственном мирке за пределами времени и пространства, а этот мирок соединен с остальной Вселенной прочной нитью причинно-следственной связи. И тем не менее Аззи чувствовал, что ему следует непременно общнуться с Лахесис — будучи правнучкой несравненно мудрой богини Необходимости, она унаследовала частицу ее мудрости и имела репутацию тонкого знатока психологии сил Тьмы и сил Света, хорошо разбиралась в побудительных мотивах действий тех и других.

Аззи начал с того, что прошвырнулся по магазинам в поисках небольшого подарка — Лахесис обожала получать подарки, и в небольшом храме в греческом стиле, где три сестры обитали и трудились, имелась довольно большая кладовка специально для даров. Кладовую комнату приходилось снова и снова расширять, потому что богинь попросту заваливали подарками все те, кто хотел умаслить их и добиться каких-либо изменений в своей судьбе. Найдя прелестное серебряное ситечко для заварки чая древнекитайской работы, Аззи отправился в сторону крохотной красной звездочки на краю той части космического пространства, которая известна под названием Угольный Мешок. Там он сделал глубокий вдох и нырнул в никуда.

Его подхватил и завертел вихрь тамошних турбулентных потоков, но в конце концов Аззи был выброшен в нужном месте — на каменистом поле, у края которого виднелся кирпичный домик, в коем жили «сестры-разбойницы», а чуть за ним гораздо большее по размерам здание — тот самый храм в греческом стиле для хранения

подарков, которыми люди осыпали богинь из поколения в поколение — в надежде заслужить смягчение судьбы и продление жизни хотя бы на несколько лишних лет...

— Добро пожаловать, голубчик, — приветствовала Лахесис, широко распахивая дверь. — Атропос, Клото, посмотрите, кто к нам пожаловал!

— Ах, да никак это милый юный бесенок Аззи! — воскликнула Атропос. Чик, чик — не унимались при этом ее ножницы. В воздухе плавали ошметки льняных нитей.

— Будь внимательней, сестрица! — упрекнула ее Лахесис. — Последнюю жизнь ты обрезала сантиметра на три прежде положенного! А ведь сантиметр равен десяти годам человеческой жизни!

— Что за беда, — мягко огрызнулась Атропос. — И эти годы человек растратил бы столь же бессмысленно, как и все прочие.

— Это не наше дело, — сказала Лахесис. — Мойра, дающая материал для нити жизни, отпускает человеку отмеренный отрезок времени, который тот волен истратить по своему усмотрению. Никто не вправе сократить этот отрезок времени — ни Бог, ни смертный, ни сам дух творения.

— А, будет тебе! — вмешалась Клото. — Кому-нибудь другому отпущу жизни на несколько сантиметров больше, вот и квиты.

Лахесис осуждающе пожала плечами и повернулась к Аззи:

— Ну что с ними поделаешь? На прошлой неделе я застукала Атропос за тем, что она завязывала нити жизни узлами перед тем, как перерезать их. Спрашиваю ее: ты зачем проказничаешь? А она мне в ответ: хочу поглядеть, как людиотреагируют, если их жизнь завязать в узел. И ты только подумай, Клото все это видела — и хоть бы слово ей сказала! Ей тоже наплевать!.. Я так взбесилась, что потребовала от Главного кадрового управления заменить Атропос, даром что она моя подруга с незапамятных времен. Но мне отвечают: согласно какому-то там параграфу трудового кодекса только Атропос уполномочена выполнять данную работу, замена ее другим работником противоречит традициям и установлениям! Можно подумать, что главное — соблюдать традиции и установления, а там хоть трава не расти!

— Вижу, у вас тут хлопот полон рот, — сказал Аззи, вручая Лахесис подарок. — Мне просто неловко беспокоить такую занятую даму по пустякам.

— Да ладно уж, брось, — сказала Лахесис, любуясь серебряным чайным ситечком. — Ах, какая прелесть — и очень кстати! Выкладывай свой «пустяк».

Аззи рассказал ей о Тысячелетнем Турнире и том, какой двусмысленный договор составил архангел Михаил.

— Что ты не доверяешь архангелу Михаилу, правильно, — сказала Лахесис. — В последнее время он рьяно взялся творить добро в убеждении, что для этого все средства хороши. Такая прыть рано или поздно получит свою оценку, и его скоро поставят на место. Но тем временем он способен вытащить на свет Божий старые теории: мол, свободная воля — штука ненадежная и ее проявления весьма трудно правильно оценить. Эти рассуждения — отличная дымовая завеса, чтобы исключить свободную волю из Турнира, ввести в игру Фауста, а точнее, марионетку псевдо-Фауста. Но хотела бы я знать, как Ананке сумеет правильно оценить истинные мотивы поведения испытуемого, если тот не волен в своих поступках, если на того оказывают мощное давление со всех сторон? Придется ей судить не побуждения, а результаты. При таком раскладе архангелу Михаилу предпочтительнее иметь такого участника Турнира, действия которого будут абсолютно предсказуемы.

— А чем настоящий Фауст не годится в этой ситуации?

— С настоящим Фаустом могут возникнуть разные сложности, — сказала Лахесис. — Мы слышали немало историй про этого человека, и понятно, что характер у него — гремучая смесь противоречивых качеств. С одной стороны, он слывет шарлатаном и хвастуном, с другой — могущественным магом и глубоким мыслителем. Архангел Михаил был уверен, что Мефистофель без долгих препираний согласится на участие Фауста в Турнире. Трудность была в другом: как поведет себя непредсказуемый Фауст? А линия поведения Мака Дубинки вычисляется куда проще: монах-недоучка, которого жизнь изрядно потрепала, на чьей совести немало темных дел, но из чьей души еще не вытравлено тайное страстное желание стать когда-либо богатым и почтен-

ным буржуа. По крайней мере именно такую характеристику выдали ему небесные детективы, которым архангел Михаил велел секретно прощупать подноготную Мака Дубинки.

— Вы хотите сказать, что это архангел Михаил втравил Мака Дубинку во всю эту историю? — недоверчиво спросил Аззи. — То есть нарочно вложил в голову этого проходимца мысль двинуть Фауста по башке и забраться в кабинет доктора — с сознанием того, что Мефистофель явится туда и примет ворюгу за настоящего Фауста?

— Помалкивай, что узнал от меня, — сказала Лахесис, — но эта история дошла до меня именно в таком виде. Многие небесные духи весьма довольны проделкой архангела Михаила и рады, что самодовольный Мефистофель так глупо купился. Насколько я знаю, всю черную работу для архангела Михаила проделал ангел Бабриэль. Представь. Он является Маку в трактире и предлагает повернуть все это дельце: обещает, что оно зачтется Маку как доброе деяние. Мак, к его чести, артачится: дескать, как может убийство быть зачтено как доброе деяние, даже если оно осуществлено ради самых благих целей? Ну тут ангел Бабриэль закатывает глаза в ханжеском ужасе и восклицает: «Да кто же говорит об убийстве! Ни в коем случае! Об этом и речи нет! Просто стукни Фауста по голове, отбери кошелек и потом укради кое-что из его комнаты». Тогда Мак спрашивает: «Но ведь вы меня толкаете на кражу!» Бабриэль отвечает: «Конечно, это в некотором отношении кража. Но пожертвуй десять процентов украденного на нужды бедняков, и сей грех тебе простится».

Лахесис еще раз полюбовалась ситечком, отложила его и заключила свой рассказ словами:

— За правдивость не отвечаю, но я ничего не утаила, рассказала все, что слышала.

— Крайне любопытные новости, — произнес Аззи. — Трудно выразить, как я благодарен вам за предоставленную информацию.

— Я рассказала это для общего блага, — заявила Лахесис. — Мы, богини судьбы, сохраняем нейтралитет и ни к кому не пристрастны, ни к силам Тьмы, ни к силам Света. Но если мы видим, что кто-то затевает надувательство, мы полагаем своим долгом вывести его на

чистую воду — кто бы он ни был. Случится тебе задумать пакость, я и тебя выведу на чистую воду, ничего про тебя не утаю. Так что ты уж заранее меня извини!

— Конечно, я не буду держать на тебя зла, — сказал Аззи. — По мне, это справедливый закон: воруй да не попадайся, а попался — не скули. Пора мне, матушка, прощай!

— И как ты используешь то, что узнал? — осведомилась Лахесис.

— Пока не ясно, — ответил Аззи. — Сперва мне надо поразмыслить над этим, покрутить в голове — глядишь, до чего-нибудь и додумаюсь.

И с этими словами он улетел восвояси.

Глава 15

Приводя в порядок свою одежду и пытаясь хоть как-то расчесать волосы, немилосердно спутанные ветром во время недавнего упоительного полета, Маргарита прошептала:

— Что это за место?

Они мягко приземлились прямо из ниоткуда возле холма, на котором высилось величественное здание с колоннами. Совсем рядом раскинулся небольшой рынок, где невысокого роста смутные мужчины продавали ковры, половики, разнообразные ткани и многие другие товары. За торговыми рядами теснились шатры — коричневые, серовато-коричневые и черные, отчего это место напоминало лагерь бедуинов-кочевников.

— Так где же мы? — повторила свой вопрос Маргарита.

— В Афинах, моя дорогая, — ответил Фауст. — Вон то здание из мрамора — Парфенон.

— А что там за люд толпится? — спросила Маргарита, указывая на торговцев коврами.

— По-моему, купцы.

— Ах, — горестно вздохнула Маргарита, — и это все, что осталось от прославленной Греции? Ничего от той картины, которую нам рисовали в начальной школе.

— Ты рисовала в своем воображении античную Грецию, — усмехнулся Фауст. — А это Греция нынешняя. Кое-что существенно переменилось. Однако Парфенон никуда не пропал, и его высокие дорические колонны по-прежнему тянутся в небеса, словно немые стражи всего того, что было прекрасно, величаво и ценно в том отжившем мире.

— Очень милая руина, — согласилась Маргарита. — Но зачем нас сюда занесло? Я-то думала, что мы направляемся напрямик к переправе через Стикс.

— Да будет тебе известно: Стикс протекает как раз в Греции, — сказал Фауст.

— Как? Прямо тут, в Афинах?

— Нет. *Где-то* в Греции. Вот я и решил сперва заглянуть в Афины и выяснить, как добраться до места.

Маргарита задумалась и затем сказала:

— Знаешь, меня одно смущает. В школе нам говорили, что никакого Стикса вообще не существует. Как мы будем спрашивать дорогу в место, которого не существует?

Фауст покровительственно улыбнулся и ответил вопросом на вопрос:

— А как по-твоему, архангел Михаил существует?

— Разумеется.

— А Чаша Святого Грааля? Она есть в природе?

— Говорят, что есть.

— Ну так вот, поверь мне, что и Стикс существует. Если одна придуманная вещь реально существует, следовательно, должна существовать и любая другая придуманная вещь.

Маргарита наморщила лобик, пытаясь понять логику своего ученого друга, потом беспомощно фыркнула и согласилась:

— Тебе виднее.

— Действительно, мне виднее, — улыбнулся Фауст. — Я не зря угробил столько времени на изучение черной магии!

— Да, ты великий чародей, — кивнула Маргарита. — Не обращай внимания на мои глупые замечания.

Из древних атласов Фауст знал, что Стикс — река, текущая из океана в Подземный мир, — выходит на поверхность земли где-то в Греции, а затем уходит вглубь и продолжает свое течение сквозь время и пространство по замкнутому кольцу до самого Тартара — мрачной бездны в глубине земли, нижней части Преисподней. Те же атласы поведали, что Стикс изливается из пещеры, затем короткое время струится по темной равнине и наконец низвергается почти вертикально в бездну, глубина которой непредставима человеком, ибо равняется тому

же расстоянию, что разделяет землю и небо. Это и есть та дорога в Подземное царство, которую прославили классические писатели. По ней, например, прошел Тезей, когда пытался похитить Елену у Ахилла.

— А что за Елена? — спросила Маргарита, когда Фауст вспомнил вслух об этой истории.

— Прославленная красавица, — пояснил доктор. — Из-за Елены Прекрасной вспыхнула знаменитая война, и один великий город был разрушен до основания.

— А, одна из этих, — промолвила Маргарита. — На что она нам сдалась?

— Ну, мы ее вряд ли встретим. Но если она нам повстречается, мы могли бы выяснить кое-что очень важное для нашего путешествия, например, как попасть в Константинополь одна тысяча десятого года, как прогнать вшаей Мака Самозванца и занять мое законное место в грядущих приключениях.

— Кстати, кого ты собираешься расспрашивать? — спросила Маргарита. — Здешняя публика, похоже, и про свой-то город ничего не сможет толком рассказать, не говоря уж о неведомой мифической реке под названием Стикс.

— Пусть тебя не обманывает их внешний вид, — возразил Фауст. — Они напускают на себя суровую тупость, чтобы держать на расстоянии чужаков. Бьюсь об заклад, тут любой может показать нам дорогу.

Он повел Маргариту к группе мужчин, толпившихся вокруг человека с кофейником.

— А, что я говорил! — воскликнул Фауст. — Кофе! Маргарита, местные жители отнюдь не дураки. Этот напиток еще практически неизвестен в других районах Европы!

Доктор протолкался в гущу толпы и громко спросил на локальном наречии — с несколько жеманным коринфским акцентом, который он приобрел, еще мальчишкой изучая греческий:

— Добрые граждане! Не могли бы вы указать мне дорогу к прославленной реке по имени Стикс, которая находится где-то на просторах Эллады?

Мужчины в очереди к продавцу кофе недоуменно переглядывались, но тут один из них обратился к другому на дорийском наречии:

— Эй, Альф, а не про тот ли Стикс идет речь, который протекает возле фермы твоего дядюшки, неподалеку от Феспротии?

— Ты путаешь с Ахероном, — отозвался Альф. — Эта река — действительно приток Стикса, но вливается в него аж у Гераклеи Понтийской, а это неблизкий путь от Феспротии. Ахерон вьется ужом, поэтому следует двигаться не по его течению, а срезать дорогу — идите сперва к Колон, а потом спуститесь по течению Коцита. Речушка ныряет в пещеры у озера Ахерузии, где, говорят, находятся врата в Преисподнюю, а затем сливается со Стиксом.

— Да, это наилучший путь, — подтвердил его приятель. — Он сам приведет вас к цели. Когда вы заметите, что по берегам ничего больше не растет, кроме златоцветника и осока, тут вы и поймете: пришли к Стиксу. Ну а потом, когда река потечет отвесно вниз и станет жутковато, тогда уже и самый глупый догадается, что это за река.

Фауст поблагодарил простодушных селян и отправился с Маргаритой в дальнейший путь: при помощи чародейства понесся на север вдоль береговой линии полуострова Аттика. Маргарита путешествовала у него на спине, потому что никакие чары не помогли бы доктору удержать ее на руках, до того был силен встречный ветер. Снова волосы Маргариты безнадежно спутались, и она втихомолку опасалась, что от этих скоростных перелетов у нее обветрится и покраснеет кожа лица. И все же Маргарита была неимоверно счастлива: ведь она, думается, единственная женщина, которой довелось летать по воздуху вместе с волшебником! И какая это честь для необразованной девушки!

Фауст пронесся над Коринфом, над высокой крепостью этого города, затем пролетел над развалинами Фив, которые мало изменились за тысячу лет, с тех пор как город был разрушен Александром Македонским. Далее, по пути в направлении Фракии, местность стала менее гористой. Вскоре внизу появились две большие реки, и Фауст, опознав в одной из них Ахерон, начал незамедлительно спускаться.

— Почему мы останавливаемся? — спросила Маргарита, стараясь перекричать вой ветра. — Это уже Стикс?

— Нет, это тот самый Ахерон, который впадает в Стикс.

— А почему бы нам не пролететь остаток пути до Стикса?

Фауст отрицательно помотал головой. Они уже сделали такие концы, что большая часть чар была израсходована. Требовалось некоторое время, чтобы восстановить магическую силу заклинаний.

Впереди, на речном берегу, всего лишь в нескольких сотнях ярдов, доктор заметил покосившиеся строения старой фермы и плоскодонный ялик, привязанный у пристани в бухточке. Поблизости не оказалось ни живой души. Фауст быстро отвязал ялик, посадил Маргариту впереди, сам сел на корму, и вот они уже плыли вниз по течению к вожделенному Стиксу.

Глава 16

Их ялик двигался, словно во сне, по глади хмурой реки. Фауст догадывался, что они плывут по Флегетону, самому преддверию Стикса. Мало-помалу поток сужался, окрестности становились все угрюмей и пустыней, и вскоре вся растительность по берегам исчезла, остались только златоцветник и осока.

— Приближаемся к цели, — отметил Фауст. На протяжении всего пути ему пришлось работать шестом, дабы продвигать ялик вперед, однако остаточные чары по перемещению в пространстве слегка помогали ученому мужу, как бы подталкивая его руки незримым мускулом.

Флегетон плавно сужался, пока стал не шире обычной канавы. Вечерело, спускались сумерки.

Фауст понял, что они достигли цели, когда берега вдруг раздались и впереди зачернело что-то вроде озера, хотя течение все еще оставалось медленным. Они проплыли мимо внушительных размеров транспаранта, где на нескольких языках было написано:

«РЕКА СТИКС. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЮБЫХ ЧАСТНЫХ ПЛАВУЧИХ СРЕДСТВ КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩЕНО».

— Тут нам следует остановиться, — сказал Фауст Маргарите. — Только Харон имеет право заниматься перевозом через реку. И ни один маг, даже самый одаренный, не в силах самостоятельно преодолеть этот поток. Без сделки с Хароном дальше не пробраться. Пойдем поищем перевозчика.

— Ой, неужели Харон взаправду существует? — протянула Маргарита. — Ведь это же никак не вяжется с тем, что говорят священники!

— Религия тут ни при чем, — терпеливо пояснил Фауст. — Просто в здешних местах с древних времен остались сгустки энергии, которые принимают определенные видимые формы. Никакого противоречия с церковными догмами.

Как раз в этот момент он заметил, что через черный поток к ним движется небольшое судно. По мере его приближения Фауст разглядел, что это нечто вроде плавающего дома или прогулочной яхты. Судно двигалось благодаря тому, что сзади его толкали носами пять дельфинов. А поскольку в дополнение к этому движителю из брюха судна торчали весла и несколько гребцов усердно налегали на них, то паром двигался с завидной скоростью. Само судно — с высокими бортами, обшарпанное — не производило впечатления крепкого и устойчивого. Из окошек в бортах струился желтый свет фонаря, доносились звуки музыки и веселый говор.

— Эй, кто такие? — раздался окрик Харона, судно которого приближалось к ялику Фауста.

Перевозчик оказался долговязым мускулистым стариком, с заросшим седой щетиной лицом и впалыми крохотными черными глазками. Венчик седых волос торпорщился вокруг шишковатого черепа. Рот был опутан глубокими морщинами. Харон отвлекся от разговора с Фаустом, чтобы отдать приказ гребцам:

— Табань! Возьмите левее! Убрать парус!

Поскольку у Фауста было отменное классическое образование, он помнил, что гребцы на судне Харона — мертвые греческие герои: Тезей, Персей, Геракл, Ясон и прочие, чьих имен Фауст просто не знал.

— Итак, чего вам тут надобно? — вновь обратился к нему Харон.

— Мы хотели бы переправиться через Стикс, — ответил доктор. — Нам необходимо попасть в определенное время и в определенное место — в 1204 год, в Константинополь.

— Мы больше не плаваем в Константинополь 1204 года, — заявил Харон. — Слишком беспокойное время, много горя и беспорядка. И слишком много душ ждут переправы оттуда. У меня нет ни малейшего желания соваться на своем судне в такие горячие точки.

— Но мне очень нужно, — возразил Фауст. — Что вы хотите за перевоз?

Харон расхохотался:

— Чего я хочу, того у вас нету! Все эти рассказы, что я перевожу за один обол, — бабьи сказки. Любые перевозки через Стикс стоят чертовски дорого, потому как я тут единственный законный перевозчик и как монополист заламываю, сколько взбретет в голову. Это мои воды, не вздумайте соваться в них на своем ялике. И по берегу вам путь заказан — я его засадил дурман-травой. Тебе, горе-чародей, придется прибегнуть к чертовски сильным чарам, чтобы продраться сквозь заросли дурман-травы.

— Я вовсе не собираюсь действовать в обход вашей монополии, — с достоинством прервал его Фауст. — Я уверен, что нам удастся договориться.

— С какой стати вы так уверены?

— Потому что у меня есть то, что вам очень хотелось бы иметь!

— Ха-ха! И что бы это могло быть?

— А вы заметили, с кем я сюда явился? — сказал Фауст.

Харон покосился на Маргариту.

— Ну, с бабой. Что с того?

— Славная бабенка, а?

— Мне случалось перевозить многих славных бабенок, — ответил Харон.

— Может быть, и случалось. Да только не живых.

Харон тупо вытаращился на него. Фауст добавил:

— Надеюсь, вы понимаете разницу между живой женщиной и мертвой?

— Ты хоть и живой, — сказал Харон, — но не надо тут форсить передо мной! Я ничем не хуже тебя, такой же реальный, пусть я и не существовал никогда — в вашем обычном понимании бытия.

— А я и не кичусь. Просто предлагаю вам живехонькую женщину.

— Эй, погоди, ты что несешь? — вмешалась Маргарита.

Фауст поспешно крикнул Харону: «Подождите минутку, доверьтесь мне!» После этого подхватил Маргариту за локоть и быстро шепнул:

— Милашка моя, не пугайся, я не имею в виду ничего непристойного, когда предлагаю тебя Харону. Мне бы такое и в голову не пришло! Но отчего бы тебе не отужинать в его компании? Вы могли бы потанцевать вместе.

Для него это будет приятным развлечением среди однообразной жизни, а тебе никакого ущерба.

— С чего ты взял, что я мечтаю о развлечениях среди однообразной жизни? — спросил Харон, до которого донесли обрывки шепота.

— Любой человек, живой или мертвый, обожает все, что нарушает однообразие, — сказал Фауст. — Такова суть жизни.

— Вообще-то я не прочь убежать от рутины на какое-то время. Я мог бы устроить себе... у вас есть такое новомодное словечко...

— Отпуск, — подсказал Фауст.

— Да, я мог бы устроить себе отпуск. В нашем древнем мире у нас не было подобного понятия.

— Пора привыкать к новомодным понятиям, — нравоучительно произнес Фауст. — Только тот, кто поспевает за новшествами, не выглядит дураком в глазах окружающих. Почему бы нам не отправиться в Константинополь 1204 года? Во время путешествия вы могли бы попировать за одним столом с Маргаритой, всласть наплясаться с ней...

— А ты чем будешь заниматься? — подозрительно спросил Харон.

— А я уединюсь в вашей каюте и с удовольствием посплю, — сказал Фауст. — У меня был тяжелый день.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Глава 1

Полет вместе с Мефистофелем закончился в поросшем лесом овраге. Мак настороженно огляделся и сразу отметил про себя, что подобных огромных деревьев он ни разу не видел во время странствий по Европе. Да и такой травы, что росла под ногами, он еще не видывал: знакомые придорожные травы не были такими густыми и выглядели более гибкими. Больше Мак ничего не разглядел — раскидистые деревья наподобие плакучих ив загораживали обзор, — но, судя по солянистому привкусу воздуха, где-то поблизости было море.

Хотя за время полета с Ведьминого шабаша Мака изрядно обдуло ветерком, он еще не окончательно протрезвел. Ну и крепкое же питье подают на этом чертовом празднестве! Он чувствовал себя лучше некуда, однако небольшая тяжесть в голове обещала в скором времени перерасти в тяжкое похмелье. Но пока он был в приподнятом настроении, когда хотелось поподробнее обсудить с Мефистофелем грядущие награды и уточнить, что Маку причитается в случае успеха.

— Мне надобно присесть и набросать списочек моих желаний, — сказал он Мефистофелю. — Ведь я не ослышался, вы обещали исполнить любые мои желания?

— Да, любые, — ответил Мефистофель. — Но это лишь малая часть вашей награды.

— Малая часть? Ну, для меня это не малая часть! А как насчет маленького авансика? Скажем, мне очень хочется иметь отороченную горностаем мантию — навроде тех, что носят короли, и еще серебряный кубок для вина. Негоже мне и дальше пить из оловянной посуды, я теперь птица высокого полета.

— Соберитесь лучше с духом и сосредоточьтесь на предстоящем, — строго оборвал его Мефистофель. — Забудьте на время о наградах, они от вас никуда не денутся. А сейчас начинаются ваши труды в рамках Турнира.

— Вот досада! — вздохнул Мак. — Знаете, я как-то не готов сразу так вот, в самую гущу. Мне бы, знаете, денек отдохнуть, а там и за серьезное дело.

— Серьезное дело уже началось, — отрезал Мефистофель. — Вы славитесь среди смертных выдающимся умом и умением держать в узде свои нервы. Пока вы отплясывали с ведьмами, я не поленился пролистать ваше досье.

— Мое до... досье?

— В сатанинских архивах имеются сведения на каждого смертного.

— А я и знать не знал...

— В школе вы были прилежнейшим учеником, впитывали с превеликим успехом все науки низшего сорта, что там преподавали, и учителя просто не могли нарадоваться вашим рвением к учебе.

Мак недоуменно вытаращился на беса — уж он-то помнил про себя, что учился он хуже некуда и совсем недолго. Потом до Мака дошло, что Мефистофель говорит о школьных успехах подлинного Фауста.

— Итак, вам предстоит подтвердить свою репутацию, — продолжал Мефистофель, — так как наступает время испытаний.

— Да-да, — торопливо поддакнул Мак. — Я уж расстарюсь.

Проявив такую храбрость на словах, Мак внутренне заробел: в его душе медленно растекалась неуверенность, как расплывается чернильно-черное пятно вокруг осьминога, брошенного в пруд с кристально чистой водой. Господи, и как же его угораздило влипнуть в такую историю! Теперь собственный дерзкий замысел — выдать себя за многоученого доктора Фауста и обвести вокруг пальца искушенного злого духа — показался Маку верхом самоуверенного идиотизма. Однако поздно поворачивать оглобли — в сторону уже не ушмыгнешь, придется расхлебывать заваренную кашу. Покончено с тем прошлым Маком — сметливым, но не склонным к

учению парнишкой, проказником и весельчаком, который вытерпел только год в монастырской школе, где его успели обучить кой-какой грамоте, чтению по складам и начаткам счета, готовя для работы писцом; благодаря обаянию и острому языку нерадивый ученик продержался некоторое время, но после одного уж слишком отчаянного приключения, в котором были замешаны несколько послушниц соседнего монастыря и бочонок шнапса, монахи выперли его прочь — в безжалостный мир за стенами монастыря. Вот что собой представлял Мак до того, как ему пришлось накинуть новую личину, с которой теперь он будет неразлучен. Ему подвернулся случай стать вровень с великими мира сего, затесаться в среду лучших из лучших — мыслителей, чьи идеи движут миром и сотрясают его основы. И разве это не восхитительная возможность доказать, что он ничуть не хуже Фауста! Где не хватит учености, там его выручит умение задавать вопросы и природная сообразительность.

Мак ощутил некоторый прилив уверенности. Действительно, сейчас не время размышлять о наградах. Пусть голова и трещит после выпитого, надобно сосредоточиться на происходящем.

— Где мы находимся?

— На берегу моря, неподалеку от стен Константинополя, — ответил Мефистофель. — До лагеря крестоносцев рукой подать. И здесь я покидаю вас. Вы готовы выслушать мои наставления?

— Я весь внимание, — отчеканил Мак, делая умную мину, хотя на душе у него кошки скребли, и чаша доброго вина не помешала бы для восстановления бодрости духа. — Что мне следует делать?

— Мы предлагаем вам сделать выбор из трех возможных вариантов развития событий, — сказал Мефистофель.

— Каких именно?

— Первый вариант: убить венецианского дожа Энрико Дандоло. Второй: похитить Алексея — претендента на константинопольский трон. Третий: спасти священную икону собора св. Василия.

Мак решил, что это большое свинство — ставить его на голодный желудок, до завтрака, перед ответственным выбором. Но по строго-отрешенному лицу Мефи-

стофеля он догадывался, что поблажки на сей раз не будет, и спросил, прощупывая почву:

— А вы бы предпочли, чтобы я сделал... что?

— Мое мнение никоим образом не должно влиять на ваш выбор, — сказал Мефистофель. — Решайте сами.

— Но на основе чего?

— Мы как раз и заняты проверкой свободы воли человека и его способности к правильным суждениям, так что при выборе вам придется прибегнуть к собственным меркам.

— Дандоло? Алексей? Но я про этих типов ничего не знаю!

— Ну так и познакомьтесь с ними хорошенько!

— Стало быть, один из вариантов — пришить кого-нибудь?

— Совершенно верно.

— Надеюсь, небесные духи не сочтут это за грех в данном случае?

— Полагаю, я вправе говорить за моего отсутствующего друга архангела Михаила, — сказал Мефистофель. — Он бы, несомненно, подтвердил мои слова: вы недооцениваете разумность добрых духов — они вполне способны оправдать убийство, совершенное с благой целью. Добро сознает, что иногда убийство — способ уберечься от куда худших бед. Разумеется, силы Света, как правило, резко осуждают насилие; в этом пункте мы солидарны с ними, ибо силам Добра и силам Зла равно присуща способность здраво оценивать и судить каждый отдельный случай. Вообще-то все духи, без исключения, не слишком переживают из-за насилия — будучи бессмертными, мы на все смотрим с точки зрения вечности, а что такое убийство, коль скоро с точки зрения вечности человек и так живет мгновение! Но мы ведаем, насколько длительность этого мгновения важна для человека и сколько философии навечноено людьми вокруг насильственной смерти, поэтому возможность убийства включена в регламент Турнира. Добавлю от себя: в факте убийства имеет значение не поступок, а мотив, в нем вся загвоздка, ибо средство может быть оправдано целью, последствиями.

— Но откуда мне знать последствия? Разве я могу предсказать, как именно скажется на будущем смерть Дандоло?

— Перед вами достаточно заурядная проблема, которая терзала бесчисленное множество людей. Когда возникает вопрос, следует ли применять насилие, решимость наталкивается на сомнения: а все ли «за» или «против» учтены? Но от решения не уйти — в этом вопросе силы Зла и Добра солидарны.

— Однако случись мне ошибиться, судить меня будут по всей строгости!

— Вас будет судить Ананке, богиня Необходимости, которой подсудны мы все. Итак, выбор за вами. Именно в этом заключается роль Фауста в нашем Турнире.

— Ну, если вы настаиваете... Перечислите, кого мне предлагается укокошить?

— Энрико Дандоло, венецианского дожа. И только в том случае, если вы решите, что обстоятельства вынуждают вас к этому.

— А тот второй... как вы его назвали — Алексей?

— Алексей — претендент на константинопольский трон.

— Напомните мне и третий вариант.

— Спасти от уничтожения икону св. Василия, божественного покровителя Константинополя. Доктор Фауст, будьте добры быть повнимательней, соберитесь! Ведь вы же знамениты своей феноменальной памятью!

— Увы, она дает сбой с похмелья, — пробормотал Мак. — Еще один вопросец: а на кой ляд армия крестоносцев оказалась под христианским городом Константинополем?

Брови Мефистофеля удивленно поползли вверх.

— Я полагал, что столь просвещенный муж, как вы, осведомлен во всех подробностях о значительном историческом событии, которое произошло всего несколько веков назад. Поражен вашим невежеством... или вы меня разыгрываете? Бросьте! Сейчас в разгаре Четвертый крестовый поход — и вы об этом прекрасно знаете. Ладно, сориентируетесь в ситуации без моей помощи. Уверен, что вы выберете наилучший способ действий.

— Попытаюсь. — Маку оставалось лишь соглашаться.

— Уж вы постарайтесь! — сказал Мефистофель. — Помните: мы вас наняли для выполнения ряда задач. Если вы не справитесь с заданием в отведенное вам время, то сорвете Турнир, и тогда пеняйте на себя: вас ждут большие неприятности.

— А именно? — поинтересовался Мак, который впервые услышал про возможность не только наград, но и «неприятностей».

— Вечные адские мучения на дне бездонной пропасти ужаса, где вас будут убивать самыми зверскими способами и потом воскрешать, чтобы вновь резать на куски — и так нескончаемое число раз — не до окончания вечности, а до того, как мы придумаем вам казнь еще похуже. Короче, у вас на все про все двадцать четыре часа, за сутки обязаны справиться. Адью.

И с этими словами Мефистофель отделился от земли и был таков, мгновенно растворившись в небесных просторах, залитых солнечным светом.

Глава 2

Мак еще какое-то время постоял в овраге, переваривая сказанное чертом, но надо было браться за дело, и он решительно отправился в путь.

Очень скоро он оказался на равнине, желто-зеленые просторы которой уходили к самому горизонту. В километре от него высились отвесные стены Константинополя. За время своих странствий по Европе Мак нигде не видел таких высоких и толстых стен. По крепостным укреплениям расхаживали многочисленные часовые в медных доспехах, с лошадиными хвостами на ярко отсвечивающих шлемах. Вдали, также примерно в километре от стен, равнина была усеяна сотнями палаток, дымилось великое множество походных костров и сновали толпы вооруженных людей. На некотором расстоянии за военным лагерем виднелись бесчисленные повозки, которые образовывали второй лагерь, где Мак различил фигурки женщин и детей. По мере приближения Мак заметил несколько кузниц; там работа шла полным ходом — раздували мехи, ковали наконечники для стрел и копий. К военному лагерю то и дело подъезжали повозки и сгружали провиант. Бросались в глаза нарядные шатры, у входа в которые были воткнуты копыя с развевающимися штандартами. Мак решил, что в этих шатрах — предводители крестоносцев. Экая диковина!словно огромный город на колесах, который можно в любой момент погрузить на повозки и перевезти на новое место! Должно быть, этот странствующий город провел не один день в пути, добираясь сюда из страны франков.

Хочешь не хочешь, а надо было идти в лагерь. Когда Мак подошел совсем близко, мимо прорысил конный от-

ряд, и его командир приветственно помахал рукой в железной перчатке. Мак помахал в ответ; наверное, его приняли за знатную персону из лагеря франков, так как его наряд был выдержан в серых, коричневых и черных тонах — эти цвета были характерны для старой доброй Европы, тогда как византийцы щеголяли в по-восточному пестрых шелках, привезенных из сказочных стран.

Мак продолжил путь и вскоре поравнялся с первыми караульными, которые лениво пеклись на солнце, сидя на траве рядом со своими составленными щитами и копьями.

— Эй, добрый человек, что там решили на совете? — окликнул его один из караульных.

— Что решили — не для твоих ушей, — отозвался Мак. Он решил держаться свысока, чтобы его сразу не раскусили.

— Но, по крайней мере, Бонифаций Монферран не покинул военный совет? Даже это — хороший знак.

— Одно могу вам сообщить, — сказал Мак, — в последние часы ничего не изменилось: толкут воду в ступе.

— Ага, — проворчал другой караульный, — выходит, еще осталась надежда добиться почтительного отношения от этой банды воров.

Мак пошел дальше, и вдруг его сердце приятно всколыхнулось. Он увидел просторную повозку с навесом, под которым, рядом со штабелем винных бочек, за столиками обедали и выпивали несколько мужчин. Трактир на колесах!

Наконец-то Маку попало место, где он мог чувствовать себя в родной стихии. Он вскочил на повозку и сел на свободный стул.

Трактирщик возник почти незамедлительно, мигом оценил дорогой наряд, в который Мака облекли на Ведьминой кухне, и низко поклонился:

— Чего изволит ваша милость?

— Самого лучшего вина, — изрек Мак. Он сообразил, что в этом трактире кредит ему обеспечен.

Трактирщик вернулся с ковшом вина и снова любезно изогнулся:

— Не имел счастья видеть вас прежде, ваша милость. Должно быть, вы совсем недавно присоединились к нашему великому воинству?

— Недавно, недавно... — сказал Мак. — А что это там на вертеле, любезный? Мой нюх подсказывает, что жарится оленина.

— Точно так, ваша милость. У вас тонкий нюх. Как только мясо будет готово, я тотчас принесу вам. Простите мое любопытство, какие новости вы несете от своего прославленного повелителя?

— Какого повелителя ты имеешь в виду? — озадаченно спросил Мак, которого обиняки трактирщика поставили в тупик. На что тот намекает, черт возьми?

— Я лишь предположил, ваша милость, что у такого знатного господина, как вы, должен быть еще более знатный сеньор; ибо и в Писании говорится, что у всякой вещи есть свой хозяин и всякий кому-нибудь да служит: вол — крестьянину, крестьянин — сеньору, сеньор — Господу, и даже на небесах у небесного воинства есть чины и ранги.

— Твое красноречие, любезный, под стать твоей проникательности, — добродушно изрек Мак. Ковш вина положительно подействовал на его настроение.

— Осмелюсь узнать имя вашей милости?

— Иоганнес Фауст.

— Издалека прибыли?

— Угу, и мне предстоит неблизкий путь.

— Кому же изволите служить?

Завсегдатаи трактирчика наострили уши, пытаясь услышать ответ незнакомца, но Мак благоразумно усмехнулся и ответил:

— Пока я не вправе открыть, кому я служу.

— Вы хоть намекните, а? — сказал кто-то из небольшой толпы, которая как-то незаметно собралась возле столика, куда Мак беседовал со словоохотливым трактирщиком.

Другой рыцарь, зло прищурившись, громко произнес:

— Готов побиться об заклад, что это шпион венецианского совета, который явился вынюхивать и высматривать, чтобы доложить обо всем своему поганому хозяину — дожу Энрико Дандоло!

Мак раздраженно пожал плечами.

— Нет, — вскричал третий рыцарь, — никакой он не венецианец! Поглядите, какая у него постная надменная рожа, как он норовит по привычке сунуть ладошки в ши-

рокие рукава, позабыв, что на нем не монашеская ряса! Готов поспорить, это переодетый клирик, засланный папой Иннокентием Третьим, который затеял наш крестовый поход, а теперь попал под влияние этого интригана, этого дьявола во плоти — Энрико Дандоло!

Все присутствующие грозно таращились на Мака, который ответил им с предельной осторожностью:

— Не скажу вам ни «да», ни «нет»...

Тут вмешался четвертый из присутствующих — простой солдат:

— Поглядите, каким молодцом он держится, как немногословен! По всему видно, что он наш, пехота. Конечно, парень из войска Филиппа Швабского, замечательного воина, нещедрого на слова, но щедрого на деяния, за многие из которых ему не поздоровится, когда он попадет на небеса. Что до меня, то я готов биться об заклад, что этот незнакомец прибыл с предложениями насчет того, кому править Константинополем, когда с престола прогонят нынешнего тупоголового упрямца и прохвоста Алексея Третьего — скоро-скоро этот поганец будет бродить слепым попрошайкой по улицам своего некогда великого города и искать себе пищу на помойках!

Мак не торопился объявлять, на чьей он стороне, а вокруг ожесточенно спорили о том, на какого хозяина работает этот разодетый барин. Кошунственная мысль, что он *сам по себе*, никому и в голову не приходила. Трактирщик отказался брать с Мака деньги за еду и питье; вместо этого он таинственно подмигнул и попросил Мака замолвить словечко о бедном трактирщике, когда на военном совете пойдет речь о налогах на продажу спиртных напитков в лагере крестоносцев. А когда Мак поднялся уходить, к нему подскочил хорошо одетый юноша, толстоватый коротышка, который назвался Василем из Гента и предложил Маку найти место для постоя, если тот еще нигде не остановился.

Вместе с добровольным провожатым Мак направился к большой ярко-желтой палатке, перед которой на древках копий реяли флаги штаба интендантской службы. Охранники у полога хотели было задержать Мака, однако Василь с апломбом объявил: «Прочь с дороги, это сам Иоганнес Фауст, гость из земли франков, который еще не счел нужным объявить, чей он вассал».

На квартирмейстера солидный вид Мака произвел такое впечатление, что он без лишних вопросов выделил «гостю из земли франков» островерхую палатку неподалеку от своей. То, что незнакомец не принадлежал ни к одной из групп и партий, на которые были разбиты крестоносцы, играло ему на руку. Василь, похоже, назначил сам себя тенью и слугой человека, которого принял за посланца с пусть неизвестными, но большими полномочиями. Теперь юноша побежал готовить палатку для нового хозяина. Когда Мак добрался до своего нового жилища, на опрятно накрытом столе его ждала холодная дичь, бутылка вина и половина пшеничного каравая. Мак был не прочь вторично перекусить, потому что трактирщик дал ему не особенно большую порцию оленины. Пока хозяин энергично работал челюстями, Василь работал языком, докладывая о последних событиях в лагере.

— Все сходятся на том, что Энрико Дандоло, венецианский дож, превратил поход, который затевался как война против неверных, в коммерческое мероприятие. Этот фортель можно одобрять или порицать — смотря, что для вас важнее: рвение послужить Господу или Мамоне.

Лукавый слуга метнул быстрый взгляд на хозяина, дабы определить, на чьей стороне его симпатии. Но Мак сосредоточенно вгрызлся в ножку куропатки и даже намеком не разъяснил, кто же ему милей: Господь или Мамона.

— Папа Иннокентий Третий, — продолжал Василь, — одержим идеей освободить Иерусалим из-под власти сарацин, в чистоте его помыслов никто не сомневается. Однако всякому понятно, что он спит и видит, как подчинить Риму греческий православный Константинополь.

— Занятное замечание, — сказал Мак, придвигая к себе блюдо со сладостями.

— Ко всему этому примешивается вопрос, как быть с тем, кого некоторые называют Алексеем Четвертым, хотя своего царства у него пока нет, он сын изгнанного Исаака Второго Ангела. По слухам, Алексей поклялся, что признает власть Рима, если станет константинопольским царем. Таким образом, симпатии святейшего престола вроде как на стороне этого претендента на трон. Но правда и то, что самую сильную поддержку он получает от Филиппа Швабского, у которого с папой конт-

ры. Этот Филипп ни перед чем не остановится, честолюбие у него — ого-го, не в пример его землям, которых у него кот наплакал.

— Так-так, понимаю, понимаю, — с умным видом кивал Мак, хотя мало что уразумел из длинной речи Василия.

— И, наконец, не следует сбрасывать со счетов позицию Жоффруа Виллардуэна, который возглавляет объединенное войско крестоносцев. Его и боятся, и уважают; к церкви он относится с почтением, но особой набожностью не отличается. Словом, на первый взгляд человек хороший. Зато, говорят, он ничего не смыслит в политике и плюет на интересы купцов. Любит звон мечей и добрые сражения, а до остального ему дела нет. Такой ли предводитель нужен нам в столь трудный момент?

Мак вытер губы и оглядел палатку с намерением прилечь и соснуть. Незаменимый слуга и тут расстарался — добыл койку с матрасом, набитым соломой, и даже подушку (подушки только-только входили в обиход). Мак встал из-за стола и прилег.

— Ваша милость, — сказал Василь, — я в любой момент к вашим услугам. В знак особой доверенности... часом, не скажете, на чьей вы стороне и от кого привезли послание? Клянусь, буду вам верным слугой и за вас кому хошь глотку перегрызу. Только скажите, в чем ваш интерес и кто ваши враги.

Мак попал в такой переплет, что чрезвычайно нуждался в верных людях. Он и рад был бы довериться Василию и объявить, на чьей он стороне, да сам пока не знал, к кому примкнуть, на чьей стороне правда, а на чьей — сила. Как бы не прогадать! А главное: что следует сделать ради блага человечества и во имя спасения Константинополя?

— Ты славный малый, — произнес Мак, — и все поймешь в свое время. Обещаю, что ты первым узнаешь, на чьей стороне мои симпатии. А пока прошвырнись по лагерю, собери последние новости и сплетни, а через час-другой возвращайся с докладом.

— Слушаюсь! — сказал Василь и вышел из палатки. Мак удобно вытянулся на койке и почти в тот же момент благополучно уснул.

Глава 3

Мак проснулся с чувством, что он в палатке не один. Уже стемнело. Стало быть, он проспал несколько часов. Чья-то заботливая рука зажгла свечу, горевшую в глиняном кувшинчике. Сквозняк колебал пламя свечи, и по стенам палатки металась странная тень. Очертаниями эта тень напоминала человека: фантастического человека в серо-черном одеянии, с пронзительным взглядом, развевающимися волосами — словом, страшилище, которое не хотелось бы встретить в ночной час. Мака озадачило, до чего эта тень похожа на настоящего человека из плоти и крови. Он протянул руку и коснулся ее. И тут же отпрянул. Призрак оказался плотным на ощупь.

— Ткнул меня в ребра, — сказал призрак, — а поздороваться не поздоровался. Тебя где воспитывали, олух?

— Простите, — сказал Мак, — мне показалось, что вы видение.

— А я и есть видение. По крайней мере, отчасти. Да и ты что то вроде видения — выдаешь себя за другого.

— Кто вы?

— Не буду себя называть, ты и сам знаешь.

Видение придвинулось ближе к огню, и Мак действительно узнал знакомые черты — еще бы ему забыть человека, за которым он следил несколько дней, прежде чем его сообщник Летт не огрел того дубинкой по голове в темном краковском переулке.

— Вы доктор Фауст, — ахнул Мак.

— А ты проклятый самозванец! — с ненавистью процедил Фауст.

На какое-то мгновение Мак перетрусил — до того яростно звучало это обвинение. Но тут же взял себя в руки. У прохвостов тоже есть свой кодекс чести, совсем как у людей добродетельных, и даже в затруднительных положениях они норовят не ронять лицо, сохранять гордо поднятую голову и некоторый апломб.

Как раз теперь положение было чрезвычайно щекотливым: всегда неприятно, когда тебя ловят за руку под чужой личиной, и уж совсем плохо, когда тебя разоблачает тот, чью личину ты присвоил. В такой ситуации люди со слабыми нервишками теряются, начинают бледнеть и лепетать: «Простите покорно, господин хороший, я это сделал по глупости, сам не знаю, какой черт попутал, я уже осознал и исправился, только избавьте меня от петли!» Но Мак пошел на обман сознательно и не собирался сдаваться при первой же трудности. Он собрал в кулак всю свою волю — тот, кто решил разыграть Фауста на мировой сцене, обязан иметь хоть частицу его характера и мужества, если намерен хоть чего-то достичь!

— Кажется, мы говорим о разном, — с достоинством изрек он, вставая с койки. — Я нисколько не сомневаюсь, что вы — Фауст. Однако же я тоже Фауст — в силу того, что не кто-нибудь, а сам Мефистофель считает меня Фаустом.

— Мефистофель простофиля! Он допустил ошибку!

— Великие мира сего не совершают ошибок. Их ошибки становятся законами, по которым живет мир.

Фауст вскочил на ноги и выпрямился во весь рост перед Маком, который оказался на голову выше его.

— О, не хватало мне выслушивать этот казуистический бред от мерзавца, который присвоил мое имя! — неистовствовал доктор. — Клянусь адскими силами, если ты сейчас же не уберешься отсюда и не освободишь то место в игре, которое предназначается мне, то берегись — я поквитаюсь с тобой!

— Много о себе воображаете, — сказал Мак. — Меня выбрали для этой игры, а вам кукиш с маслом. Можете спорить с пеной у рта до самого Страшного суда, но вам ничего не переменить.

— Спорить? Да кто с тобой собирается спорить, козьявка? Я сотру тебя в порошок при помощи магии, истолку в ступке и по ветру пушу! И такое наказание будет вполне адекватным!

— Чего-чего? — нахмурился Мак.

— Адекватным. То есть заслуженным. Я тебя покараю, мерзкий сквернавец!

— Подумать только, сколько вы знаете всяких слов, которые неведомы нам, простым людям! — ахнул Мак. — Только я всех этих ваших слов не боюсь, господин Фауст. На моей стороне, да будет вам известно, поддержка всех злых сил. Мне ли бояться вашего доморощенного колдовства? Если все хорошенько взвесить, я куда *фаустее* вас.

У Фауста глаза налились кровью от бешенства, он с трудом сдерживался, чтобы не кинуться на наглеца. Но скандал с криком и дракой в его планы не входил. Ученый муж решил любой ценой занять свое законное место в Тысячелетнем Турнире, и все же было очевидно, что пробовать запугать Мака неосуществимыми угрозами — пустая трата времени.

— Извините, что сорвался, — произнес Фауст, резко меняя тон разговора. — Давайте поговорим более рассудительно.

— Как-нибудь в другой раз, — сказал Мак, потому что в этот момент полог палатки распахнулся и в нее вошел Василь. Слуга замер на пороге, с подозрением уставившись на Фауста.

— Что это за человек? — спросил он.

— Старый знакомый, — ответил Мак. — Его имя тебе ничего не скажет. К тому же он уже покидает нас.

Василь повернулся в сторону Фауста, который заметил в руке толстенького паренька обнаженный кинжал. На его подобострастной роже прочитывалась угроза.

— Да, — поспешно кивнул Фауст, — договорим в следующий раз. — Тут он сделал еще одно усилие над собой и добавил: — До следующей встречи... Фауст.

— До следующей встречи.

Василь спросил:

— Что это за женщина ждет у входа в палатку?

— А, это Маргарита, — сказал Фауст. — Она со мной.

— Не забудь *забрать* ее с собой, — сказал Василь. — Нам тут всякие шлюхи в лагере не нужны.

Фауст прикусил язык — не стоило лезть на рожон. Сперва надо встретиться и переговорить с Мефистофе-

лем. Вряд ли великому демону понравится, что кто-то норовит сорвать запланированный Турнир.

Доктор вышел из палатки и зашагал прочь. Маргарита едва догнала его.

— Что случилось? — спросила она.

— Пока что ничего, — ответил Фауст.

— Как это — «ничего»? Ты сказал ему, кто ты такой?

— Естественно.

— Почему же ты не занял его место?

Фауст остановился, взглянул на нее и тяжело вздохнул:

— Все не так просто. Сперва мне надо переговорить с Мефистофелем, а он как на грех куда-то пропал.

Доктор зашагал дальше и заметил троих солдат в стальных шлемах с пиками наперевес, которые пристально приглядывались к нему.

— Эй, вы! — окликнул его один из них.

— Вы мне?

— Других поблизости нет, а с бабами я не разговариваю.

— Что вы хотите? — раздраженно спросил Фауст.

— За какой нуждой вы в нашем лагере?

— Не ваше дело! Пошли вы куда подальше!

— А вот и наше. Нам велено приглядываться ко всяким типам, которые шныряют по лагерю без дела. Пройдемте-ка с нами!

Фауст понял, что язык его — враг его. Вначале сказать, а потом подумать — это его характерная черта. И Мак выгодно отличается от доктора именно умением вовремя прикусить язык. В будущем следует говорить с большей осторожностью.

— Дistinguished, я сейчас все разъясню, — начал было Фауст.

— Капитану нашему объяснишь! — перебил его один из солдат. — Вперед, и пошевеливайся, а не то потопим концом пики!

И они повели Фауста и Маргариту на допрос.

Глава 4

— Ну, какие новости? — спросил Мак, как только Фауст и Маргарита вышли из палатки.

— Первосортные! — сказал Василь. — Сам дож Энрико Дандоло желает вас видеть!

— Ах вот как? И что же он хочет?

— Он со мной не откровенничает. Но я кое о чем догадываюсь.

— Поделись-ка своими догадками, а я покуда ополосну лицо и пройду с гребнем по волосам. — Умываясь, Мак подумал, что неплохо бы Мефистофелю и ведьмам регулярно заботиться о чистом белье для него, коль скоро он теперь возвращается в обществе дожей. — А что за человек этот Дандоло, как он выглядит?

— Грозный старик, — сказал Василь. — В подчинении дожа Венеции один из самых могучих и дисциплинированных флотов во всем христианском мире. Что касается вопросов перевозки по морю и денег на провиант и амуницию, тут мы, крестоносцы, целиком и полностью зависим от него. И он не забывает напоминать нам об этой зависимости. Дандоло нынче уже за восемьдесят лет, он слеп и хил телом. В его возрасте другие вельможи удаляются на покой в свои поместья и едят сладкую кашку, доживая свой век в окружении многочисленных слуг. Но не Энрико Дандоло! Он мотается по Европе, словно юноша. Его видели на поле битвы в Задаре, где дож в самой гуще боя призывал крестоносцев покорить этот гордый венгерский город, а взамен обещал профинансировать их поход в Святую землю. И он свое обещание держит, но ворчит и гнет свою линию и уже, как многие говорят, превратил святой поход в коммерче-

скую аферу. Что до меня, мое мнение насчет его действий совпадает с вашим. Хоть я вашего мнения пока и не слышал.

— Ты умный малый, — промолвил Мак, приглаживая пятерней непокорную прядь волос.

— Встреча с дожем сулит великие возможности.

— Еще бы.

— Если вы решите, что в ваших интересах сотрудничать с Венецией, вас может ждать неслыханное богатство. Хотя есть и другие варианты.

— К примеру? — осторожно осведомился Мак, наблюдая за Василем, который вынул свой кинжал из ножен, подушечкой большого пальца проверил, насколько остр его конец, и неспешно положил оружие на стол перед хозяином.

— Ваша милость, этот инструмент изготовлен из лучшей толедской стали, и может пригодиться, если вы решите, что сотрудничать с Венецией не в ваших интересах.

Мак также проверил конец клинка подушечкой большого пальца — в те времена таков был обычай оценивать готовность оружия. И сунул кинжал в рукав со словами:

— Что ж, возможно, этот *аргумент* мне пригодится.

Василь отрядил двух солдат с факелами проводить хозяина в шатер дожа. Он и сам хотел сопровождать Мака, однако тот отклонил его предложение — наступала пора действовать, и на этом этапе даже верный слуга мог оказаться помехой. Кто знает, как повернутся события и не сообразит ли Василь в какой-то момент, что его интересы не совпадают с интересами его нового хозяина.

По пути к шатру дожа Мак обратил внимание на сумятицу в лагере. В разные стороны пробегали отряды пехоты, галопом проносились из конца в конец одетые в броню всадники. Ярко полыхали костры, и по настроению людей вокруг них чувствовалось, что затевается нечто серьезное.

Многочисленные лампы внутри принадлежащего дожу шатра просвечивали через белое шелковое полотно. самого грозного старика Мак застал на низком

стуле подле походного столика. Перед дожем стоял поднос с неоправленными драгоценными камнями, и старец ощупывал их проворными пальцами. Большой и грузный, Энрико Дандоло выглядел все еще внушительно, невзирая на чрезвычайно преклонный возраст. Огромная накидка из тяжелой материи с золотым шитьем по краю придавала дополнительное величие его облику. Лысый череп прикрывала небольшая вельветовая шапочка с пером венецианского ястреба, торчащим под лихим углом. Узкое морщинистое лицо заросло седой щетиной, которая серебрилась в отблесках огня в походном камине. Узкие губы ввалившегося рта были плотно сжаты, открытые незрячие серо-голубые глаза были затянуты дымкой катаракты. Когда слуга возвестил о приходе сеньора Фауста, новоприбывшего гостя с Запада, глаза дожа остались неподвижны.

— Проходите, садитесь, любезный Фауст, — произнес Энрико Дандоло гулким, слегка дребезжащим голосом на правильном немецком языке с едва заметным акцентом. — Слуги поставили вино на стол, не так ли? Выпейте стакан доброго вина, милейший, и почувствуйте себя как дома в моем скромном жилище. Как вам нравятся эти камушки? — Дож повел рукой в сторону подноса с драгоценными камнями.

— Похожие камни мне доводилось видеть, — сказал Мак, наклоняясь, чтобы получше разглядеть драгоценности, — но такое великолепие вижу впервые. Какая чистота, какие размеры, воистину бесподобные камни!

— Рубин особенно хорош, а? — сказал дож, легко отыскивая на подносе камень размером с голубиное яйцо и вертя его в своих толстых белых пальцах, будто любуясь игрой света на его гранях. — Прислан мне тапробанским набобом. А этот изумруд, — пальцы Дандоло безошибочно выхватили зеленый камень, — вы только посмотрите, какая в нем искра! Согласитесь, для камня такого размера это нечто невиданное!

— Тут не может быть двух мнений! — подтвердил Мак. — Я могу только дивиться, как вы видите больше любого зрячего и так тонко оцениваете достоинства сих бесценных камней! Смеею думать, ваши пальцы имеют дар зрения!

Дандоло хрипловато-дробно рассмеялся, словно закашлялся, и действительно закончил сухим кашлем.

— Глаза на кончиках пальцев! Занятная фантазия! А все же временами не могу не чувствовать правдивость этого — мои руки до того любят нежить теплую плоть драгоценных камней, что научились видеть и верно оценивать. Да и в тонких материях мои пальцы разбираются, ведь я люблю хорошие ткани... Впрочем, какой настоящий венецианец их не любит? О добротности и чистоте выделки тканей я мог бы рассказать не меньше самого искусного фламандского ткача... Ну, да Господь с этим, это все старческая болтовня. А вот что у меня есть действительно ценного...

— И что же? — подобострастно спросил Мак.

— Взгляните.

Тут старец повернулся, за своей спиной ловко нащупал и поднял крышку большого деревянного ларца и вынул оттуда икону, аккуратно завернутую в кусок бархата.

— Знаете, что это такое? — спросил он гостя.

— Увы, не ведаю.

— Это икона с изображением св. Василия. Говорят, пока она в Константинополе, городу ничего не грозит и его процветание незыблемо. Догадываетесь, зачем я вам ее показываю?

— Никак нет, ваша светлость.

— Чтобы вы отвезли послание вашему повелителю. Вы меня внимательно слушаете?

— Я весь внимание, ваша светлость, — произнес Мак, теряясь в догадках, куда клонит слепой старик.

— Когда прибудете в Рим, передайте его святейшему: я плюю и на него самого и на то, что этот недоумок отлучил меня от церкви. С тех пор как чудотворная икона оказалась в моих руках, мне чихать на папское благословение.

— Вы хо-хотите, чтобы я передал ему э-это? — промямлил Мак.

— Слово в слово.

— Непременно передам, если мне посчастливится повидаться с его святейшеством.

— Не прикидывайтесь дурачком. Меня не проведете. Как ни таитесь, все равно я проведал, что вы посланник римской курии.

— Позвольте возразить, ваша светлость, — сказал Мак. — Я не имею никакого отношения к папе. Я представляю совсем другие интересы.

— Так вы в самом деле не папский лазутчик?

Старец так яростно уставился на него слепыми глазами, что, будь Мак действительно папским лазутчиком, он, возможно, со страху и выдал бы себя.

— Клянусь! Я, можно сказать, совсем наоборот! — вскричал Мак.

Престарелый дож насупил брови и после молчания переспросил:

— «Совсем наоборот»? Ой ли?

— Да, именно! Именно!

— Тогда кого же вы представляете?

— Я полагаю, вы и сами уже догадываетесь, — сказал Мак, решив прибегнуть к подлинно фаустианским обинякам.

— Пожалуй что да! — произнес дож после некоторого размышления. — Вы явились от Зеленой Бороды по прозвищу Безбожник. У него одного нет представителя в крестовом воинстве.

Мак впервые слышал о Зеленой Бороде, но решил попробовать и разыграть эту карту.

— Не буду говорить ни «да», ни «нет». Но будь я действительно его посланцем, что бы вы хотели ему передать через меня?

— Скажите Зеленой Бороде, что мы с радостью приняли бы его в свои ряды, ибо знаем, что он способен сыграть в нашем деле роль, в коей его никто другой заменить не может!

— Думается, хозяина интересуют ваши слова... Но в чем эта роль должна состоять?

— Ему следует обрушиться со своими молодцами на Варварский берег не позднее чем через неделю. Вы сумеете вовремя доставить ему сие послание?

— Если потребуется, я на многое способен, — со значительным видом изрек Мак. — Но сначала мне следует знать, зачем надо обрушиться на этот самый Варварский берег.

— Цель яснее ясного. Если пелопоннесские пираты, которыми командует Зеленая Борода, не разгромят пиратов, чьи суда прячутся в тамошних бухтах, то эти

головорезы могут помешать осуществлению наших планов.

— Несомненно, — согласился Мак. — А каковы наши планы, к слову сказать?

— Захватить Константинополь, разумеется! Часть франкских крестоносцев мы уже отправили на венецианских галерах на азиатский берег, чем основательно ослабили наш флот. Случись пиратам атаковать наши владения в Далмации, пока мы заняты сражением под стенами Константинополя, и мы окажемся в чрезвычайно затруднительном положении!

Мак кивнул с понимающей улыбкой, но внутри его так и трясло от возбуждения. Выходит, Дандоло вознамерился завоевать Константинополь! Эк хватил старик! Под видом защиты города — взять да и прикарманить его! Хороша защита! Маку вдруг стало ясно, что планам дожа необходимо помешать, и немедленно — лучше случая не представится: он наедине со слепцом, стражники снаружи, в лагере франков царит суматоха... Мак неслышно вынул кинжал из рукава.

— Итак, вы видите, — продолжал Дандоло, — какую судьбу я готовлю этому дивному городу и как далеко заходят мои планы. Однако о моих намерениях никто не должен знать, за вычетом вас и вашего повелителя — Зеленой Бороды.

— Большая честь, что вы посвятили меня в свои планы... — сказал Мак, примериваясь, куда сподручнее вонзить кинжал — в спину или в грудь.

— У Константинополя великое прошлое, — говорил Дандоло. — Но его лучшие дни позади. Из-за глупости и алчности императоров осталась только тень от той могучей державы, что наводила страх на весь мир. Пора открыть новую страницу в истории этой империи. Нет, я не стану самолично править Константинополем. С меня достаточно забот о родной Венеции. Но я посажу на византийский трон своего человека, которому будет велено восстановить прежнее могущество и славу государства. Конец разрушительным войнам — Венеция и обновленная Византия будут союзниками, и весь мир с изумлением увидит, как наступает золотой век процветания торговли и наук.

Рука Мака, занесенная для удара, застыла в воздухе. Только что Дандоло нарисовал картину восстановления былой мощи великого города, который, по его идее, станет раем для ученых и купцов, первым ростком великой будущности человечества.

— А какому Богу будут поклоняться эти греки? — вдруг спросил Мак.

— Хотя я во многом расхожусь с папой, — сказал Дандоло, — однако же я добрый христианин. И юный Алексей поклялся самой торжественной и страшной клятвой, что его подданные вернутся в лоно римской церкви, как только он взойдет на престол. И тогда его святейшество поторопится снять с меня отлучение. Нет, он просто-напросто канонизирует меня, ибо переход сразу такой массы людей в истинную веру — дело небывалое в нашу эпоху!

— Ваша светлость! — воскликнул Мак. — Вы задумали такое святое и прекрасное дело!.. Ваша светлость, да я теперь ваш верный слуга, для вас я сделаю все, что в моих силах!

Старик потянулся к собеседнику и крепко обнял его. Мак ощутил колющее прикосновение седой щетины, и на его щеку упала теплая соленая старческая слеза. Дождь возносил хвалу небу за новообращенного друга. Мак незаметно сунул кинжал в рукав и тоже хотел помолиться — отчего бы не сказать пару добрых слов Господу Богу? — но тут в шатер вбежали несколько рыцарей в боевых доспехах.

— Ваша светлость! — закричали они. — Атака начинается! Виллардуэн повел своих солдат на штурм городских стен!

— Ведите меня на поле битвы! — вскричал Дандоло. — Сегодня такой день, что я сам ринусь в бой! Где мои доспехи? Фауст, передайте приказ Зеленой Бороде, а с вами мы еще когда-нибудь побеседуем! Непременно!

При этих словах дождь подхватил чудотворную икону, и явившиеся на зов слуги подхватили его и вынесли из шатра.

Мак неожиданно остался наедине с россыпью драгоценных камней на подносе. В сумятице все про них забыли.

На шелковых стенах шатра плясали тени от огня, а Мак быстро соображал. Он, разумеется, обязательно спасет Константинополь и поймает на этом прибыль — по примеру Энрико Дандоло. Но если что-нибудь не заладится, на этот случай... Тут Мак заметил небольшой мешочек, сгреб в него самые крупные камни и вышмыгнул прочь из шатра — в ночную тьму.

Глава 5

Солдаты отконвоировали Фауста и Маргариту в приземистый деревянный домик, сбитый из толстых некрашенных досок. Доктор с первого взгляда узнал в этом строении «походную тюрьму» испанского образца — в книгах ему не раз встречалось ее изображение. Такие темницы изготавливали андалузские мавры-ремесленники: сборная конструкция, которую везли за войском на повозке, а при разбивке постоянного лагеря — на несколько недель и месяцев — собирали и получалось что-то вроде гигантского ящика с двумя камерами, пыточным отделением и коридорчиком. «Портативную тюрьму» наполовину зарывали в землю, и она была готова к приему пленников.

Внутри тюремки солдаты приоткрыли дверь в небольшое пыточное отделение — миниатюрное чудо, произведение искусных столяров и кузнецов.

— Мы тут не можем обслужить по высшему классу и распотрошить всего человека, как это делают в столицах, — сказал один из солдат. — Зато без труда выкрутим и переломаем руки-ноги. Эти крохотные щипчики для выдергивания ногтей размером не больше тех, какими орехи щелкают, а справляются с делом не хуже огромных, чугунных. А вот кобыла с шипами — или лучше сказать, кобылка, — она поменьше нюрнбергской, зато глядите, сколько шипов! Где наш мастер воткнет дюжину шипов, эти мавры ухитряются вбить две дюжины. А что шипы такие мелкие — не беда, мелкие лучше впиваются, когда вас на них разложат, а палач навалит сверху чугунную чушку! А вот щипцы для вырывания кус-

ков мяса — на вид как игрушечные, но клочья так и летят, так и летят...

— Вы не смеете нас пытаться! — заорал Фауст.

— Мы не смеем, потому как простые солдаты достаточно колют и рубят на поле битвы, — терпеливо произнес командир патруля. — А вот прикажет начальник тюрьмы — и его молодцы над вами потрутся.

Пересмеиваясь, солдаты заперли за собой тяжелую дверь и ушли. Фауст схватил палочку, валявшуюся в углу, опустился на четвереньки и стал поспешно рисовать пентаграмму на пыльном полу. Маргарита присела на табурет — другой мебели в клетке не было — и, пригорюнившись, наблюдала за суетой своего друга-чернокнижника.

Фауст произнес заклинание — и ничего не случилось. Беда заключалась в том, что он, торопясь догнать самозванца, прихватил с собой слишком мало ингредиентов для магических действий. Однако доктор не отчаивался и попытался снова. Он опять что-то чертил в пыли, переползал с места на место, шепча то ли ругательства, то ли заклинания. Маргарита вскочила и заходила из угла в угол, как разъяренная пантера в тесной клетке.

— Не наступи на пентаграмму, — предупредил ее Фауст.

— Да не наступлю, не бойся, — сказала Маргарита голосом, полным отчаяния. — У тебя что-нибудь получится?

— Я стараюсь, — пробормотал Фауст. На дне своего мешка он нашел пучок белены и веточку белой омелы, что завалились там после зимних занятий магией. За обшлагами рукавов нашлись крупинки сурьмы, а в башмаках — несколько свинцовых дробинок. Чего еще не хватало? Он соскреб немного грязи с пола — вполне сойдет вместо кладбищенской земли. А вместо истолченного кусочка мумии придется использовать собственные сопля.

— Какая мерзость! — охнула Маргарита.

— Помалкивай! Это может спасти твою шкуру.

Все было готово. Фауст замахал руками и запел слова заклинания. В центре пентаграммы появилось розоватое, быстро растущее свечение.

— Получилось! — радостно вскричала Маргарита. — Ты чудотворец!

— Цыц! — зашипел Фауст. Обратясь к розовому пятну света, он произнес: — О дух, томящийся во глубине глубин, заклинаю тебя во имя Асмодея, во имя Вельзевула, во имя...

Внезапно из розового пятна раздался женский голос, который поразил своей обыденной интонацией:

— Эй, там, прекратите заклинания. Я не тот дух, которого вы вызываете.

— Не тот дух? — ошарашенно спросил Фауст. — Тогда кто ты такой — или что ты такое?

— Я представитель Инфернальной службы связи. Должна уведомить вас, что в настоящей форме ваше заклинание не может быть удовлетворено. Проверьте правильность магических действий и, если обнаружите ошибку, повторите заклинание. Спасибо за внимание. Желаю всего наилучшего.

Голос умолк, а розовый свет мигнул и погас.

— Погодите! — крикнул Фауст. — Я знаю, что мне не хватает некоторых ингредиентов. Но ведь большинство — в наличии! Можно же хоть раз сделать исключение...

Никакого ответа. Розовый свет исчез бесследно, в камере царила полная тишина, слышалось лишь дробное тук-тук-тук — это Маргарита нервно постукивала носком сапожка по дощатому полу.

Зато снаружи стал доноситься все нарастающий шум. Топот бегущих. Звон и бряцание доспехов и оружия. Взвизги больших деревянных тележных колес, которые вращались на несмазанных осях. Громкие распоряжения офицеров. Но в этом хаосе звуков был один совсем странный. Кто-то громко, монотонно произносил заклинание — и, кажется, где-то совсем рядом. Фауст шикнул на Маргариту, чтобы она не лезла к нему с вопросами и слушала, а сам прижался ухом к доскам. Да, громкое монотонное бубнение слышалось из соседней камеры-ячейки. Только это было не заклинание, а молитва.

— Услышь меня, Господи, — произносил сдавленный голос, — я ничем не согрешил, но погружен в двойную темноту — в темноту своей слепоты и в темницу. Я — Исаак, в бытность византийским императором был известен многими богоугодными делами и заботой о церкви и передал соборам Константинополя превеликое множество ценных предметов, а именно...

Далее голос стал перечислять дары как соборам, так и отдельным клирикам. Список оказался таким длинным, что Фауст успел повернуться к Маргарите и сказать:

— Ты можешь вообразить, кто сидит в соседней темнице?

— Певать. Мне бы из своей вырваться!

— Помолчи, девчонка! С нами рядом томится Исаак, бывший император Византии, которого согнал с трона и ослепил его коварный брат, сам севший на престол.

— Да, что и говорить, наше путешествие протекает в изысканном обществе, — язвительно буркнула Маргарита.

— Тс-с! Кто-то открывает дверь его темницы!

Фауст прислушался — в двери повернулся ключ, дверь распахнулась, затем закрылась. Послышались шаги (дощатая стена была достаточно тонкой), вслед за чем наступила тишина и донесся плаксивый голос Исаака:

— Кто здесь? Палач? Говори, я ничего не вижу!

— Я тоже слепой, — произнес другой голос, старческий, надтреснутый. — Но тебе не понадобятся глаза, чтобы возрадоваться тому, что я принес. Я принес облегчение.

— Что ты принес?

— Облегчение. Помощь. Спасение. Ты что — не узнаешь моего голоса? Я Энрико Дандоло!

— Вот так так! — прошептал Фауст в ухо своей подруге. — Могущественный Энрико Дандоло, венецианский дож! — Тут он громко вскричал: — Дождь Дандоло! Умоляем вас вмешаться! Мы здесь, в соседней темнице!

Раздалось сразу несколько голосов, шум шагов. Дверь камеры Фауста распахнулась, и вошли двое солдат. За ними показалась высокая фигура грузного, но по-прежнему прямого старца. На Энрико Дандоло была царственно-роскошная пурпурно-зеленая накидка с вышитыми краями, в руке он держал чудотворную икону св. Василия.

— Что ты за человек? Как ты посмел призывать меня? — громыхнул Дандоло.

— Я — Иоганнес Фауст. Я прибыл сюда с целью поправить великую несправедливость, учиненную со мной. Некий самозванец твердит, будто он — это я, и так преуспел в своем обмане, что даже легковверные адские

силы поверили его байке. Он ложно представляется великим магом, тогда как искусством чародейства владею я, подлинный Фауст! Умоляю вас, выпустите меня из темницы, и в моем лице вы найдете вернейшего и ценного союзника!

— Коли ты такой великий волшебник, отчего же ты по сю пору не освободился?

— Даже последняя ведьма нуждается в подручном материале, — пояснил Фауст, — а у меня тут нет необходимых компонентов для ворожбы. Имей я на руках хотя бы еще один ингредиент, и чары подействуют — таким ингредиентом может стать икона, которую вы держите в руках...

Энрико Дандоло вскипел яростью и уставил на него свои незрячие глаза.

— Чтоб чудотворная икона св. Василия участвовала в твоём богомерзком заклинании?!

— Иконы для того и существуют, чтобы помогать в магических действиях!

— Единственное предназначение иконы св. Василия, — рявкнул Дандоло, — защищать Константинополь от всех напастей!

— Похоже, она плохо справляется со своей обязанностью!

— Не твое дело, пес!

— Пусть это не мое дело, — покорно согласился Фауст, — только отпустите нас. Мы вам не враги и никакого вреда не причинили.

— Сперва я проверю, искусен ли ты в волшебствах или бесстыдно врешь, — сказал Дандоло. — Я еще вернусь.

С этими словами он повернулся и, в сопровождении солдат, вышел вон. Дверь захлопнулась, и щелкнул замок.

— Этих дубинноголовых венецианцев никакие разумные доводы не берут! — возмущенно воскликнул Фауст.

— Боже правый, что с нами станет! — расплакалась Маргарита.

Фауст еще петушился, но и он был подавлен не меньше своей подруги. Правда, причиной его терзаний был не столько животный страх, сколько ущемленная гордыня. Доктор шагал из конца в конец тесной клетушки, ломая голову в поисках выхода. Как глупо, что он ри-

нулся догонять Мефистофеля, не собрав достаточного запаса магических причиндалов! Ведь в своих странствиях по Европе он неизменно имел при себе целый мешок, набитый всем необходимым для качественного волшебства. Всегда такой предусмотрительный, как он так опростоволохился на этот раз? Неужели годы всеобщего поклонения сделали его чрезмерно самонадеянным? Может, он с годами поглупел? Если это правда — как это выяснить?

Фауст опять завозился с пентаграммой — не столько надеясь на удачу, сколько с целью занять руки. К его приятному изумлению, внутри начертанных линий вновь появилось свечение. Снова небольшое пятнышко света стало разрастаться, только на этот раз оно было красновато-оранжевого цвета, который указывал, что на заклятие отзывается какой-то дух высокого ранга.

Как только пятно разрослось и стало принимать очертания человеческого тела, Фауст воскликнул:

— О дух, я вызвал тебя из глубины глубин...

— Ниоткуда вы меня не вызвали, — сказал дух, который теперь принял отчетливую форму невысокого роста беса с лисьей физиономией и козлиными рожками. Он был одет в тесный камзол, отороченный котиковым мехом, который подчеркивал его ладную фигурку.

— Ты явился не благодаря моему заклятию?

— Еще чего! Я явился по собственной воле. Я черт по имени Аззи.

— Приятно познакомиться, — сказал Фауст. — Меня зовут Иоганнес Фауст, а это моя подруга Маргарита.

— Я в курсе. Уже давно наблюдаю за вашими действиями, а также за делами Мефистофеля и того парня, что выдает себя за вас.

— Выходит, вы знаете, что он самозванец! Истинный Фауст перед вами!

— Знаю, знаю.

— И что же?

— Я уже думал над тем, как крепко вам не повезло. У меня есть идея, как исправить положение.

— Наконец-то! — вскричал Фауст. — Наконец-то я признан в своих законных правах! Наконец-то я отомщу! Какое счастье!

— Не торопитесь, — перебил его Аззи. — Вам еще неизвестны условия сделки.

— Не томите, выкладывайте свое предложение!

— Только не в этом месте, — возразил Аззи. — Мне не по нраву вести переговоры в походной тюрьме франков.

— В таком случае где?

— Скажем, на вершине какой-нибудь горы, — ответил Аззи. — На Кавказе есть подходящий пик, неподалеку от той горы, что дала приют Ною, когда он спасался от потопа. Там все обсудим — без спешки, в достойной обстановке.

— Я готов следовать за вами.

— Эй, про меня вы не забыли? — сказала Маргарита.

— Берем ее с собой? — спросил Фауст.

— Разумеется, нет. Сделка касается только вас, Фауст. На что мне обозная шлюшка? Орды таких потаскух следуют за каждым войском.

— Наглая скотина! — вскипела Маргарита. — Мы с Фаустом неразлучны! Я помогала ему даже в ворожбе! Иоганнес, ты втравил меня в эту историю! Ведь ты же не бросишь меня?

Фауст промямлил, обращаясь к Аззи:

— По-моему, вы поступаете неправильно.

— Торжественно обещаю вам — с ней ничего не случится.

— Даете слово?

— Мои предсказания никогда не дают осечки.

— Тогда вперед, — решил Фауст. — Маргарита, мы постараемся вернуться как можно скорее. Дорогая, мне стыдно покидать тебя вот так, но дело есть дело.

На самом же деле Фаусту было не слишком жаль бросить девушку, которая показала себя не такой слеповосторженной и покорной, как ему хотелось бы.

— Нет, нет, не бросай меня!

Несчастная Маргарита ринулась к Фаусту, чтобы удержать его. Увы, Аззи уже взмахнул рукой, и Маргарите пришлось проворно отшатнуться, так как черт и доктор скрылись в дыму и пламени. Фауст и Аззи исчезли бесследно, оставив Маргариту в одиночестве. Она в ужасе прислушивалась к топоту сапог — это солдаты приближались к двери ее темницы.

Глава 6

Аззи, за которого вцепился Фауст, с огромной скоростью пролетел высоко над башнями Константинополя и устремился дальше — на юго-запад над анатолийскими равнинами. Изредка под ними мелькали глинобитные домики — деревушки турок, перекочевавших сюда из Бог весть каких далеких краев и имевших дерзость совершать время от времени набеги на север — до самых константинопольских стен. Затем доктор и черт пронеслись над грядой холмов и плоскогорий, пока не показались отроги Кавказских гор. Аззи пришлось набрать побольше высоты, чтобы перелетать через пики, и Фауст очень скоро затрясся от ледяного ветра. Внизу, под ним, из пузатых белых облаков торчали горные вершины, искрясь шапками вечных снегов.

— Видите вон тот пик впереди? — прокричал Аззи, чтобы Фауст расслышал его сквозь вой ветра. — Это и есть цель нашего путешествия.

Они приземлились у самой вершины на небольшую покрытую снегом площадку, залитую полуденным ярким солнечным светом. Фауста так и подмывало спросить беса, как тот умудрился устроить день — ведь они вылетели из лагеря крестоносцев ночью и полет занял совсем немного времени. Но ему не хотелось показаться невежественным в области демонских фокусов, поэтому он промолчал и подошел к самому краю площадки.

Воздух был кристально чист, и окрестности просматривались на многие и многие мили — на дальних-предальних плоскогорьях Фауст мог разглядеть небольшие селения. За ними, еще дальше, он смутно различил контуры замка из розового камня, окруженного белой

стеной и украшенного белыми башенками, отчего тот чрезвычайно напоминал праздничный торт.

— Что это там розовеет? — осведомился Фауст.

— Беспечальный замок, — сказал Аззи. — Выполните мою просьбу — замок ваш.

— Чем хорош этот Беспечальный замок?

— Вы обратили внимание, из какого необычного розового камня он построен? Это камень счастья, сохранившийся с золотого века — незабвенного и давно прошедшего времени, когда человечество беззаботно купалось в счастье и изобилии. Эти камни до того пропитались счастьем из окружающей среды, что теперь щедро излучают флюиды радости и покоя, и любой, кто оказывается рядом с ними, невольно погружается в состояние приятной легкой эйфории. Доктор Фауст, вы обретете счастье и блаженство в Беспечальном замке. И, разумеется, там предостаточно юных дев красоты невиданной — до того миловидных и статных, что, глядя на них, даже ангел пустил бы слезу от умиления, хотя, застань его небесное начальство за таким грешным любованием, ему бы досталось на орехи.

— Отсюда Беспечальный замок выглядит уж очень крохотным.

— Особенности здешнего горного света и воздуха таковы, — пояснил Аззи, — что, стоит вам прищуриться, и все предметы как бы приближаются и вы можете разглядеть все, что пожелаете.

Фауст прищурился — сперва чересчур сильно, потому что перед ним возникла белая крепостная стена, словно он оказался в паре дюймов от нее. Доктор открыл глаза и прищурился совсем чуть-чуть — теперь он мог охватить взглядом весь замок и в подробностях рассмотреть дворец. Да, Беспечальный замок был местом сказочным, зачарованным. Сколько струящихся фонтанов, как чисты и аккуратны дорожки в ухоженных садах, в тенистых уголках которых разгуливают ручные олени, а на деревьях восседают пестрые попугаи, расцвечивая своим оперением ветки и придавая садам языческое буйство красок! Фауст наблюдал через окна, как слуги в белых одеяниях сновали по залам дворца с медными подносами, полными сладостей, фруктов, орехов всех видов и яств — надо думать, щедро одобренных дорогиными восточными приправами. Среди пировавших за сто-

лами гостей, одетых в разноцветные богатые одежды, выделялись несколько высоких бородатых мужей благороднейшего вида — их головы были той бесподобной лепки, которая встречается только в скульптурах античного Рима.

— Кто эти мужи? — спросил Фауст.

— Философы, — ответил Аззи. — Они вступят с вами в долгие беседы касательно природы и назначения вещей и одарят вас перлами знаний, которые ваш живой ум мигом оценит и усвоит. А теперь взгляните чуть левее — да, именно туда. Видите куполообразное строение чуть в стороне от дворца?

— Вижу.

— Это сокровищница Беспечального замка, — сказал Аззи. — Чего там только нет в бесчисленном количестве: драгоценные камни удивительной чистоты, бесценные гагаты, жемчуга и кораллы — всего не перечислить.

Фауст прищурился чуть больше и слегка наклонил голову.

— А что там у самого горизонта? — спросил он. — Похоже на тучу пыли.

— Пустяки, не обращайтесь внимания, — беспечно произнес Аззи, приглядевшись.

— Нет, уж вы отвечайте!

— Если вам так хочется знать — это шайка диких воинственных турок, — сказал Аззи.

— Они служат в Беспечальном замке?

— К несчастью, нет. Они — главная опасность здешних мест. Но Беспечальный замок они обходят стороной.

— А случись им напасть на мой замок, что мне делать? — спросил Фауст. — Швырять в них горстями жемчуга со стен и отгонять радостной улыбкой?

— Никто не гарантирован от ударов судьбы, — промолвил Аззи. — Вокруг любого богатого замка рыщут кровожадные бандиты, норовя проникнуть за вожденные стены. Иногда им это удается. Однако вам не следует беспокоиться: я не оставляю вас в беде. Я могу предоставить вам дворец в любой части света, могу перенести на жительство в любой благополучный и богатый город мира. А если вам не приглянется ни одно место из ныне существующих, извольте, поищем в иных временах. Желаете прогуливаться по Афинам вместе с

Платоном или по древнему Риму с Вергилием или Цезарем — я все мигом устрою.

— Звучит заманчиво, — согласился Фауст. — Но как насчет моего законного места в Великом Турнире, который затевают силы Тьмы и силы Света?

— Думается, я и тут могу помочь, — сказал Аззи. — Надеюсь, вы понимаете, что я не имею никакого отношения к этой ошибке. Это все балбес Мефистофель, и я намерен преподать ему хороший урок. Но сперва необходимо навести кое-какие справки, потому что Турнир уже начался. Силы Тьмы и силы Света будут крайне недовольны, если придется его прервать или приостановить. И все же я уверен, что при некоторой удаче мне удастся вернуть нужным персонам словечко-другое в вашу пользу и в итоге заменить Мака вами — прямо в ходе состязания.

— Стало быть, вы способны помочь?

— Способен, — кивнул Аззи, — только с одним условием.

— А именно?

— Вы поклянетесь мне самой страшной клятвой, что станете беспрекословно подчиняться каждому моему приказу — особенно в течение Турнира, будете без промедления и точно выполнять все, что я велю.

Фауст гордо выпрямился.

— Чтобы я да подчинялся вам? Я — Фауст, а вы кто такой? Паршивенькая нечистая сила. Ваше имя мне ничего не говорит!

— Полегче! — вспыхнул Аззи. — «Нечистая» — слово совершенно неуместное. Это звучит крайне оскорбительно для нас, чертей. Мы почище многих людей. Я бы на вашем месте такими словами не бросался. А в подчинении демону нет никакого бесчестия. Люди то и дело поступают к нам на службу.

— Но не Фауст! — возразил доктор. — Какая в том необходимость, чтобы я стал вашим покорным слугой?

— Потому что у меня есть план, благодаря которому вы обретете свое законное место, а я — свое. Но для этого вы должны следовать моим указаниям. Поверьте, я не самодур и куражиться над вами не собираюсь. Просто слушайтесь меня. Итак, согласны?

Фауст задумался. Перед ним была трудная дилемма. Соблазн велик, но как бы не прогадать. Разумеется,

стать владельцем Беспечального замка — шаг вперед по сравнению с профессорской кафедрой алхимии в Краковском университете... Но ломать спину перед каким-то Аззи? Ему, по природе своей независимому, претила сама мысль о подневольном положении. В конце концов человек Фауст и мог бы покориться черту, ходить у него на коротком поводке. Но бессмертная душа Фауста, она не желала быть на побегушках у нечистой силы — наоборот, это нечистая сила была обязана прислуживать бессмертной душе алхимика!

— Нет, не могу, — сказал Фауст.

— Да вы подумайте хорошенько! — воскликнул Аззи. — Ладно, давайте я со своей стороны кое-что прибавлю для сделки — даю вам квинтэссенцию красоты, о которой грезит любой мужчина. Думаю, вы уже угадали о чем я говорю: о Елене Прекрасной, из-за которой разгорелся сыр-бор в Трое.

— Спасибо, у меня уже есть подружка.

— Да разве она идет в сравнение с Еленой Прекрасной!

— Нет, спасибо.

Аззи лукаво усмехнулся:

— Да вы сперва взгляните, Фауст!

С этими словами демон взмахнул рукой — и на снежной площадке прямо из воздуха соткалась женщина. Она шагнула к доктору и заглянула ему в глаза. Какого цвета были ее бездонные глаза — он не мог бы сказать. Они, казалось, меняли цвет по мере того, как облака наплывали на солнце. То серые, то на мгновение голубые, то уже зеленоватые... Одно плечо Елены Прекрасной было оголено, на втором держалась греческая туника из белой ткани, безупречные складки которой облегали ее тело. Девушка была до того гармонически совершенна и лицом и телом, что совершенно нелепо и бесполезно описывать ее черты и достоинства фигуры по отдельности — дескать, нос безупречно красив, изгиб бровей бесподобен, грудь пышна и высока, ноги изумительно пропорциональны... Все эти наблюдения были правильны, но женщина такой идеальной красоты не поддавалась описанию, слова оказывались бессильны. Такая красота лишь снится иногда мужчинам — да и то расплывчатым сказочным образом. Перед Фаустом стоял идеал во-

плоти, плод фантазии, и в то же время живая женщина. И если бы в ней сыскались недостатки, то они бы лишь подчеркнули, что она человек из плоти и крови.

Фауст пожирал Елену глазами и боролся с чудовищным соблазном. Воистину такая женщина — грандиозная награда. И не только потому, что так желанна, но и потому, что обладать ею — значит отобрать ее у всех остальных мужчин мира, вызвать зависть всех мужчин мира — кроме разве тех, которые вожделеют к мужчинам. Обладать Еленой Прекрасной — все равно что обладать всеми сокровищами мира, стать выше всех королей.

Однако за это придется дорого заплатить. Ибо повелитель Елены одновременно будет ее рабом, уже не сможет распоряжаться ни своей душой, ни своей судьбой. Что слава любого мужчины рядом со славой Елены Прекрасной? Легкий дым. В его случае — никто уже не вспомнит о Фаусте как о вечном образце ученого, ведомого всепоглощающей тягой к знаниям. Если кто и будет говорить о докторе Фаусте, то как о счастливом кавалере Елены Прекрасной. Все сокровища его ума потускнеют рядом с ее сокровищем красоты. Надо думать, троянец Парис был человеком незаурядным, раз сумел отбить ее у Менелая. Но кто теперь вспоминает Париса?

Среди прочих возражений выделялось одно: Фаусту пристало мечтать о Елене Прекрасной, но завладеть ею — совсем другое дело, это нарушает сам образ ученого. Он — Фауст, вечный одиночка для истории. Стать чьей-то марионеткой, чьей-то тенью? Тем более тенью женщины?

Поэтому доктор стремительно сказал, покуда лицемерие столь божественной красоты не сломило его волю:

— Нет, нет и нет. Я не возьму ее и тебе, демон, не стану покоряться.

Аззи пожал плечами и улыбнулся. Похоже, решение Фауста не показалось ему неожиданным, похоже, бес уже сообразил, что Фауст внутри — камень. При этой мысли доктор испытал прилив гордости. Это что-нибудь да значит, если даже демон склоняется перед твоей непоколебимостью!

— Дело ваше, — сказал Аззи, — я ее уберу прочь. Но попытаться все же стоило.

Демон сделал несколько стремительных пассов, ловкостью которых Фауст не мог не восхититься — маг способен легко определить искусность коллеги по проворству рук и гибкости пальцев. Искусство Аззи было несравненным. Сияние объяло Елену Прекрасную, которая бессловесно наблюдала за происходящим, — и почти тут же исчезло. Руки Аззи снова замелькали, но на сей раз в результате даже сияния не возникло.

— Что за наваждение! — воскликнул Аззи. — Обычно исчезательное заклятие срабатывает без осечек! Придется при случае обновить в памяти текст и последовательность пассов... Слушайте, раз такое дело, Елена вообще-то славная девица, и короткий отдых от Царства теней, где она теперь обитает, ей нисколько не повредит. Пусть побудет с нами, а я ее удалю немного попозже. Идет?

Фауст взглянул на девушку еще раз, и его сердце учащенно заколотилось — хотя разум привел несокрушимые доводы против нее, сердце так и влеклось к ней. Но он взял себя в руки и сказал:

— Что ж, будь по-вашему. Однако помните, существует Маргарита!

— О, не беспокойтесь о Маргарите, — заверил Аззи. — С ней не приключится ничего дурного. Хотя, признаюсь, она вам не пара, я это сразу заметил.

— С чего вы взяли?

— Уж поверьте! Демоны нутром чувствуют, когда любовные отношения обречены. Я догоню вас через некоторое время, и мы еще раз потолкуем. Итак, вы уверены, что мне нечем вас соблазнить?

— Нечем. Однако спасибо за предложения.

— Ничего не поделаешь. Пока! Я исчезаю.

— Погодите! — воскликнул Фауст. — Не могли бы вы дать мне ингредиенты, недостающие для переместительного заклинания? В противном случае мы с Еленой застрянем на этой горной вершине на неопределенное время.

— Хорошо, что напомнили, — сказал Аззи. Он вынул объемистый мешок, который у демонов всегда при себе, но благодаря ведьминому колдовству не оттопыривает их одежды, и из мешка извлек и передал Фаусту

набор трав и снадобий, порошки очищенных металлов, труху ядовитых грибов и прочие чародейские принадлежности.

— Спасибо. С таким запасом я снова хозяин своей судьбы. Ваши предложения, Аззи, были щедры, но с этим самозванцем я сумею справиться собственными силами.

— Всего наилучшего, — крикнул ему Аззи.

— Всего наилучшего, — отозвался Фауст.

Оба — человек и черт — приняли одну и ту же характерную магическую позу: руки воздеты к небу, ладони вывернуты вперед, большие пальцы прижаты к ладоням.

Первым растворился в воздухе Аззи, за ним Фауст — в сопровождении Елены Прекрасной.

Глава 7

Маргарита никак не могла поверить в то, что произошло.

Она и прежде слышала, что маги-чернокнижники — народ хитрый и ненадежный, но такой хамский поступок согласно старинной немецкой пословице «не оставляет ни крошки от яблочного пирога», то есть дальше некуда! Из уютного и безопасного краковского трактира ее угораздило попасть в константинопольскую кутузку, причем Маргарита даже понятия не имела, за что ее бросили в темницу. Такого вроде бы надежного Фауста и след простыл, и теперь ее подстерегают Бог весть какие жуткие испытания! Она раненым зверем заметалась по камере, потом услышала топот снаружи — ближе, ближе! — и в панике забилась в самый дальний от двери угол. Шум шагов оборвался — кто-то открывал дверь соседней камеры.

Маргарита ждала и напряженно прислушивалась. Тишина. Затем опять шаги. Остановились у двери ее камеры. С противным ржавым скрипом повернулся ключ в замке. Дверь заскрипела на петлях, и полоса света из коридора стала расширяться. Маргарита сжалась от страха.

На пороге стоял высокий русоволосый щеголевато одетый молодой человек.

Замерев у дверного косяка, он уставился на узницу, стараясь разглядеть девушку в сумраке камеры — лишь свет настенных факелов в коридоре, проникавший внутрь из-за спины вошедшего, немного рассеивал тьму. Какое-то время у обоих был дурацкий вид. Девушка скрючилась в углу, как загнанный зверек, — прекрасные каштановые волосы привлекательно разметались, длинная

юбка немного задралась, оголив изящные лодыжки, и все тело застыло в униженной позе испуга, которая вместе с тем резко и соблазнительно очертила прелести девичьей фигуры. Молодой человек, едва ли не мальчик, явно не ожидавший увидеть в таком месте женщину, да еще столь привлекательную, молча таращился на нее. Маргарита заметила капельки пота над его вздернутой верхней губой.

Наконец Мак — а это был именно он — произнес:

— Вы кто?

— Меня зовут Маргарита, — сказала девушка. — А вы кто?

— Доктор Иоганнес Фауст, ваш покорный слуга.

Маргарита дважды сморгнула и чуть не брякнула, что этого быть не может, так как настоящий Фауст совсем недавно был здесь, хотя и смылся, подлец, на прогулку с демоном. Однако она вовремя опомнилась: не время изобличать ложь. Этот парень не похож ни на тюремщика, ни на палача; похоже, он пришел выручить ее, и глупо начинать знакомство с грубого разоблачения его вранья. Пусть называет себя хоть Фаустом, хоть Шмаустом, хоть Гнаустом, хоть дьяволом — только бы вызволил ее из этой гнусной западни.

— Как вы здесь очутились? — спросил Мак.

— Долгая история, — ответила Маргарита. — Я пришла сюда с одним человеком, а он — как бы выразиться? — улепетнул и бросил меня на произвол судьбы. А вы как сюда попали?

Мак явился в тюрьму в поисках Энрико Дандоло — в надежде заполучить от того икону св. Василия, так как пришел к выводу, что нет лучше способа счастливо выпутаться из этой опасной истории, кроме как вернуть городу утраченную святыню. Но когда он добрался до первой камеры, оказалось, что Дандоло уже забрал слепого опального монарха и исчез. Мак собирался уходить, как вдруг что-то толкнуло его заглянуть во вторую камеру. Поступок странный, потому что праздное любопытство было чуждо его характеру. Хотя обстоятельства таковы, что он мог только гадать, где можно найти, а где потерять, и стоило в буквальном смысле соваться во все двери... Но стоит ли все это рассказывать Маргарите?

— Тоже долгая история, — сказал Мак. — Хотите выбраться отсюда?

— Какая свинья не рвется вон из клетки? — ответила Маргарита пословицей, бытовавшей в той части Германии, что была ее родиной и где она мирно пасла гусей, покуда война не погнала несчастную девушку в Польшу.

— Тогда идем. Держись меня, со мной не пропадешь. Я тут кое-кого разыскиваю.

Они вышли из тюрьмы. В лагере царила невероятная суматоха. Трубили трубы, тысячи людей с факелами, гремя оружием, метались в темноте как оглашенные. Но в хаотическом движении проглядывало движение в одну сторону — к крепостным стенам. Похоже, была в разгаре подготовка к штурму.

Мак и Маргарита присоединились к толпе, что двигалась в сторону города. Становилось все очевиднее, что штурм уже начался, а теперь все силы подтягиваются на поле битвы. Навстречу несли раненых — из многих окровавленных тел торчали византийские стрелы, которые отличались от прочих красно-зеленым шестиугольным орнаментом на стержне и особым оперением из утиных, а не гусиных перьев.

Все новые воины пробегали мимо, чтобы присоединиться к штурмующим. В темноте было различимо движение у крепостных валов и на стенах, где разгоралась главная битва. Но тут ниже приставленных к стенам штурмовых лестниц внезапно распахнулись огромные городские ворота, закрывавшие доступ в Константинополь. Это была работа городских предателей.

Пешие воины стали ссыпаться с лестниц и валов и помчались в сторону открытых ворот, куда уже устремилась конница. Горстка греческих солдат и скандинавских наемников тщетно пыталась остановить вливавшийся в город могучий вражеский поток. Крестоносцы, озверевшие в предвкушении удачи, рубили направо и налево, крушили защитников булавами, с жутким треском ломая кости и проламывая черепа, и воздух содрогался от крика нападавших и предсмертных воплей их жертв.

Несколько византийских женщин втащили чан с кипящим маслом на бастион над воротами и теперь опрокинули его на головы атакующего врага. Обваренные франкские солдаты завопили нечеловеческими голосами — горячее масло через отверстия для шеи и рук проникло внутрь их металлических доспехов, и несчастные

заживо сваривались под панцирем, словно раки на противне у трактирщика. Рой стрел быстро согнал защитниц с надвратного бастиона, и франкская орда с исступленными боевыми кличами снова потекла через ворота, необоримым наводнением растекаясь по городу.

Улицы защищали малочисленные турецкие наемники. Их стрелы, направленные меткой и верной рукой, проносились в воздухе, свистом своим перекрывая крик наступавших и вой раненых. Десятки стрел впивались в лошадей под рыцарями, превращая животных в гигантских дикобразов, и всадники скатывались на землю с крупов падающих лошадей. Но толпа пеших крестоносцев уже накатилась на турецких лучников. Щуплые парни в непрочных панцирях не могли противостоять натиску здоровенных бородатых европейцев в крепких кольчугах. Треск ломаемых конечностей и хруст черепов, крики, ругань — и вот уже крестоносцы смяли турецкую линию обороны и рассыпались по городским улицам.

Мак следовал за волной наступавших, волоча за собой упирающуюся Маргариту. Наконец он заметил того, кого искал.

Дождь Дандоло двигался в самой гуще отряда крестоносцев, исступленно размахивая огромным мечом — так что окружающим приходилось сторониться или делать отчаянные нырки, чтобы слепец не снес им голову.

— Ведите меня вперед! — орал Дандоло. — Я хочу пустить кровь этим гречишкам!

Мак подскочил к нему, присел, чтобы не угодить под удар меча, потом вцепился в руку дождя и прокричал:

— Энрико, это я, Фауст! Позволь мне вести тебя!

— А, посланец Зеленой Бороды, — отозвался Дандоло. — Отлично, води меня в гущу боя и укажи, когда рубануть мечом.

— Будет сделано! — Мак круто развернул Дандоло в обратную сторону — к городским стенам. Одновременно он выхватил у него из-под левой руки завернутую в шелк икону св. Василия. — Рубите, Энрико, этих гадов! Удаchi вам!

Дождь как одержимый замахал мечом, рубя в капусту невидимого противника — нелепый предшественник Дон Кихота в борьбе с ветряными мельницами.

Мак подхватил Маргариту за руку и потащил за собой:

— А теперь нам надо побыстрее уносить ноги!

Вприпрыжку они добрались до городских ворот, пробились наружу и вскоре уже вернулись в лагерь. Мак искал безопасное место. Теперь он был уверен хотя бы в одном — свое первое испытание он выдержал с честью. Он сделал выбор — похитил икону св. Василия.

Вечер перешел в ночь. Стало темно, хоть глаз выколи. Ночь выдалась прохладная, подул колючий холодный ветер. Заморосил дождь. Дрожа от холода, Мак и Маргарита шлепали по раскисшему полю, бывшему недавно полем битвы.

— Куда мы теперь? — спросила девушка.

— Мне нужно кое с кем встретиться, — сказал Мак, думая про себя: знать бы, где сейчас этот чертов черт Мефистофель!

— Где тебе назначили встречу?

— Сказали, мол, сами найдут меня.

— Так зачем же мы бежим словно сумасшедшие?

— Прочь от этой кровавой бучи, где тебя могут ненароком убить.

Тут они столкнулись с группой воинов. Внешне эти солдаты мало отличались от тех, что накануне арестовали Фауста и Маргариту. Здоровые как гориллы, волосатые, бородатые, увешанные оружием, они к тому же только что побывали в бою, что отнюдь их не украсило. Солдаты расположились кружком на нескольких бревнах и пробовали развести костер из сломанных стульев, которые они, должно быть, где-то украли. Один держал кремешок и фитиль, другой пробовал высечь огонь. Но зарядивший дождь немедленно гасил искры, и солдаты чертыхались от досады.

— Эй, там, — окликнули они Мака и Маргариту, — нет ли у вас при себе пучка соломы и сухого хворосту?

— К сожалению, ничего нет, ребята, — сказал Мак. — Рад бы помочь, да нечем.

Но солдаты уже обступили их, и кто-то ткнул Маргариту в бок. Она хотела с возмущением отпихнуть наглеца и тут обнаружила, что это Мак сует ей что-то завернутое в шелк — сверток, украденный у дожа Дандоло. Пока солдаты обыскивали ее нового друга, она быстро запихнула сверток под юбку.

Но, покончив с обыском Мака, солдаты потянули руки к ней, и она сама проворно отдала шелковый мешок — лишь бы не ощутить на своем теле руки этих скотов.

— Ага! — торжествуяще прокричал один из солдат, вытаскивая икону св. Василия. — Что это за штука?

— Поосторожней! — сказал Мак. — Это чудотворная икона.

— Что за чудеса она творит?

— Разные...

— Говоришь, чудотворная? А мы сейчас поглядим, не сотворит ли она нам костерка. То-то будет чудо!

Солдат ударил по кресалу, на лакированную поверхность иконы посыпались искры, и она мигом вспыхнула.

Солдаты завозились с костром — нагнулись, подсовывая горящую икону под обломки стульев, а Мак воспользовался моментом и потянул Маргариту прочь.

Бегом они добрались до опушки небольшого леса. Со стороны города, где погром был в разгаре, больше не доносился свист стрел и бряцание оружия — только жалобный вой. Крестоносцы зверствовали повсюду. В нескольких местах над городом уже клубился дым пожаров, поднимаясь в небо, залитое лунным светом. Похоже, что городу была уготована та же злая судьба, что и древней Трое.

Мак отвернулся от горящего города. Перед ним полыхнул неяркий свет — и возникла зловеще-живописная фигура, картинно закутанная в малиновый плащ.

— Мефистофель! — воскликнул Мак. — Как я рад вас видеть! — Он шагнул навстречу демону. — Мои действия вам известны. Я решил, что всего лучше — украсть икону.

— Известны, известны, — проворчал Мефистофель. — Говоря по совести, хвалить вас не за что.

— Как же так? Но я, кажется, избрал наилучший вариант! Как только я услышал, какое прекрасное будущее готовит Константинополю дож Дандоло, я сразу же выбросил из головы мысль убить его. А что касается Алексея, так я ни разу не был так близко к нему, чтобы попробовать умыкнуть этого типа.

— Глупец! — оборвал Мефистофель. — Энрико Дандоло провел вас как мальчишку. Да он всем нутром своим ненавидит Константинополь! Он только и думал, что о его гибели!

— Откуда мне было знать? — возмутился Мак.

— Нужно было читать его мысли, а не словам доверять! Кабы вы его убили, мог бы сыскаться правитель по-человечнее, который уберег бы город от этого дикого разграбления и огня. Ведь на наших глазах от Константинополя скоро одни головешки останутся!

— Я сделал все, что в моих силах, — надменно возразил Мак.

— Ладно, я не хотел отчитывать вас, — вздохнул Мефистофель. — В конце концов, предстоит не вас судить, а все человечество в вашем лице. Вы сделали именно тот дурацкий выбор, какой сделал бы любой человек. Вместо того чтобы принести реальную пользу сегодняшнему дню, вы дали одурачить себя обещанием светлого будущего.

— Хорошо, в следующий раз буду умнее, — обещал Мак. — Поверьте мне, уж я теперь не поддамся посулам светлого будущего. Что дальше?

— Второе испытание, — сказал Мефистофель. — Вы готовы?

— Не мешало бы искупаться и хорошенько выспаться.

— Такая возможность непременно вам представится — в следующем пункте назначения. Вы отправляетесь ко двору Кублай-хана.

— С какой целью?

— Объясню на месте. Приготовьтесь.

— Погодите! — воскликнул Мак, потому что Маргарита дернула его за рукав. — А ее можно взять с собой?

Мефистофель скользнул взглядом по девушке и, похоже, хотел отказать, но потом передумал и пожал плечами.

— Почему бы и нет? Возьмитесь за руки, зажмурьтесь, и все будет в порядке.

Мак и Маргарита подчинились приказу. Девушка затаила дыхание — у нее кружилась голова от этих чертовых переносов во времени и пространстве.

Мефистофель взмахнул руками — знакомо полыхнул огонь, закрубился дым, и троица бесследно исчезла.

МАРКО ПОЛО

Глава 1

Когда Мак осмелился открыть глаза, оказалось, что он стоит между Мефистофелем и Маргаритой на углу оживленной улицы какого-то явно очень большого города. Даже после такого перелета демон выглядел как обычно — настоящим щеголем. Ни пылинки на темном фраке, свежая роза в петлице, а туфли сияют, словно над ними только что поработал уличный чистильщик обуви. Впрочем, и Маргарита выглядела куколкой. С тех пор как они покинули Константинополь, девушка успела прихорошиться и переодеться (надо думать, с помощью демонской силы) в яркое цветастое платье с глубоким вырезом на груди.

Мак с любопытством завертел головой и, не будучи совсем невежественным, вмиг сообразил, что высокие изящные строения вокруг — китайского образца. Внешний вид горожан только подтверждал догадку, что Мефистофель перенес Мака в Китай: в шелковых и меховых одеждах с широкими длинными рукавами, в которых терялись ладони, прохожие торопились по своим делам, переговариваясь высокими голосами на непонятном наречии. В свежем холодном воздухе причудливо смешивались запахи пряностей и горящего древесного угля. Небо над городом было голубым и холодным — типичное северное небо.

Мимо прошла группа вооруженных до зубов мужчин в меховых шапках. По желтизне их плоских лиц и раскосым глазам Мак угадал в них монголов. Они не обратили ни малейшего внимания на тройцу во главе с демоном во фраке.

— Что происходит? — удивился Мак. — Им нет никакого дела до странных пришельцев?

— Они просто не видят нас, — пояснил Мефистофель. — Я окутал нас особыми чарами, и мы временно невидимки. Это дешевле, чем нанять зал для проведения переговоров.

— Вам виднее, — промолвил Мак. — Что мне предстоит делать на сей раз?

— Прямо перед вами, — сказал Мефистофель, — в конце улицы, где мы стоим, вы видите огромный дворец Кублай-хана. Помимо самого хана во дворце живет часть придворной знати, родственники хана, его наложницы и толпа прихлебателей. Один из покоев дворца ныне занимает Марко Поло.

— Знаменитый венецианский путешественник? — спросил Мак.

— Он самый. С ним в ханском дворце живут его дядя и отец, но в данный момент они отправились по торговым делам в Трапезунд.

— А где этот Трапезунд? — осведомился Мак.

— Это не имеет отношения к делу. Вам нужно знать лишь то, что касается вашей миссии.

— Не спорю. Просветите меня насчет предстоящего.

— Ситуация такова. Марко Поло намерен покинуть Пекин и вернуться в Венецию. Кублай-хан отпускает европейского путешественника весьма неохотно и лишь потому, что больше некому доверить многосложное дело — доставить в целости и сохранности княжну Ире в Персию к ее жениху, персидскому шаху. А между тем вокруг Марко Поло плетутся заговоры с целью убить его — многих среди монгольской знати раздражают бесчисленные милости, которыми осыпал великого путешественника Кублай-хан. Один из вариантов ваших действий: расстроить замыслы убийц и дать Марко Поло возможность живым и здоровым покинуть Пекин.

— Пойдите, пойдите! — воскликнул Мак. — Из истории я знаю, что Марко Поло благополучно уехал из Пекина!

— Да, но сейчас прошлое еще не произошло. События в ваших руках. Пишите историю по своему усмотрению. Даже если вы в точности повторите ход событий, на самом деле они будут совершаться впервые.

— Ну а если события станут развиваться иначе, — спросил Мак, — не может ли это как-нибудь неприятно сказаться на моих временах?

— А, не берите в голову! — возразил Мефистофель. — Воспринимайте дело проще — как маленькую игру внутри большой игры. Вас доставили сюда и дали власть над отрезком времени. Вы способны повлиять на ход истории тем, что выберете один из трех вариантов развития событий. В дальнейшем вас будут судить по тому, что именно вы выберете и как это скажется на будущем — в лучшую или худшую сторону.

— Нет, это какая-то бессмыслица, — возразил Мак. — Чего ради я стану помогать Марко Поло, если он и без меня отлично справился с происками недоброжелателей и вышел сухим из воды?

— Похоже, вы так и не поняли, — сказал Мефистофель. — Посылая сюда, мы посылаем вас в начало еще не рассказанного рассказа. Ничто не предопределено заранее, все совершается впервые. Уж если договаривать до конца, откуда вам знать, сколько раз разыгрывалась и переигрывалась судьба Марко Поло? История Земли подобна старинной пьесе-моралите, которую можно смотреть хоть сто раз, а конец никогда не предугадаешь. Это, в сущности, бесконечная вселенская комедия дель арте. Главные актеры выходят на сцену каждый вечер, начинают разыгрывать вроде бы давно знакомую историю — но ее финал время от времени бывает ошеломляюще неожиданным.

— А разве эти неожиданные финалы не влияют на конечное направление истории?

— Как вы можете определить конечное направление течения истории, если вы — всего лишь щепка, несомая этим течением? К тому же при всей серьезности происходящего это не более чем игра. По крайней мере для нас, для бессмертных духов. Хотя вам следует относиться к этой игре предельно серьезно, чтобы избежать существенных неприятностей.

— В чем состоят две оставшиеся возможности? — спросил Мак.

— Вторая касается княжны Ире. Это девушка из отдаленной провинции, Кублай-хан сосватал ее персидскому шаху. Но если она выйдет замуж за другого чело-

века, ход истории резко изменится. Таким образом, выбор за вами: вы можете попытаться расстроить ее брак с персидским шахом и найти ей другого супруга.

— А что стало с шахом, за которого она вышла замуж? — спросил Мак.

— О сем история умалчивает, — ответил Мефистофель.

— Так-так... — пробормотал Мак. Похоже, из этого надменного беса более подробных объяснений не вытянешь. — А третий вариант?

— Кублай-хан владеет волшебным скипетром, который приносит удачу монгольскому войску, а стало быть, и несчастья их врагам, в число коих входят и европейские державы. Если сочтете нужным, можете украсть этот волшебный скипетр.

— Ага, и сесть в лужу, как с чудотворной иконой!

— На этот раз все иначе. Выкиньте из головы прошлый опыт. А теперь, если вы готовы, я сброшу с вас покров невидимости, и приступайте к делу.

— Погодите! — воскликнул Мак. — Как мне объяснить свое присутствие в Пекине?

Мефистофель на мгновение задумался.

— Скажите им, что вы офирский посол.

— А что это за страна такая — Офир?

— Это город, упоминаемый в Ветхом завете, — объяснил Мефистофель. — Оттуда царю Соломону доставляли золото, серебро, слоновую кость, а также обезьян и павлинов.

— И где он находится?

— Доподлинно никто не знает. Называют разные края — среди прочих Восточную Африку, Ближний Восток, Абиссинию и Аравийский полуостров. Зато известно, что Марко Поло там никогда не бывал; уж он бы не преминул упомянуть Офир в своем длинном и хвастливом списке стран и городов, которые он посетил за время странствий. Можете смело называть себя офирским послом — никто вас не изобличит.

— С этим ясно, — кивнул Мак. — Итак, я офирец. Или офирянин?

— Как вам угодно. Хоть офирист, — сказал Мефистофель с явным желанием поскорее закончить разговор. — Ну так вы готовы или нет?

— Пойдите! Еще одно: как быть с моей одеждой?

— А вы взгляните на себя! — гаркнул Мефистофель.

Мак опустил глаза. Он мог бы и раньше догадаться, что Мефистофель в конце перелета не только сам приоделся и приодел Маргариту, но и позаботился о наряде мнимого доктора Фауста. На Маке были черно-белые узкие штаны, шерстяной кафтан, а его голову украшала небольшая шляпа с пером. Стало быть, за одежду можно не волноваться. Но у Мака оставалось ощущение, что он позабыл спросить о чем-то невероятно важном. Мефистофель уже поднял руки для пассов, предшествующих исчезновению, и тут Мака наконец осенило:

— Погодите! А как я стану разговаривать со здешними людьми?

— Что вы имеете в виду? — спросил Мефистофель, опуская руки.

— Я говорю на немецком, немного знаю французский. Если здесь никто не говорит на этих языках, я в дурацком положении.

— Хм, — нахмурился Мефистофель. — Доктор Фауст, разве вы не знамениты лингвистическим талантом и знанием множества языков?

— Понимаете... — замялся Мак, — люди так склонны преувеличивать... Штука в том, что я давно не практиковался. А язык, сами знаете, без практики быстро забывается...

— Ладно, — вздохнул Мефистофель. — Я наложу на вас заклинание, благодаря которому вы сможете объясниться на любом языке. Но применяйте его рассудительно. Это заклинание не для всеобщего пользования.

— Такой волшебный дар придется мне кстати, — сказал Мак.

Мефистофель взмахнул рукой:

— Дело сделано. Дар многоязычия выдан вам временно — извольте непременно вернуть, как только испытания закончатся.

— А про меня вы забыли? — наконец осмелилась вставить словечко Маргарита.

— Вы с ним в качестве подруги, — сказал Мефистофель. — Он будет вашим толмачом. Дар многоязычия выдан ему одному. Итак, готовы?

Мак нервно сглотнул и кивнул головой. Мефистофель исчез — на сей раз очень скромно, без огня и дыма,

просто вмиг испарился. И в то же мгновение в Мака врезался какой-то приземистый толстячок.

— Огрунги, — произнес человечек.

— Нет, это вы меня простите, это я виноват, — сказал Мак. Толстячок пошел дальше, а Мак, дивясь своему новообретенному пониманию китайского языка, повернулся к Маргарите. — Чего ради Мефистофель корчит из себя такого большого господина и умника? А на самом деле подготовку к делу проводит из рук вон плохо. Ладно, давай помозгуем сами. С чего мне начать?

Не успел он это произнести, как их громко окликнул высокий воин в меховой шапке и крашенных доспехах, на вид сущий головорез.

— Эй, вы!

— Тьфу! — пробормотал Мак на ухо Маргарите. — Похоже, начинается старая история! — Повернувшись к грозному воину, он любезно сказал: — Слушаю вас.

— Что-то я вас тут никогда не видел. Вы кто такие?

— Я прибыл сюда в качестве посла из Офира, — объяснил Мак. — Отведите меня к вашему хану. А это, рад представить, Маргарита, моя спутница.

— Следуйте за мной, — велел воин.

В нескольких шагах за воином Мак и его подруга направились к дворцу Кублай-хана через многолюдный рынок. Перед их проводником люди расступались с низкими почтительными поклонами.

Воздух был наполнен особыми китайскими запахами, имевшими мало общего с европейскими, хотя нос улавливал аромат индийского кэрри, а также гибискуса и благовоний, привезенных купцами с берегов Южных морей. По мере того как наши герои шли мимо торговых рядов, в воздухе густели ароматы пряностей. У гор водорослей, спрессованных пучками в подобие сосисок, был характерный болотисто-йодистый запах. Нос Мака улавливал в этом буйстве запахов тонкие ароматы мабука и сандалового дерева, которые струились среди более тяжелых запахов чеснока, древесного угля и рисового уксуса. Прилавки были уставлены корзинками с зажаренными на вертеле свиньями и цыплятами. И повсюду можно было угоститься утками по-пекински, утопающими в сложных соусах, непременно дополнении ко всем местным блюдам.

Базарный желтолицый люд таращился на проходящих и обменивался замечаниями по поводу европейской парочки. У всех были прямые черные волосы — разной длины и по-разному причесанные. Благодаря бесовскому подарку Мак понимал доносившиеся до него обрывки разговоров.

— Ой, ты только погляди на этих типов!

— Вот так так! Что это за люди?

— Не иначе как иностранцы!

— Какой нелепый цвет лица!

— Какие безобразные огромные глаза!

— Поглядите, как одет этот парень! Вот так пугало!

— А девка-то, никак на высоких каблуках! У нас их и сумасшедшая не надела бы, ведь на такой непрочной обуви можно так навернуться, что ой-ой-ой!

— Да, наши женщины поумней будут!

Хотя толпа шумела и насмехалась, однако потешалась над иностранцами вполне беззлобно. Миновав рынок и расставшись с его бесчисленными ароматами, Мак, Маргарита и их проводник вышли на широкую, обсаженную деревьями улицу, ведущую ко дворцу. Вскоре они оказались в обнесенном каменной стеной двореке у открытых высоких ворот.

Дорогу им заградил одетый в боевые доспехи начальник стражи — в одной руке меч, в другой — щит.

— Кто идет?

— Безвестный солдат привел посла из Офира и его спутницу, которые желают повидаться с ханом, — ответил монгольский воин.

— Ты привел их в удачную пору, — сказал начальник стражи. — Двор в полном сборе, только что Кублай-хан завершил говорить о делах со своими советниками, а время трапезы еще не наступило. Самое время чем-либо развлечься. Проходи, безвестный солдат, и веди к хану наших дорогих гостей.

Сказочная роскошь внутреннего убранства замка восточного сатрапа попросту не поддается описанию. А раз не поддается — и не будем описывать. Скажем только, что наши герои прошли по коридору, стены которого были украшены иероглифическими надписями; в них китайские поэты утверждали, что нет ничего достойнее, чем любоваться неспешным течением вод.

Наконец перед прибывшими распахнулись будто сами собой последние двери — овальные украшенные богатым орнаментом бронзовые двери в ханский приемный зал.

— Как прикажете доложить о вас? — спросил темно-волосый карлик.

— Посол Офира, — сказал Мак. — И его подруга.

Большой приемный зал был освещен холодным безжалостным светом новомодных факелов, завезенных из Франции. В этом ярком свете Мак увидел на помосте перед собой группу богато одетых людей. В центре помоста, на особом возвышении, сидел на низком троне мужчина не худой и не толстый, не молодой и не старый, на вид ни добрый, ни злой, не очень смуглый и не очень бледный, не урод и не красавец, с бородой не то чтобы большой, но и не маленькой. Превосходная степень относилась лишь к одному — к алмазу на его тюрбане. Это был действительно всем алмазам алмаз. И Маку не потребовалось, так сказать, заглядывать в программку, чтобы догадаться, что перед ним сам Кублай-хан.

По бокам от хана располагались знатнейшие из подданных, его дядья и тетки, братья и сестры и прочая ближайшая родня; придворных рангом помельче было пруд пруди. Чуть ниже Кублай-хана на маленьком троне восседала бледная блондинка — по всей видимости, княжна Ире.

Вдоль стен стояли лучники с луками на изготовку — эти ханские телохранители никому не доверяли, следили за движениями всех присутствующих и были готовы в любой момент сразить стрелой любого, кто вздумает покуситься на жизнь их владыки. За отдельным маленьким столиком сидел иссохший старичок в щедро украшенной звездами мантии — несомненно, придворный маг. А неподалеку от него сидел аккуратно одетый молодой мужчина европейского вида, в панталонах и камзоле, в небольшой фетровой шляпе с ястребиным пером. То был Марко Поло.

— Стало быть, вы прибыли из Офира? — спросил Кублай-хан.

Памятуя о словах Мефистофеля, Мак ел глазами ханский скипетр. Скипетр как скипетр, ничего в нем особенного. Но было бы глупо сомневаться в верности информации злого духа.

— Вы первый офирец, что посещает нашу страну, — продолжал Кублай-хан. — Или вы предпочитаете звать себя офирянином?

— Выбирайте название по вашему вкусу, ваше величество, — ответил Мак.

— Смотри-ка, Марко, — сказал Кублай-хан. — Еще один твой соотечественник!

Мужчина в шляпе с ястребиным пером скользнул взглядом по Маку и нахмурился.

— Человек мне неизвестный. Как вас зовут, приятель, и из каких краев вы явились?

— Зовут меня доктор Иоганнес Фауст, — сказал Мак, — а родился я в германском городе Виттенберге, но в последнее время служу послом в Офире.

— Что-то не слыхал об офирском после в Европе, — сказал Марко Поло.

— Ничего удивительного. Мы, жители Офира, домоседы, путешествовать не любим. Почтенный Марко Поло, мы не стремимся соперничать с вашими соотечественниками, венецианскими купцами, которых знают во всех концах мира.

— Выходит, вы знаете меня?

— Еще бы. Слава ваша достигла даже такой отдаленной страны, как Офир.

Марко Поло пытался сохранить вид строгости, но внутренне был весьма польщен.

— Расскажите мне, любезный, побольше о товарах, производимых вашей страной.

— О, чего мы только не поставляем в другие страны! — воскликнул Мак. — Но самое важное: золото, серебро, кость, обезьяны и павлины.

— Обезьяны? Занятно, — сказал Марко Поло. — Великий хан как раз подумывал о закупке большого числа обезьян.

— Лучших обезьян, чем наши, нигде не найти, — заверил Мак. — У нас есть обезьянки и обезьяницы, крикливые макаки, громадные гориллы, рыжие орангутанги — всех не перечислить. Можем поставлять ханскому зверинцу все существующие виды обезьян.

— Замечательно, — кивнул Марко Поло, — попозже мы обсудим в деталях эти поставки. Хан желал бы закупить и некоторое число павлинов, если вы не заломите слишком большую цену.

— Будьте покойны, — сказал Мак. — Цена божеская. В этот момент в разговор вмешался придворный маг:

— Из Офира, говорите? Из города неподалеку от Шебы?

— Совершенно верно, — ответил Мак. — Вы правильно представляете местонахождение моей страны.

— Это еще надо проверить, — проворчал волшебник.

— Надеюсь, вы найдете наш город на месте и в добром здравии, — сказал со смешком Мак, но больше никто не рассмеялся его шуточке.

Кублай-хан провозгласил:

— Добро пожаловать в мой дворец, доктор Фауст, посол страны Офир. Нам угодно побеседовать с вами через некоторое время, ибо — да будет это известно всем — мы любим выслушивать увлекательные рассказы о дивных далеких странах. Дорогой Марко, коего мы чтим как нашего сына, поведал нам множество чудесных историй, чем нас немало потешил. Однако всяк рассказывает по-своему и добавляет новое, а посему заслуживает быть выслушанным.

— Всегда рад услужить вашему величеству, — сказал Мак. Одновременно он отметил кислую мину на лице Марко Поло — тому пришлось явно не по душе появление конкурента-рассказчика. Судя по всему, в его лице Мак не приобрел друга при ханском дворце.

— Что скажет нам женщина? — спросил Кублай-хан.

Мак зашипел на Маргариту:

— Отвечай, он к тебе обращается!

— Что он говорит? — отозвалась Маргарита. — Я ни слова не понимаю из этой тарабарщины!

— Я буду говорить от твоего лица, — сказал Мак и обратился к Кублай-хану: — Это Маргарита, моя верная спутница, которая, увы, не знает ни слова на вашем языке.

— Ни слова? Какая досада! А так хотелось бы выслушать ее историю!

— Я с готовностью переведу ее для вас, — отвечал Мак. — Хотя Маргарита такая восхитительная рассказчица, что перевод может только испортить ее повествование.

— В переводчице не будет нужды, — сказал Кублай-хан. — Недавно мы создали при дворце центр быстрого обучения монгольскому языку для наших подданных,

не говорящих на этом языке, и для иноземных друзей. А что до вас, вы говорите на нашем языке безупречно.

— Премного благодарен за такие слова, — сказал Мак с низким поклоном. — У меня с детства был талант к языкам.

— А твоей женщине следует учиться. Объясни ей, что она должна приступить к урокам немедленно и не оставлять занятий, покуда не заговорит бегло на монгольском языке.

Мак повернулся к Маргарите:

— Слушай, я тебе сочувствую, но они собираются забрать тебя на учебу — хотят, чтобы ты как следует обучилась их тарабарщине.

— О нет! — взмолилась Маргарита. — Я и немецкой-то грамоте училась без большой охоты! И зареклась еще учиться!

— Не артачься, дурочка, — сказал Мак. — Не в моей воле тебе помочь.

— Проклятье! — тяжело вздохнула Маргарита. — Не путешествие, а черт знает что! Никакого удовольствия!

Но деваться было некуда, и пришлось ей покорно последовать во внутренние покои дворца в сопровождении двух желтолицых служанок.

Глава 2

По дороге в отведенные ему покои, куда его вел длинными галереями и коридорами слуга по имени Вонг, Мак обратил внимание на одну странную особенность. Огонь в фонаре Вонга время от времени начинал метаться, словно на сквозняке, в местах, где поблизости не было ни окон, ни дверей. Проходя мимо малиновой ленты, перекрывавшей вход в боковое ответвление коридора, Мак поинтересовался:

— А что в той стороне?

— Это коридор во флигель духов, — пояснил Вонг. — Там обитают духи покойных поэтов. Всем живущим вход туда воспрещен. Лишь самому хану и его слугам, жрецам искусств, позволено входить туда — и то лишь принеся с собой необходимые жертвоприношения.

— Что за жертвоприношения?

— Яркие разноцветные камни, морские раковины, изумрудные мхи и разные другие вещи, любимые духами скончавшихся рассказчиков.

Вонг охотно поведал, что в мире мало царей, оказывающих такое гостеприимство, как Кублай-хан, а в пристрастии к историям всяких чужестранцев Кублай-хану просто нет равных. Этим он резко отличается от большинства монголов, которые достаточно равнодушны к другим землям и другому образу жизни. Хан поощряет людей со всего света приезжать в его дворец с рассказами о своих странах и тамошних обычаях. Причем он любит обстоятельные рассказы о семьях путешественников — чем подробнее, тем лучше. Благоклонность хана к заезжим рассказчикам простирается так далеко, что он выделил целое крыло дворца специально для приезжих.

И эта часть дворца — роскошная гостиница, едва ли не лучшая в мире, где примут всякого без предварительного заказа, без платы. Одно условие — яркий рассказ.

В ханском дворце бывают не только послы, но и нищие-попрошайки. Но нищие совсем особенного рода. В понимании хана можно иметь набитую мошну, но оставаться нищим, если тебе нечего рассказать. Во дворце привечали и одаривали именно такого рода нищих — у которых не было за душой ни одного по-настоящему интересного рассказа. Этих несчастных хан считал среди самых обездоленных мира сего и не жалел на них денег из своей казны.

Помимо роскошных чертогов для говорливых путешественников во дворце имелся флигель для странствующих душ усопших поэтов и рассказчиков. Кублай-хан верил, что души поэтов бессмертны и надвечные силы создали нарочно только для них особое небесное царство. Но души поэтов время от времени тянет обратно на Землю, ибо вдохновение поэтов во многом питается повторным посещением мест, где они испытали сладость побед или горечь поражений. Во время странствий по своим излюбленным деревенским тропинкам или по памятным городским улицам души поэтов становились уязвимы и подвержены влиянию смертных.

Согласно убеждению Кублай-хана, если в такие моменты кто-то из людей совершит правильные ритуальные действия, предложит душам достойные дары, то они направятся во дворец хана, ибо знают, что там их ждет сердечный прием. А когда они явятся во дворец, там их ждет все, что мило и бесценно для поэтической души: полоски мягкой шерсти, сияющие осколки зеркал, кусочки янтаря, античные серебряные монеты, морская галька причудливых цветов... Да, именно это, по общей молве, дорого душам усопших поэтов, и хан приказал собрать превеликое множество подобных предметов. Все они были разложены в покоях, отведенных для душ усопших поэтов. В этих покоях постоянно тлели благовония и горели свечи. И время от времени то одна душа, то другая забредала туда на упоительный праздник воспоминаний, навеваемых предметами этой коллекции. А на прощание душа — в благодарность — одаряла хана каким-либо прелестным поэтическим сном.

Вот отчего у хана было столько замечательных снов, ибо в них души умерших великих повествователей рассказывали ему о безумных белых китах, о заговорах на римском Форуме, об армиях, пересекающих бескрайние заснеженные просторы.

Ему снилось, как он сбивается с тропки в лесу и бродит по чащобе, ему снилось, что он, как сказочный герой, делает выбор между прекрасной женщиной и тигром... Таким образом хан собирал мед занимательных историй ежедневно и еженощно, бодрствуя и во сне, так что в конце уже не отличал сон от яви. Говорят, втайне он вынашивает мечту стать вечным слушателем уопших поэтов — после своей кончины.

Апартаменты Мака были роскоши почти неизвестной в Европе. Для простого парня, не бывавшего в царских дворцах, эта роскошь была просто запредельной. Хан на славу позаботился о комфорте своих гостей, подумав о многих мелочах. Слуги, подававшие еду и питье, готовившие горячую воду в бассейне, были вышколены в умении стушевываться — они приходили и уходили неслышными тенями, ни звуком, ни взглядом не нарушая уединения и внутреннего сосредоточения гостей. И Мак купался бы в комфорте, но душу грызла мысль о предстоящем выборе. Ведь он не праздный путешественник. Ему предстоит еще та работенка!

Каким-либо образом распорядиться судьбой Марко Поло — похоже, именно с этого стоит начать. Спасение Марко Поло — разве это не доброе дело? По крайней мере из этого спасения ничего худого получиться не может, ведь так? Кто же осудит Мака за то, что он спас человеческую жизнь? А вот искать нового мужа княжне Ире — дело довольно-таки опасное, да и не знаком он с ней пока что...

Что касается кражи скипетра — Мак своими глазами видел, что за ханом постоянно следуют лучники со стрелами на тетивах. Чересчур резко дернешься в сторону хана, и из Мака мигом сделают ежа с деревянными иголками. Яснее ясного, к хану близко не подойти.

Выходит, нет иного пути, кроме как спасти венецианского купца-путешественника.

— А скажи-ка мне, — обратился Мак к Вонгу, — далеко ли отсюда живет Марко Поло?

— Хан отвел ему особые покои во дворце, — ответил Вонг, — но, помимо этого, Марко Поло подарены несколько пекинских особняков, а также две загородные усадьбы с озерами, с обширными парками и садами, с тихими беседками...

— Бог с ними, — прервал Мак. — Мне одно нужно — найти его и переговорить с ним.

— В настоящий момент Марко Поло в Большом Пиршественном чертоге — украшает зал для праздника, который он затевает в честь хана.

— Будь любезен, отведи меня туда.

Глава 3

В Большом Пиршественном чертоге кипела работа: многочисленная челядь украшала стены флагами, цветными лентами, яркими коврами и прочей праздничной мишурой. Высокий потолок зала поддерживали восемь колонн. Каждая из них покоилась на широком квадратном основании, на котором было предостаточно места для всяческих погремущек.

Главным же украшением служили отрубленные человеческие головы.

По приказу Марко Поло, пирамиды из отрубленных голов располагались на каждом углу основания каждой колонны. Из одних голов еще сочилась кровь, другие уже высохли, третьи сморщились, прочие были тронуты разложением или даже совсем раскисли. В середине зала стоял чан с кровью, и двое слуг в балахонах помешивали содержимое веслами, чтобы кровь не застыла. Марко Поло стоял руки в боки и присматривал, как работники устанавливают зловещие пирамиды.

Мак на несколько мгновений пристыл к полу, осваиваясь с подобным праздничным убранством, потом шагнул к Марко Поло.

— Как мило сгруппированы эти головы! — сказал он.

— Спасибо, — отозвался Марко Поло, — но будет еще прелестнее, когда работа завершится.

Тут он крикнул десятнику, надзирававшему за слугами на лестницах:

— Ну-ка, сделайте пирамиду поплотнее! Когда головы разбросаны, утрачивается единство композиции, размывается художественный эффект! И повыше пирамиды,

повыше! На каждом постаменте должна быть гора голов высотой не меньше семи футов. Говоришь, рассыплутся? Понимаю, головы надо чем-то связать. Но должно создаваться впечатление, что они лежат так сами по себе, ничем не сцепленные. Пораскиньте мозгами, как этого добиться. Свяжите головы бечевками, или вязальной проволокой, или еще чем, но только чтоб незаметно! И уберите к чертям собачьим высохшие головы. Подумают, что им не один десяток лет. Сегодня мы собираемся не для того, чтобы восславить прошлые победы. Сегодня мы намерены отпраздновать нынешние и грядущие победы Кублай-хана, поэтому нам нужны только свежееотрубленные головы, а не лежалые! Чтоб кровь ручьями лилась! Если где кровь засохла, полейте голову кровью из чана.

Мак и Марко Поло некоторое время наблюдали за работой.

Глядя на внесенные изменения, Мак произнес:

— Ну вот, теперь совсем другое дело!

— Вы действительно так думаете?

— Намного лучше! В подобных вещах у венецианцев острый глаз.

— Спасибо на добром слове. Так вы, значит, из Офира?

— Да, — подтвердил Мак. — Но не будем говорить обо мне. Я пришел сказать, как мне приятно встретить вас. Ведь я восторгаюсь вами, дорогой Марко. Какая честь — познакомиться с самым знаменитым сочинителем своего поколения, а то и всех поколений!

— Приятно слышать подобные вещи, — сказал Марко Поло. — Но, согласитесь, вы ведь тоже искусный сочинитель? Я имею в виду весь этот Офир — прелестное сочинение!

— Ну, тут столько же правды, сколько небылицы... В конце концов, кого заботит полная правда об Офире? Рассказ о прелестях Офира исчерпывается рассказом о слоновой кости, павлинах и обезьянах.

Марко Поло улыбнулся тонкой опасной улыбкой.

— Надеюсь, не исчерпывается... Мнится мне, два сочинителя при монаршем дворе — это перебор.

— Бросьте, я птица залетная, а вы здешний почетный обитатель, — сказал Мак. — Больше того, меня сюда

привело в том числе и желание увидеть вас. Хотелось бы, чтобы вы черкнули мне несколько слов на память.

— У вас есть экземпляр моей книги?

— Ваша книга — среди самых дорогих моему сердцу вещей. Вернее, была. Проклятый вор-араб утащил бесценный экземпляр вместе с моим сундучком — это случилось однажды ночью на татарских нагорьях.

— Сочиняете?

— Нисколько, — сказал Мак, памятуя, что при дворе должен быть лишь один рассказчик небылиц. — Меня самым банальным образом обокрали. Огромное несчастье — теперь у меня нет экземпляра книги, который вы могли бы надписать. Но если вы поставите свою подпись на кусок бумаги, я мог бы вклеить его в книгу, когда раздобуду ее.

— Считайте, что она у вас есть, — небрежно сказал Марко Поло. — Если хорошо заплатите, я продам.

— Ваш единственный экземпляр? Нет, я не посмею!

— У меня их несколько.

— Я буду весьма польщен, если вы надпишете мне вашу книгу... И буду еще больше польщен, если вы позволите мне служить вашим защитником и оберегать вас от покушений на вашу жизнь, от интриг и заговоров, которые плетутся вокруг вашей знаменитой особы.

— Как вы проводили о заговорах против меня? — спросил Марко Поло. — Ведь вы только что прибыли сюда!

— Нетрудно догадаться, — молвил Мак, — что человек столь талантливый и столь прославленный, как вы, не может не иметь врагов. И я был бы счастлив оберегать вас от коварных происков.

— Что ж, если вы и впрямь так рветесь мне помочь, — раздумчиво произнес Марко Поло, — то есть кое-что, чем вы могли бы помочь мне.

— Только скажите — все сделаю.

— Как я понимаю, вы, господин офирский посол, бегло говорите на множестве языков?

— Какой посол может обойтись без этого?

— Я уже знаю, что вы владеете немецким, французским, монгольским и персидским.

— Это наинужнейшие языки.

— А как насчет фарси, китайского, тибетского?

— Могу объяснить, — сказал Мак.

— А на пушту?

— Точно не знаю. Как он звучит?

Марко Поло произнес на пушту, характерно кривя рот:

— Вот так звучит этот язык.

— Да, — сказал Мак, — я понимаю.

— Великолепно! — воскликнул Марко Поло. —

Княжна Ире говорит только на пушту, она пока не освоила как следует монгольский язык. И ей решительно не с кем поболтать во всем дворце.

— Кроме вас?

— Единственные слова, которые я знаю на пушту: «Вот так звучит этот язык». Из-за нехватки времени мне не удалось его выучить.

— Досадно.

— Если хотите услужить мне, — сказал Марко Поло, — отправляйтесь к княжне и побеседуйте с ней. Ей будет чрезвычайно приятно пообщаться на родном языке. К тому же она наверняка заинтересуется обычаями далекого Офира.

— Я не стану докучать ей рассказами об Офире, — возразил Мак. — Офир похож на любое другое место. Но если вам кажется, что моя болтовня поднимет ее настроение, положитесь на меня. Я немедленно отправляюсь в покои княжны.

Мак вышел из зала с пирамидами отрезанных голов, в душе поздравляя себя с тем, как быстро он умудрился проникнуть в святая святых монгольского двора.

Глава 4

Маку повезло, что ему указали точный путь в покои княжны Ире, — многочисленные коридоры дворца Кублай-хана напоминали лабиринт, в котором было немудрено заблудиться. Маку чудилось, что длинные-предлинные туннели, выстланные полированным паркетом, уходят в бесконечность. Проникая через немногочисленные оконца, солнечный свет заливал пологие межэтажные переходы и лестницы.

Дворец был построен так, что все звуки в нем приглушались. Коридоры будто жили своей особой жизнью. С потолка свешивались клетки с певчими птицами, свободно разгуливали коты, собаки и оцелоты, из-за дверей то там, то здесь доносились пронзительные звуки труб, которым басисто вторили барабаны. Дважды Маку встретились коридорные торговцы, предлагавшие шашлыки, похлебку, а также — бесплатно — какие-то монгольские блюда с ханского стола, подлинное спасение проголодавшихся гостей, которые в противном случае могли бы умереть с голоду, плутая в поисках трапезной в дворцовых глубинах.

Во внутренних коридорах, ведущих в сердцевину дворца, окон не имелось; их заменяли диорамы — освещенные павильончики с картинами живой природы: в одном месте это была березка с чучелом бурундука, в другом — речная заводь с выдрами, в третьем — джунгли, кишашие обезьянами. В этих замкнутых пространствах человек не чувствовал себя оторванным от природы; пусть символически, благодаря фантазии художников, она все же присутствовала. Коридоры сходились или в

небольших двориках с алтарями посередине, или в просторных залах.

Так, переходя по коридорам из дворика в дворик, Мак добрался до обширной мощеной площади, где шла тренировка военного отряда. Солдаты в полных доспехах, с мечами или копьями и щитами выполняли боевые приемы под руководством наставников с красными повязками на лбу. Маку эти упражнения показались утомительными и скучными. Ему пришлось пройти сквозь строй разгоряченных, потных воинов, чтобы попасть на другой конец площади и продолжить путь в покои княжны Ире.

Но какое живописное зрелище представляли собой все эти воины! Какая пестрая смесь по-разному одетых людей из множества стран! Сколько национальностей, сколько разных языков и наречий! И все одеты в доспехи, которые носят на их родине.

Переходя площадь, превращенную в плац, лавируя между воинами, Мак невольно вслушивался в то, как те переговариваются или переругиваются, и уловил по меньшей мере два десятка языков, понимая все — благодаря волшебному дару, полученному от Мефистофеля. Мак не вслушивался в слова, произносимые воинами, — те короткие слова, что солдаты произносят во время занятий на плацу, не отличаются изысканностью и разнообразием и лишены интереса на любом языке. Но внезапно ему пришлось насторожиться: было произнесено имя Марко Поло.

Его упомянули два воина, сражавшиеся на мечах, два бородача в бронзовых доспехах, стянутых кожаными ремнями, со смазанными маслом кудрявыми волосами, характерными для финикиян.

Один из них спрашивал:

— Так что ты мне давеча толковал про этого Марко Поло?

— Не стоит обсуждать подобное дело здесь, на людях, — отвечал другой.

— Не переживай, — говорил первый, — тут ни одна собака не говорит на нашем хаифском диалекте арамейского языка.

Действительно, этот диалект небольшой народности был мало кому известен, но Мак, во всеоружии бесовского дара, без труда понимал причудливые гортанные

эзук. Он остановился и сделал вид, что поправляет застёжку на туфле, а тем временем ловил каждое слово.

— Сдается мне, — говорил второй солдат, — что теперь самое время довести до конца задуманное. Сегоднешней ночью мы с тобой назначены в караул в Пиршественный чертог. Отличный случай покончить с этим человеком.

— Стало быть, решено убить?

— Да, финикийский наместник прислал мне с почтовым голубем приказ порешить венецианца. И это надо сделать немедленно, пока он еще в Пекине и способен заключить новые торговые сделки в ущерб интересам купцов из нашего родного Тира.

— Да здравствует Тир! — воскликнул первый бородач.

— Тише, дуралей! Итак, приготовься — сегодня ночью.

После этого диалога солдаты стали рубиться с удвоенной энергией, а Мак покончил с застёжкой туфли, выпрямился и пошел дальше. Так-так! Как все славно складывается для него! Удача сама плывет в руки! Сейчас он побеседует с княжной Ире, после чего — напрямик к Марко Поло, предупредить о грядущем покушении.

Глава 5

Мак застал княжну Ире в ее покоях. Она приняла мнимого доктора Фауста немедленно, как только доложили о его приходе, была крайне любезна с ним и, видимо, радовалась посещению посла из Офира.

— Вы положено понимать, — сказала она на ломаном монгольском языке, проводя Мака по многочисленным коврам в глубь своих покоев, — я любить ваш посещение, но я не разговаривать монгол язык хорошо.

— Потому-то я и решил посетить вас, дорогая княжна, — сказал Мак на беглом пушту. — Коль скоро я недурно говорю на вашем родном языке, я решил, что вам будет приятно занять легкой беседой время до предстоящего пиршества.

У княжны дыхание сперло в груди от волнения: слышать, как этот русоволосый юноша быстро и безупречно говорит на ее родном языке — без акцента, правильно расставляя все частицы, с верными придыханиями, — о, это было упоительно! Возможно, даже упоительней, чем тешить взор лиловыми цветами в январском снегу, — образ, который она доселе считала предельным выражением новизны и необычности.

— Ах, язык моей матушки и моих нянюшек! — вскричала девушка. — Вы говорите с такой легкостью, будто мы росли вместе, в одном дворце!

— Я стараюсь угодить вашему высочеству, — произнес Мак тоном тертого придворного.

— Какое счастье, что можно хоть короткое время не говорить на ломаном монгольском, — сказала княжна. — Из-за плохого знания местного языка я кажусь невеж-

дой, а на самом деле я прочла уйму офирских книг, не говоря уже о рукописях из Куша и Шебы!

— Ну, я этих книг читал немного, — скромно признался Мак. — Весьма серьезные сочинения.

— Не беда, — заверила княжна. — Главное, мы можем вдоволь наговориться на пушту. Я так устала молчать! Идите сюда, присаживайтесь на диване, выпейте бокал пальмовой водки, расскажите о себе. Что привело вас в Пекин?

Мак позволил усадить себя на низкий диван, украшенный стайкой пестрых подушек. Княжна Ире присела рядом. Высокая бледная блондинка, она не отличалась красивой линией плеч, зато в ее бездонных зеленых глазах было бы приятно утонуть, не будь в ее манерах такой явной истеричности, которую девушка едва-едва сдерживала. На ее руках позвякивали многочисленные браслеты. Мак волновался в присутствии княжны и, чтобы занять свои руки, взял несколько фиников с блюда.

— Меня привезли сюда с моих родных нагорий и, не спрося согласия, сделали невестой персидского шаха, — рассказывала княжна. — По-вашему, это справедливо? Мой отец обещал дать мне свободу в выборе жениха. А потом взял свое обещание обратно — дескать, хану нужна княжна из нашего рода. Сперва меня предназначали шаху Вигуру, но он был отравлен.

— Среди знати так всегда, — солидно произнес Мак, — пригожей девушке приходится скреплять своим браком важные договоры. А чем вам не по сердцу персидский шах? Вроде бы такая завидная партия!

— Я видела его портрет, — ответила княжна Ире. — Мерзкий старый уродливый толстяк. Жестокая складка у рта. Отвисшая нижняя губа свидетельствует о мужском бессилии. Глупое выражение лица. И говорит только по-персидски.

— Ну, последнее нельзя поставить ему в упрек, — дипломатично заметил Мак.

— Я ничего не ставлю ему в упрек, — сказала княжна Ире, раздраженно передергивая плечами. — Но если его портрет вызвал во мне такое омерзение, то вообразите, какое отвращение я испытаю к нему, когда увижу живые! Нет, я не смогу родить ребенка такому чудовищу! Его род угаснет без наследника.

Мак с пониманием закивал. Про себя он решал: а как скажется отсутствие наследника у персидского шаха на дальнейшей судьбе человечества? И скажется ли вообще? Очевидно, все-таки скажется. Все скáзывается. Но изменится ли что-либо от изменения?

Никто не учил Мака решать столь сложные философские вопросы.

— Отведайте фиг в сахарной пудре, — предложила княжна Ире. — Мне думается, вы слаще этих первосортных фиг...

— Ах, княжна, — выдохнул Мак. Он воображал себя тертым калачом, выдавшим виды мужчиной, который не тает от одного женского взгляда, но ласковый голос княжны был полон такого откровенного томного призыва, что Мака проняло до самых загнутых кончиков его кожаных туфель.

— Буду предельно честна с вами, — продолжала Ире. — Возможно, мне больше не представится удобного случая. — Она придвинулась к мнимому Фаусту и обвинила прелестной ручкой его шею. — Как вас зовут, милый юноша?

— Иоганнес Фауст, ваш покорный слуга. Но...

— Мой медовый, ты покори́л меня своими сладкими словами. Я твоя. Не артачься, пупсик, я сейчас все это сама расстегну.

Ире имела в виду узкий корсет, перехватывавший ее осиную талию. Мак попытался выскользнуть из объятий девушки самым энергичным образом, но это было трудно — утопая среди диванных подушек, когда княжна навалилась на него, разом трудясь над застежками своего корсета, лаская русые волосы европейца, стаскивая с него камзол и посылая в свой ротик очередную засахаренную фигу. Мак женской страсти не боялся, но при данных обстоятельствах было слишком опасно поддаться плотскому соблазну. В его голове промелькнул вопрос: первый ли он любовник у княжны Ире, а если не первый, то были ли прежние пойманы и что с ними стало? Быть может, они закончили жизнь на колу? Этот прохиндей Марко Поло мог бы предупредить об опасностях легкой светской болтовни на пушту!

Но прежде чем он успел додумать мысль о коварстве венецианского «сочинителя», послышался звук распахиваемой двери.

Мак мигом вскочил на ноги и увидел в дверях девушку, нисколько не похожую на служанку княжны. Можно было только гадать, как она очутилась в покоях княжны. В этой темноволосой красавице было что-то... что-то нечеловеческое.

— Вы кто? — дрожащим голосом спросил Мак.

— Илит, агент службы сил Добра, уполномоченный наблюдатель за ходом Турнира. Доктор Фауст, что за безобразие вы замыслили?

Глава 6

Когда архангел Михаил внезапно срочно вызвал ее к себе по ангельской «горячей линии», Илит интенсивно творила добрые дела в одной из альтернативных историй человечества. Это была экспериментальная история, обреченная на скорое уничтожение. Хотя Илит еще только проходила практику, ей доставляло огромное удовольствие быть добрым ангелом. Главная докуча в жизни добрых сил — почти постоянное безделье. Поскольку Илит хотелось активно творить добро, она уговорила Гермеса Трисмегистуса направить ее на дополнительную линию истории, чтобы как следует попрактиковаться в добрых делах. У нее получалось отлично, хотя было досадно, что это ненастоящая Земля и все происходит как бы понарошку. Словом, вызов к архангелу Михаилу не очень ее огорчил.

— Здравствуй, — приветствовал Илит архангел Михаил. — Как справляешься со своими делами?

— Хорошо. Одна жалоба: я хотела бы заняться чем-нибудь более серьезным.

— Вот это по-нашему, по-ангельски! — одобрил Михаил. — Будет тебе работа. Слыхала о Великом Состязании сил Света и сил Тьмы?

— А как же! — ответила Илит. — В мире духов только об этом и говорят.

— По правилам в Турнире могут участвовать наблюдатели с обеих сторон. Они призваны следить, чтобы никто не подыгрывал участнику и не помогал ему советами. Ты сейчас отправишься на Землю и проверишь,

как идут дела у Мефистофеля и того человека, который участвует в Турнире.

— Будет исполнено!

— На, возьми с собой, — сказал архангел Михаил, протягивая ей амулет.

— Зачем? — спросила Илит.

— Это не подарок, — объяснил архангел Михаил. — Это амулет, который делает его владельца невидимым. Ты будешь наблюдателем, за которым никто не сможет наблюдать.

— Отлично. До скорого! — воскликнула Илит и исчезла.

Мака она застала за бегством из Константинополя и, невидимая, продолжала наблюдение вплоть до того момента, когда он увяз в диванных подушках. Тут она сделала собственные выводы из ситуации и решила вмешаться.

Княжна Ире была невероятно поражена появлением черноволосой бесовки с прической «я у мамы дурочка», одетой вроде бы по-ангельски пристойно, но странным образом вызывающе.

— Ах, шайтан! Что происходит? — ахнула княжна.

— Не волнуйтесь, милая, с вами ничего не случится, — успокоила ее Илит. — А вот с этим типом мне надобно срочно переговорить. — Она ткнула пальцем в сторону Мака, который лишь отскочил в угол комнаты, хотя ему хотелось сломя голову бежать подальше от этого явления — этого, быть может, взбесившегося ангелочка с недобрыми глазами.

— Я забираю его прочь, — провозгласила Илит. — То, что я ему скажу, не должно коснуться ушей невинной девушки. — Она повернулась к Маку и приказала тоном, не терпящим возражений: — Следуй за мной, парень.

Илит провела Мака через гостиную по коридору в покои, копировавшие комнаты княжны, — сейчас эти покои пустовали в ожидании другой монгольской княжны на выданье. Взяла стул, села посреди комнаты — прямо, словно аршин проглотила, — и строго уставилась на Мака, который стоял перед ней как нашкодивший ученик.

— Доктор Фауст, ваше поведение крайне удручает меня.

— Да я что? Я ничего... — пробормотал Мак.

— Не корчите из себя невинного ягненка! Я была в соседней комнате и все слышала.

— Ах вот как... — сказал Мак, лихорадочно припоминая, о чем таком они беседовали с княжной Ире перед появлением этой дьяволицы. Кажется, ничего такого...

— Ты наглейшим образом соблазнял невинную княжну, употребляя во зло умение говорить на всех языках. Ты использовал дар Мефистофеля в корыстных целях, чтобы найти подход к наивной девушке!

— Эй, погодите! — засуетился Мак. — Все было совсем не так. Я ничего плохого не делал.

— А вся эта мерзкая возня на диване, за которой я тебя застала, — это по-твоему ничего?

— Да ведь это Ире пыталась соблазнить меня, у меня и в мыслях не было...

Красивые пухлые губки Илит скривились в презрительной усмешке. Начинала она ведьмой и служила верой и правдой темным силам со всем наивным девичьим энтузиазмом. Но то было давным-давно, с темным прошлым решительно покончено. Во время прошлого Тысячелетнего Турнира она повстречала ангела Бабриэля, русоволосого красавца с холодным пронзительным взглядом, влюбилась без памяти и сподобилась узреть возвышенные стороны любви. Как раз в то время Илит была подружкой Аззи, который возился с обветшалой историей Прекрасного принца. Но, повстречав златокудрого Бабриэля, она выбросила из сердца юного рыжего беса с лисьей физиономией. Любовь привела к переоценке всех ценностей. Она обратила очи к горе, к Богу, ее потянуло на добрые дела, поскольку им служил ее возлюбленный, и очень скоро эта пышнозадая ведьмочка с точеной фигуркой распробовала Добро, и оно пришлось ей по вкусу, она даже находила его *пикантным*. Из любви к очаровательному, но чистому душой ангелу Илит сошла с кривой дорожки, вспылала страстью ко всему духовному и принялась бескорыстно творить добрые дела с таким же рвением, как прежде — злые. Не в надежде награды — ведь добрый поступок сам в себе содержит награду. Вот так из сорвиголовы, из бесшабашной участ-

ницы всех шабашей она превратилась в паиньку, в «голубой чулок», таких нынче даже в Царстве небесном немало сыщешь. Но ведь правильно говорят: кто всех больше грешил, тот всех усердней молится. Из распущенной мегеры Илит превратилась в иступленную приверженку добродетели и добропорядочности (сочетая в себе оба эти качества). Она проявляла временами такое рвение, что приводила в смущение более зрелых добрых духов, которые прожили достаточно, чтобы понять за долгие столетия службы Добру всю сложность, всю двойственность мира. «Ничего, — говаривали они, — подрастет девочка, остынет».

Но пока что Илит горела прежним энтузиазмом.

— Вы употребили во зло свое положение! — отчитывала она Мака. — Вас перенесли через время и пространство и вооружили дьявольским даром говорить на всех языках не для того, чтобы вы соблазняли невинных девиц. Вам следует с полной ответственностью подойти к исполнению возложенных на вас обязанностей, а не виться похотливым подростком вокруг каждой юбки. Я буду вынуждена подать на вас жалобу совету распорядителей Турнира! А пока что я лично прослежу, чтобы вы больше не повторяли несанкционированные лазания под юбку!

— Послушайте, фрейлейн, вышло недоразумение, вы меня неправильно поняли, — почти захныкал Мак. Он хотел во всех подробностях рассказать о происшедшем, но Илит не была расположена выслушивать байки этого рыжеволосого смазливового соблазнителя, который готов вкручивать мозги женщинам на всех известных языках.

Илит строго оборвала его объяснения:

— Пока на мою жалобу не придет официальный ответ, я перенесу вас туда, где у вас не будет возможности грешить. Да, приятель, посиди-ка в Зеркальной тюрьме.

Мак воздел руки в напрасной мольбе. Поздно! Ничто не действует так быстро, как заклятие взбешенной ведьмы. Даже если она работает ангелом. Не успел Мак и глазом моргнуть, как последовал молниеносный взмах кроваво-красных ноготков и Илит исчезла. Но когда Мак шагнул к тому месту, где она только что была, до него дошло, что из комнаты исчезла не она — исчез он сам.

Как бы то ни было, он находился в каком-то другом месте.

Это была комнатка с неисчислимыми зеркалами. Зеркала занимали все стены, пол, потолок. Было ощущение, что зеркал немыслимое количество — столько просто не уместится на стенах! Отражения сливались в ртутно-серебристые туннели, пропасти, в причудливую топографию зазеркалья.

Мак увидел себя отраженным в сотнях зеркал под сотнями углов. Он в ужасе повернулся — и мириады его отражений повернулись вместе с ним. Он сделал шаг вперед — его бесчисленные двойники также двинулись вперед, хотя часть двойников, похоже, шагнула назад. Мак сделал еще шаг — и уткнулся носом в зеркальную поверхность. Он отшатнулся, а с ним и большинство его отражений; лишь некоторые будто ни обо что не ударились и ни от чего не отшатнулись... Маку показалось странным и пугающим, что кое-какие отражения не следовали его движениям.

Чем больше он приглядывался, тем более не по себе ему становилось. Одно его отражение сидело в кресле и читало рукопись; вот оно оторвало глаза от чтения, подняло голову и подмигнуло Маку... Другое сидело с удочкой на берегу реки. Это отражение напрочь игнорировало Мака. Напротив верхом на стуле сидело, раскинув ноги, еще одно отражение и нагло улыбалось в лицо хозяину.

Тут Мак усомнился в том, где именно его лицо, и торопливо заметался по комнате, ощупывая зеркальные поверхности, надеясь найти выход из этого жуткого лабиринта. Некоторые отражения суетились вместе с ним. Но большинство уселось за длинный стол и принялось уплетать ростбиф, заедая его йоркширским пудингом. Одно отражение приморилось и легло спать на большую перину, другое отражение сидело на крутом склоне холма и запускало воздушного змея. По мере того как Мак смотрел на этих двойников, каждый из них поднимал голову, словно чувствуя его взгляд, приветственно кивал ему с улыбкой и возвращался к своему делу. Лишь некоторые отражения не обращали на него никакого внимания.

Мак одурело таращился на эту чертову свистопляску двойников, и один внутренний голос провыл: «Я схожу с ума!» Другой внутренний голос спокойно проговорил: «А для меня не найдется книжечки почитать?» Мак почувствовал, что и внутренне он раздваивается, растранивается, расчетверяется...

Оставалось плюнуть на все, закрыть глаза и подумать о чем-либо действительно приятном.

Глава 7

Мефистофель возник из ниоткуда в клубах сернистого желтого дыма. Для знающего человека сам способ появления в покоях княжны Ире говорил о его дьявольски скверном настроении.

Он уютно сидел себе в мягком кресле у камелька с «Воспоминаниями о детских пакостях» — самой увлекательной книгой из всех тех, что попадались ему в последнее время, — и только-только дочитал до места, когда принц-бесенок открыл для себя прелести предательства и начал гадить родным и близким направо и налево при всяком удобном случае.

И тут зазвонил телефон, вырывая Мефистофеля из сладостного мира фантазии к прозаической реальности. Один из его шпионов, невидимкой наблюдавший за ходом Турнира, докладывал о злом нарушении правил — имело место дерзостное и существенное вмешательство в естественный ход состязания, а именно: главный участник был незаконно изъят из экспериментальной ситуации и помещен в комнату зеркал-обманок.

Мефистофель отшвырнул книгу и понесся сломя голову в Пекин, невзирая на то что формально он не был на дежурстве. Но на такие мелочи настоящий дух Зла внимания не обращает — профессиональный бес должен смириться с тем, что служба может потребовать его в любое время суток и, если вдруг выпадает возможность совершить подлинное, крупное, весомое зло, всякий бес обязан позабыть о тихих домашних радостях и устремиться на свой пост.

— Илит! — рявкнул Мефистофель, очутившись рядом с ведьмой-ангелом. — Ты что себе позволяешь! За каким рожном ты заперла Фауста?

— Я исправляю серьезный грех, — храбро огрызнулась Илит, хотя под гневным пронизательным взглядом Мефистофеля у нее мурашки побежали по спине.

— Что ты сотворила с Фаустом?

— Заключила его в камеру предварительного следствия по подозрению в нарушении норм морали и нравственности, — отчеканила Илит.

— Женщина, да как ты посмела! Кто тебе позволил соваться в ход Турнира? Тебе, простой наблюдательнице!

— В качестве наблюдательницы, — отчеканила Илит с неожиданной твердостью, — я обязана делать наблюдения. И, согласно моим наблюдениям, вы пообещали Фаусту золотые горы и надули ему в уши, что он должен нарушать все заповеди и творить что угодно, а не следовать узкой тропкой к назначенной цели. Если я не права, объясните мне, как вышло, что Фауст занят соблазнением невинной княжны, тогда как его дело — совершить поскорее эпохальный выбор в сложной исторической ситуации!

— Да как ты смеешь обвинять меня! Что за нелепый поклеп! Я ни сном ни духом не ведаю о его художествах! — горячо заспорил Мефистофель. — Если он завалил какую-либо потаскушку — это дело его собственной совести. Я не имею к этому ни малейшего отношения!

Тут оба одновременно вспомнили о присутствии почти сомлевшей от испуга княжны Ире. Они сперва уставились на нее, потом переглянулись и пришли к безмолвному соглашению. Илит повела бровью, Мефистофель кивнул. Затем Илит проворно накинула на княжну малые сонные чары — невесомые, как ночная сорочка феи. Эти чары несли с собой не только крепкий сон, но и забвение всего того, что произошло в последние полчаса перед засыпанием.

Таким образом, княжна Ире была устранена и в безопасности, Мак заточен в Зеркальной темнице, и Илит могла дальше изливать свой гнев на Мефистофеля.

— Это все ваша вина, — прошипела она, яростно сверкая синими глазищами. — И не пытайтесь умаслить меня лъстивыми речами и псевдоучеными разговорами. Знаю я эти бесовские уловки, сама была в вашем лагере!

— Женщина, образумься! — взвыл Мефистофель. — Если я одарил Фауста временной способностью понимать все языки, то лишь для того, чтобы он не сник в этом хаосе восточной абракадабры. Но что бы он ни натворил, вы не смеее выдергивать его посреди драмы. Это вина похуже всего того, что может натворить Фауст!

— Гнусный лжец! — отрезала Илит.

— Да, и горжусь этим, — согласно кивнул Мефистофель. — Но это не имеет отношения к данному делу.

— Я требую, чтобы Фауста заменили существом с более высокими моральными критериями!

— Ну, баба! Ты вышла за все разумные рамки! Ни Рай, ни Ад не приемлет узкодогматическую трактовку морали! Немедленно освободи Фауста!

— Дудки! Я вам не подчиняюсь!

Мефистофель вперился в нее, словно хотел испепелить взглядом, потом вытащил из-под одежды походный мешок и достал портативный телефон. Он набрал номер вызова ангельской срочной помощи — 999, перевёрнутый номер апокалиптического зверя.

— Кому вы звоните? — забеспокоилась Илит, пока Мефистофель, нервно постукивая носком туфли, со все растущим раздражением ждал появления представителя добрых духов.

— Тому, кто, надеюсь, сумеет образумить тебя. Хотя бы слегка.

Через пару мгновений возникло облачко светлого дыма, раздались звуки небесной мелодии, исполняемой на арфе, и появился почти голый архангел Михаил. Выглядел он весьма раздраженным: с его тела стекала вода, а из одежды на нем было только белое полотенце вокруг чресел.

— Кому так неймется? — сказал он самым злым тоном, который может позволить себе архангел. — Я как раз принимал ванну.

— Когда вас нихватишься, вы все купаетесь! — зло откомментировал Мефистофель.

— Что в этом плохого? Конечно, я знаю ваше предубеждение относительно чистоты...

— Канальство! Сколько раз я должен объяснять, что нечистая сила соблюдает гигиену не в меньшей степени, чем чистая! Чистота тела не имеет никакого отношения ни к добру, ни ко злу! А, некогда затевать спор!

— Верно, не время спорить. Зачем вызывали?

— Эта мегера, — сказал Мефистофель, указывая длинным заостренным ногтем на Илит, которая стояла, гордо вскинув голову, поджав губки, с недобрый блеском в глазах; руки она сложила кренделем на небольшой, но острой и крепкой грудке. — Эта глупая бабенка, ангелочек-стажер, эта ведьма, которая нынче подвизается святошей, вообразила себя неизвестно кем, позволила себе умыкнуть Фауста прямо из гущи событий и вздумала упечь его в тюрьму, что застопорило Тысячелетний Турнир. Вот почему я позволил себе побеспокоить вас.

Архангел Михаил повернулся к Илит. На его челе отразился гнев, который редко видят на челе одного из предводителей добрых духов. С выражением неприятного удивления на лице он переспросил:

— Умыкнула Фауста? Это правда?

Илит отозвалась голосом менее уверенным, чем прежде, но все еще не без вызова:

— А что мне оставалось делать? Фауст попытался соблазнить княжну Ире!

— Княжна Ире? Это что за птица? Нет, ничего не рассказывайте мне, плевать я хотел. Кто дал вам право ставить на грань срыва Тысячелетний Турнир только из-за того, что какую-то там княжну пару раз игриво ущипнули?!

— Да еще неизвестно, как там было на самом деле! — ввернул Мефистофель.

— Более того, — продолжал архангел Михаил, — мы назначили вас надзирать за Турниром по слезной просьбе Бабриэля, который совсем помешался на вас. И вы вдруг осмеливаетесь дерзко превысить свои полномочия рядового наблюдателя — по какой такой веской причине? Из-за этакой малости, как соблазнение девицы, к тому же недоказанное!

— Нас учили, что соблазнение девушки — большой грех, — пролепетала Илит, опустив голову и роняя руки.

— Грех, тут никто не спорит, — согласился архангел Михаил. — Но разве вы не в курсе последнего веяния

в нашей небесной политике — не вмешиваться, когда кто-нибудь совершает грех; противная сторона, соответственно, не вмешивается, когда кто-нибудь творит Добро. Неужели вы не читали разделы о теории моральной относительности и единства противоположностей в вашем учебном пособии... как бишь его название?.. «Практическое руководство для ангелов: повседневные земные дела».

— Боюсь, я пропустила эти главы, — виновато сказала Илит. — Пожалуйста, не кричите на меня. Я стараюсь творить Добро и следить, чтобы все кругом творили только Добро...

— Не стройте из себя наивную простушку, не поможет, — отрезал архангел Михаил. — Ангелам предписано творить Добро с умом, а не лишь бы как. Иначе Добро превращается в неразумную всеразрушающую силу, приобретает элементы слепого тоталитаризма, а то и чего похуже. Нам такое извращение природы Добра не нужно. Ясно?

— Я не понимаю, чем плохо тотальное Добро... — робко не согласилась Илит.

— Со временем поймешь. Короче, сейчас же освободи доктора и верни на прежнее место. А затем явишься в Отдел по остужению служебного рвения, где тебя хорошенько накажут, после чего пройдешь повторный курс обучения.

— О, не будьте так строги с бедной девочкой, — сказал Мефистофель, который не преминул щегольнуть великодушием, характерным для злых духов. — Пусть остается наблюдателем. Лишь бы больше не вмешивалась в события.

— Слышала? — строго спросил архангел Михаил.

— Слышала и повинуюсь... Мне такое и в страшном сне не могло присниться: чтобы архангел приказал мне беспрекословно повиноваться нечистой силе...

— Разговорчики! — одернул ее архангел Михаил. — Сперва повзрослей, а там суди. — Он поправил полотенце и спросил: — А теперь вы позволите мне домыться?

— Приятно искупаться, — пожелал Мефистофель. — Извините, что побеспокоил вас.

Архангел Михаил наставительно обратился к Илит:

— А тебе, девочка, советую: продолжай быть доброй, но не слишком... Словом, не гони волну. Это приказ.

С этими словами он исчез, а Илит поспешно разрушила стены Зеркальной темницы. Мак снова возник в покоях княжны Ире и ошарашенно моргал. Мефистофель торжествующе усмехнулся и был таков.

— Похоже, я вернулся, — пробормотал Мак. — Вы беседовали с княжной?

— Ладно, руки впредь не распускай! — сказала Илит и в свою очередь бесследно исчезла.

Глава 8

Как только Илит пропала, Мак сказал «всего наилучшего» спящей княжне Ире и поспешил к Марко Поло, которого следовало как можно скорее предупредить о покушении.

Однако обратный путь оказался намного труднее. Мак не вовремя задумался, сбился с дороги и стал плутать по незнакомым коридорам, спиральным лестницам и покатым переходам с этажа на этаж.

В широких незнакомых коридорах было так много всякого пестрого люда, что Маку подумалось: а не забрел ли он в галереи крытого базара, который опоясывал дворец и занимал изрядное число акров. Но тут совсем близко затрубили ханские трубачи, раздалась барабанная дробь, и Мак сообразил, что он на правильном пути. Он отыскал покои Марко Поло и ворвался внутрь без стука, тяжело отдуваясь и стирая пот со лба.

— Марко! У меня к вам срочный разговор! — прокричал он — увы, пустой комнате.

Очевидно, Мак провел в Зеркальной темнице не один час, и уже наступил вечер, хотя угадать время дня во внутренних коридорах невозможно — окон нет, днем и ночью одинаково горят факелы на стенах. Мак кинулся прочь и без приключений, быстро и благополучно добрался до Пиршественного чертога.

Когда он прошел мимо стражников, охраняющих вход, пир был уже в разгаре.

Кублай-хан и самые знатные придворные восседали на помосте в том же порядке, что и утром, когда Мак увидел их впервые. Тут же находились и Марко Поло, и

княжна Ире, и придворный чародей в усыпанной звездами мантии. Негромко наигрывал небольшой оркестр, а на тесных подмостках актеры-монголы разыгрывали спектакль; один из них — в огромных шароварах из козьей кожи, с раскрашенным носом — как раз канючил:

— Возьми себе моего яка... умоляю, забери себе моего яка...

Но неожиданное появление встрепанного Мака отвлекло внимание всех присутствующих. Все глаза устремились на него.

Мак был слегка смущен установившейся в зале тишиной и всеобщим вниманием к появлению его персоны. Он откашлялся, прочищая глотку, и произнес:

— Это здорово, Марко, что я вовремя нашел вас. Против вас существует заговор. Я подслушал, как два солдата во время занятий воинской муштрой сговаривались совершить убийство. Оба мерзавца из Тира, и один говорил другому...

Марко Поло остановил его жестом и показал в сторону от помоста. Там стояли два бородатых солдата — те самые, чей разговор Мак подслушал на плацу.

— Вы говорите об этих солдатах? — спросил Марко Поло.

— О них, о них!

— Занятно. А вот они пришли сюда с сообщением, что это вы задумали убить меня.

— Какая-то чепуха! — опешил Мак.

— По их словам, вы заплатили им, чтобы они лишили меня жизни.

— Эти проходимцы норовят свалить все на меня, чтобы спасти свою шкуру! Поверьте, Марко, я не лгу!

— Как знать. Ваше поведение кажется мне весьма подозрительным, — сказал Марко Поло и добавил, поворачиваясь к Кублай-хану: — Будет ли мне позволено предоставить доказательства двуличности сего человека?

— Позволяю, — кивнул Кублай-хан, — меня всегда занимала искусность, с которой европейцы распутывают всякие темные и загадочные дела.

— Княжна Ире, расскажите нам о происшедшем с вами,

Княжна Ире встала со своего приземистого небольшого трона, стоявшего на основном помосте, неподалеку от ханского трона. Она успела переодеться в небесно-голубое одеяние с вышитыми лютиками и с видом совершенной невинности защебетала на ломаном монгольском:

— Этот длинноногий фат незваным ввалился в мои покои, куда всем мужчинам доступ строжайше запрещен. Он стал делать мне неприличные предложения на моем родном языке — не просто на нашем языке, а на том жаргоне, которым пользуются наши отбросы общества — воры и головорезы. Я просто обмерла от страха: человек, который так обращается к княжне, может иметь в голове одно — убийство! Я лишилась чувств и упала, а когда пришла в себя, он пропал. При всем своем свирепом виде парень оказался трусливым, очевидно, какой-то шум в коридоре спугнул его. Я же надела этот голубой наряд и поспешила сюда.

— Вранье, ужасное вранье! — задохнулся от возмущения Мак. — Да разве не вы сами, Марко, послали меня побеседовать с княжной!

— Вы хотите сказать, что это я послал вас к княжне? — пророкотал Марко Поло, как заправский комедиант: закатывая глаза и со значением косясь на хана. Затем он обратился к присутствующей знати: — Почтенные люди, вы меня знаете на протяжении семнадцати лет. Хотя бы раз я позволил себе поступок, противоречащий монгольским законам и обычаям? Мог ли я подбивать доктора Фауста столь возмутительно нарушить простейшие требования приличия?

В мертвой тишине все присутствующие в Пиршественном чертоге решительно замотали головами: нет, не мог, конечно же, не мог!

Казалось, что даже отрубленные головы, сложенные аккуратными пирамидами, задвигались и завозмужали: нет, не мог, не мог!

— Все было подстроено! — возбужденно вскричал Мак. — Теперь-то мне ясно: по каким-то своим причинам Марко Поло решил погубить меня! По всему видно, он не желает терпеть соперника при ханском дворе! И, думается, он ощутил себя на вторых ролях — ведь он

всего-навсего венецианский купчик, а я офирский посол!

— Касательно последнего утверждения, — сказал Марко Поло, — дадим высказаться придворному чародею.

Чародей встал, поправил расшитую звездами мантию, неспешно водрузил на нос очки в проволочной оправе, дважды откашлялся, прочищая горло, несколько раз презрительно хмыкнул в сторону «доктора Фауста» и произнес:

— Я имел беседу со всеми пекинскими учеными мужами, сведущими в географии. Они в один голос утверждают, что такой страны, как Офир, не существует. А если она и существовала в легендарные времена, то сгинула в результате некоего стихийного бедствия. И, наконец, общее мнение сведущих людей таково: существуй Офир на самом деле, своим послом он выбрал бы кого угодно, только не германца!

Мак в отчаянии замахал руками. Волна ярости помутила ему рассудок, он в бешенстве сжимал кулаки и притопывал ногами, но не мог сказать ничего членораздельного в свою защиту.

Кублай-хан торжественно провозгласил:

— Всем ведомо как мое милосердие, так и мягкость наших судей, но сейчас я принужден сказать, что судом моих ближайших придворных, из коих никто по знатности не стоит ниже его, сей человек признан самозванным послом выдуманной страны, другая его вина — попытка соблазнить девушку ханских кровей. Согласно решению упомянутого суда достойных людей, сего преступника следует незамедлительно схватить и препроводить в тюрьму, где его должно пытать пытками, положенными всякому самозванцу, после чего удушить, выпотрошить, разорвать на куски, после чего предать сперва воде, затем огню.

— Прекрасный и мудрый приговор, — одобрил Марко Поло. — Но так следует поступать с неродовитым преступником. Преступник благородного происхождения заслуживает иного отношения. Осмелюсь предложить — в виде знака ханского снисхождения — казнить онного самозванца и блудодея без промешки, прямо в этом чертоге. Это развлечет присутствующих

вельможных персон и станет прелестной прелюдией к последующим забавам.

— Восхитительное предложение! — согласился Кублай-хан. Он поднял свой магический скипетр и потряс им. Мгновенно из глубины зала на середину вышел бородатый толстяк, одетый в короткие замшевые штаны и что-то вроде куцега замшевого кафтана.

— Великий хан, палач вашего величества готов исполнить свою службу!

— Удавка при тебе? — деловито спросил Кублай-хан.

— Не расстаюсь с ней, о великий хан, — произнес палач, развязывая тонкую веревку, которой было перехвачено его огромное брюхо. — По опыту знаю, что она может пригодиться в любой момент.

— Стража! — приказал Кублай-хан. — Схватить этого человека! Палач, делай свое дело.

Мак кинулся прочь из зала — в надежде укрыться в бесчисленных коридорах замка и там, на досуге, придумать выход из тупикового положения. Но Марко Поло со злорадной улыбкой подставил ему подножку, Мак полетел кувырком и растянулся на полу. Лучники схватили его, подняли и держали стальной хваткой.

Брюхо палача колыхалось все ближе и ближе — он медленно приближался, ловко поигрывая тонкой удавкой.

Мак так и взвыл:

— Ваше величество, вы делаете прискорбную ошибку!

— Ошибку так ошибку, — усмехнулся Кублай-хан. — В том-то и прелесть подлинно безграничной власти, что она вольна, ни перед кем не отчитываясь, делать что угодно, в том числе и ошибки.

Палач обошел Мака и набросил удавку ему на шею. Крик ужаса и отчаяния рвался из груди Мака, но язык не повиновался. Говорят, что в последний момент у осужденного на смерть успевает промелькнуть в голове вся его прошедшая жизнь.

Мак мог убедиться, что все это враки. Пока удавка стягивалась на его шее, он думал об одном: как давным-давно, мальчишкой, школьником, лежал на берегу Везера и с философским видом говорил своему однокашнику

ку: «Знаешь, человеку не дано знать, где и когда он по-мрет». О, как он был прав! Мог ли он четырнадцатилетним мальчуганом даже в самом кошмарном сне вообразить, что ему суждено погибнуть двумя столетиями раньше от руки придворного палача восточного владыки вследствие того, что его подло подставит легендарный Марко Поло во время Турнира, затеянного добрыми и злыми духами...

И в эту роковую секунду вдруг полыхнул исполинский столб пламени и в клубах густого пестрого дыма возник Мефистофель.

Мефистофель был в отвратительном расположении духа — в такие моменты он обставлял свое появление максимально эффектно: устраивал целый фейерверк, а в клубах дыма наблюдателям виделись всякие диковины, которые исчезали так же внезапно, как и появлялись. Он резонно полагал, что в трудных случаях можно потратить несколько лишних секунд на процесс появления, произведенный ошеломляющий эффект зачастую экономил в дальнейшем минуты и часы. Короче, надо сразу так шмякнуть по мозгам, чтоб никто потом и вякнуть не смел.

— А ну-ка освободите этого человека! — прогремел Мефистофель.

При виде внезапно возникшего перед ним шайтана палач выронил из рук удавку и рухнул навзничь, словно в него молния ударила. Лучники ссыпались с Мака и бросились наутек. Кублай-хан вжался в спинку трона. Марко Поло нырнул под ближайший стол. Княжна Ире ойкнула и сползла без чувств со своего трона.

Только Мак, внезапно очутившийся на свободе, торжествующе повел плечами и приосанился.

— Готов следовать за мной? — спросил его Мефистофель.

— Готов как никогда, хозяин! — крикнул Мак. — Дайте мне только чуточку времени на последнее дело.

Мак подбежал к онемевшему от страха Кублай-хану. Тот завертел головой в поисках подмоги, но Мак уже вырвал у него из руки волшебный скипетр и злорадно прошипел: «Поглядим, сколько ты, гад, проправишь без этой штуки!» Мефистофель тут же взмахнул руками, и оба, демон и его подопечный, мгновенно исчезли.

Какое-то время в Пиршественном чертоге царила мертвая тишина. Медленно приходила в себя стража, выползали из-под столов перепуганные придворные. Наконец Кублай-хан взял себя в руки и обратился к Марко Поло, который стряхивал пыль со своих штанов:

— Марко, это что за чудеса?

— Полагаю, мы наблюдали вполне естественное сверхъестественное явление. Что-то похожее приключилось однажды со мной, когда я, будучи в окрестностях Ташкента и любуясь на полевые цветы, совершенно неожиданно...

На этом месте его несколько сбивчивой речи двери Пиршественного чертога распахнулись. На пороге стояла Маргарита. На ней был недавно приобретенный китайский наряд из переливчатого шелкового муара — с высоким воротником, узкий, эффектно подчеркивающий соблазнительные прелести фигуры. Она успела принять ванну, подвести глаза и губы, надушиться, сделать прическу и маникюр. Очевидно, преподаватели местного языка при дворе Кублай-хана не слишком изнуляли своих учеников — или по крайней мере между уроками хватало переменок для того, чтобы девушка успевала позаботиться о своей красоте.

— Привет всем! — провозгласила Маргарита весело и простодушно. — Я только что закончила очередной урок. Хотите послушать, что я выучила? — И она продолжила на ломаном монгольском: — Карл у Клары украл кораллы.

Девушка очаровательно улыбнулась в ожидании всеобщего одобрения.

— А не казнить ли нам ее, на худой конец? — задумчиво изрек Марко Поло, стряхивая последнюю пыль со своего костюма.

— Почему бы и нет! — с энтузиазмом отозвался Кублай-хан. Мысль о новом душегубстве вернула ему уверенность в себе и бодрое настроение. — Хоть какая-то забава.

— Стража! Палач! — выкрикнул Марко Поло.

Опять произошла небольшая свалка. Лучники вцепились в девушку, а палач поднял с пола оброненную удавку и на все еще шатких ногах стал приближаться к Маргарите.

И тут Мефистофель появился вновь.

— Прости, голубушка, совсем про тебя позабыл, — торопливо сказал он, взмахивая руками, после чего исчезла сперва Маргарита, а затем и он сам.

На этот раз Кублай-хан и придворные не успели даже как следует испугаться и сообразить, что произошло. Пока они стояли с открытыми ртами, появилась чередой слуг с очередными кушаньями...

ФЛОРЕНЦИЯ

Глава 1

— Итак, Фауст, мы посылаем вас на следующий этап Турнира. На сей раз вы окажетесь в городе под названием Флоренция в 1492 году. Завидую вам, старина! Вы сможете собственными глазами взглянуть на город, который некоторые считают колыбелью искусства нового времени. По мнению многих ученых, Ренессанс начался именно во Флоренции. Как вам перспективка?

Мак и Мефистофель вели разговор в тесноватом офисе в незастроенном уголке Чистилища — зданье офиса было единственным строением в округе. Мефистофель использовал это место, когда нужно было посидеть над какими-либо бумагами ночью, в уединении. Простой квадратный деревянный домик с одной комнатой метра три на три — в Чистилище земля продается по бросовой цене, но Мефистофель предпочел простору уют. На стенах висело несколько пасторалей, написанных масляной краской. Бес удобно развалился на маленькой софе, обтянутой зеленым сатином, а Мак сел на краешек деревянного стула с прямой спинкой. Мефистофель дал своему собеседнику стакан ячменной водки — успокоить нервы после пережитого, когда Мак был на волосок от смерти.

— Собирайтесь с силами, и в путь! — сказал Мефистофель, потирая руки.

Стало быть, передышки не будет, опять в гущу событий, в какое-то место, название которого Мак сроду не слышал. Он тяжело вздохнул и спросил:

— А что такое Ренессанс?

— Простите, дружище, — хохотнул Мефистофель, — я совсем позабыл, что термин «Ренессанс» появился тог-

да, когда само Возрождение давным-давно закончилось. Короче говоря, милейший Фауст, это слово обозначает один из периодов истории.

— И чего мне возрождать в этом Возрождении? — спросил Мак.

— Ну, вы, батенька, хватили. У вас, одного, кишка тонка, чтобы чем-либо пособить Возрождению. Нет, если я и заговорил о Возрождении как исторической вехе в истории человечества, то только для того, чтобы вы прониклись сознанием важности этого периода и важности предстоящего вам выбора. От вас теперь зависит особенно много.

— Опять эта канитель с выбором? Ладно, а будет из чего выбирать?

— Будет, будет, — заверил Мефистофель. — Мы посылаем вас прямехонько на флорентийский праздник очистительного огня.

— Не люблю, когда огнем балуются, — буркнул Мак. — Кого жечь будут? Надеюсь, не меня?

— Не кого, а что, — спокойно разъяснил Мефистофель. — Флорентийцы в этот день жгут все предметы, тешащие земное тщеславие, — занимательные картинки, зеркала, книжицы и драгоценные манускрипты, сахаренные фрукты и так далее. Все милые сердцу ненужности сваливают в огромную кучу на пьяцца делла Синьория и поджигают.

— Круто, — сказал Мак. — Эти флорентийские ребята, похоже, большие максималисты. И что вы хотите от меня? Чтобы я затушил костер?

— Пальцем в небо.

— Ладно, не томите душу, говорите, что мне предстоит сделать.

— Вам предстоит совершить Поступок, — сказал Мефистофель. — Для того-то мы и выбрали для Турнира именно Фауста, ибо вы способны на Поступок, исполненный истинно злых или истинно добрых намерений — каких будет больше, определит Ананке.

— Кто-кто?

— Ананке — так древние греки звали богиню, которая олицетворяла для них изначальную природную стихию Необходимости, стихию неотменимого, заранее

предопределенного. В сущности, все и вся будет в итоге судимо богиней Необходимости.

— А где эта Ананке обитает?

— Она везде и нигде, — пояснил Мефистофель. — Она нематериальна и неуловима, ибо именно Необходимость есть та конечная сила, которая производит сцепление вещей и событий, но сама по себе бесплотна. И лишь в нужное время Ананке способна принять плотский образ и высказать нам свой приговор — скажем, подвести итоги нашего Турнира.

Для Мака все это было китайской грамотой. Поэтому он только повторил свой предыдущий вопрос:

— Так что же мне предстоит сделать?

— Пока это тайна, — ответил Мефистофель. — Этот этап Турнира построен иначе, нежели остальные этапы. Теперь вы сами должны сообразить, что именно вам следует предпринять.

— Вот те раз! А как же я догадаюсь?

— Ну, возможностей хоть отбавляй! — Мефистофель пожал плечами. — Может, наткнетесь на человека в трудном положении; захотите — выручите из беды, захотите — пройдете мимо. Если спасете чью-то жизнь, вас будут судить по тому, чью жизнь вы спасли, и в зависимости от того, на что этот спасенный употребит доставшиеся ему лишние годы жизни.

— Ага, поди угадай, как он их употребит!

— А вы хорошенько задействуйте свое серое вещество, — сказал Мефистофель. — К примеру, сейчас во Флоренции живет Никколо Макиавелли. Отсоветуйте ему писать трактат о власти под названием «Государь» — книгу, которая прославила его в потомстве, но вызвала переполох и брожение умов в небесных кругах. — Тут Мефистофель в задумчивости помолчал, изучая свои холеные ногти, затем продолжил: — Или, скажем, вы могли бы, если не придумаете ничего лучше, раздобыть на досуге картину Боттичелли — для меня лично.

— Это будет оценено как хороший поступок?

Мефистофель ненадолго замылся. Конечно, ему достанется на орехи, если кто-либо узнает о том, на что он подбивал Фауста... Но на стене одного из залов в западном флигеле его дворца в Аду есть местечко, куда хороший Боттичелли так и просится. И прочие архидемоны

почернеют от зависти, когда узнают о таком приобретении Мефистофеля...

— Разумеется, — заверил бес, — раздобыть Боттичелли — в этом нет ничего дурного, ровнехонько ничего дурного.

— Беда в том, что я ни за какие коврижки не отличу этого вашего Боттичелли от Дюрера. Я разбираюсь в живописи как свинья в апельсинах.

— Какая незадача! — воскликнул Мефистофель. — Ну да не переживайте. Надеюсь, никто не попрекнет меня, если я вас быстренько просвещу касательно живописи. В конце концов, это вам пригодится для выполнения вашей миссии на Турнире.

Мефистофель сделал жест рукой. Голова Мака вдруг слегка закружилась, и он почти физически ощутил, как в его мозг вливается огромная доза знаний о художниках с античных времен до Леонардо да Винчи и Микеланджело.

— Итак, вы хотите, чтобы я добыл для вас полотно знаменитого итальянского живописца Сандро Боттичелли, чье настоящее имя было Алессандро Филиппеи?

— Ну, я не то чтобы прошу вас... — бес почти застенчиво потупил глаза, — я просто снабдил вас нужными знаниями, чтобы при желании вы сумели... — Но тут он сделал паузу, решив, что собеседник может не понять экивоков, и со вздохом продолжил: — Словом, если во время ваших приключений вы случайно *набредете* на картину Боттичелли, я с удовольствием приобрету ее у вас — разумеется, за хорошие деньги.

— А если я не набреду на картину Боттичелли, каких других поступков будут ждать от меня?

— Увы, милейший Фауст, мне запрещено подсказывать. К тому же, признаюсь откровенно, в этом Турнире нет простеньких решений, нет ясных, заранее установленных критериев «оптимального» выбора. Какой поступок лучше, какой хуже — так сразу и не скажешь. Моральные соображения менее всего присутствуют в данном Турнире. Тут надо руководствоваться здравым смыслом. Вот почему у вас, простого смертного, есть шанс инстинктивно принять решение такого уровня взвешенности, какой обычно подвластен лишь духам небесным. Для того мы все и затеяли, чтобы поглядеть,

способен ли человек вознестись на такой уровень принятия решений.

— Ладно, — согласился Мак с тяжелым сердцем. — Не могу похвастаться, что понял вас до конца.

— Дружище, все это не сложнее телевикторины.

— Чего-чего?

— Ах, простите, я позабыл, что телевизор еще не изобретен в вашу эпоху. Призовите на помощь свою фантазию и вообразите человека, который стоит перед небольшой аудиторией и быстро отвечает на всяческие вопросы — удачные ответы ему щедро оплачивают. Приз, скажем, тысяча золотых луидоров... Итак, вы на празднестве всеочищающего огня во Флоренции в 1492 году. Перед вами гигантский карнавальный костер. В него швыряют все, что тешит людское тщеславие. И среди предметов, обреченных огню, вы видите картину Боттичелли. Вы в силах спасти ее! Что вы предпримете?

— Ага! Теперь расчухал! — сказал Мак. — Ежели вам понравится мой ответ, вы мне руку позолотите, так?

— Ну, в общем и целом, вы уразумели правильно, — сказал Мефистофель. — Продолжим игру в примеры. Теперь то же место, те же обстоятельства, следующая ситуация. Вы во дворце Лоренцо Медичи. Это тиран из тиранов, неслыханный кровопийца — и в то же время он широкообразованный человек, незаурядный поэт, один из величайших меценатов, щедротами которого пользовалась целая армия художников, зодчих, музыкантов и поэтов. И вот он при смерти. А теперь возьмите вот это, — Мефистофель протянул Маку небольшой пузырек с зеленоватой жидкостью. — Это снадобье, которое излечит его и продлит его жизнь еще на десять лет. Теперь оно у вас в руке. Дадите вы его Лоренцо Медичи или выльете на землю?

— М-м-м... — замялся Мак. — Это надо сперва хорошенько обмозговать... А еще примерчика не приведете?

— Не наглейте, я вам уже слегка намекнул, и хватит. Самое главное в вашем деле — не тянуть кота за хвост. Мы подвергаем испытанию быстроту вашей смекалки, заглядываем в такие глубины вашей души, о которых вы и не подозреваете, но именно там принимаются

наиважнейшие решения. Итак, вперед, во Флоренцию, доктор Фауст. Вам предстоит принять решения, от которых зависит судьба рода человеческого! Готовы?

— Вроде бы готов... — обреченно выдохнул Мак. — Э! А как насчет Маргариты?

— Я уже отослал ее во Флоренцию, вы отыщете ее на ярмарке шелков. Она сказала мне, что, пока суд да дело, хотела бы прошвырнуться по тамошним лавкам.

Глава 2

А тем временем на другом конце Вселенной западный квартал делового центра Преисподней медленно погружался в промозглый тусклый вечер.

Большие черные птицы жалобно вскрикивали над тесными улочками — летя из ниоткуда в черт знает куда. Везде было мокро от дождя, отбросы валялись вокруг переполненных мусорных баков, окна всех зданий по обе стороны улиц были забиты досками, изнутри неслись нескончаемые вопли мучеников, которых недавно освободили из самого Пекла и перевели сюда — для изнурительного труда. Во всем районе было лишь одно веселое место — Ихор-клуб в центре квартала. Внутри клуба царила компанейская атмосфера беспечной веселости — прямое доказательство, что и в Аду случаются райские местечки.

Именно в Ихор-клубе, в отдельном кабинете, сидел Аззи Эльбуб. У него было в разгаре свидание с некоей Эттой Джильбер — девицей, ставшей Мисс Помело в 1122 году по единогласному решению ведьминоho собрания. Мисс Помело не только потому, что она летала на помеле, а потому, что язычок у нее был как помело, а выбирали самую смазливую врушку. В качестве награды Мисс Помело-1122 получила путевку в Преисподнюю и свидание с молодым перспективным бесом.

Поэтому она была слегка ошарашена, увидев вместо обещанного пупсика субъекта с оранжевыми волосами и вытянутой лисьей физиономией. Однако, будучи искусной лицемеркой (за то и стала Мисс Помело!), она мигом перестроилась, и теперь была вся мед и патока. Эта и

знать не знала, что конкурс задуман и воплощен в жизнь самим Аззи, который несколько лет назад изобрел этот хитрый способ «подснимать земных телок».

Это был как раз один из тех упоительных моментов, которые навсегда застревают в памяти завязтых ловеласов. Свет был приглушен. Скрытая лампа чуть освещала глубокий вырез на платье Мисс Помело, ее припудренная грудь взволнованно и призывно вздымалась. Из музыкального аппарата неслись нежные звуки «Земного ангелочка» — в Преисподнюю исправно, хотя чаще всего с опозданием, поступают все наимоднейшие записи. Обстановочка первый класс, все на мази. Но Аззи неведомо почему, было муторно на душе, веселье не шло.

В Преисподней умение веселиться до упаду — своего рода религия. Однако Аззи сегодня был еретиком. Мысли его были далеко. Ему предстояла серьезнейшая работа: словчить так, чтобы восстановить свою руководящую позицию в Турнире между силами Добра и Зла, а для этого надо правильно манипулировать Фаустом.

Как на зло, Фауст оказался крепким орешком, ни на какие соблазны не поддавался. Аззи перепробовал многое, и без толку. Может, он предлагал не то? С другой стороны, он предложил славу, богатство, Елену Прекрасную — сколько ни думай, соблазнов почище не выдумаешь!

Да, Фауст, несомненно, неудобный человек. Дух его воистину неуправляем. Нельзя предугадать, что он сотворит в следующий момент. Если вдуматься, силы Зла очень выиграли от того, что он не участвует в Турнире.

Разумеется, Фауст человек не добродетельный, отнюдь, но и далеко не плохой. Что касается Мака, его самозванного заместителя, то он в общем-то простой как валежник, все его действия вполне предсказуемы, с ним можно быть спокойным за конечный результат.

Чем дольше Аззи размышлял о докторе Фаусте, тем больше пугался сложности его характера. Наконец демон, после долгих колебаний, пришел к определенному решению.

— Слушай, крошка, — сказал он Мисс Помело, — мне было очень приятно в твоей компании, честное слово. Но пора идти. Не беспокойся, по счету уже уплачено.

С этими словами он выскользнул из отдельного кабинета Ихор-клуба в магическую кабинку, где самые

привередливые гости могли вдали от посторонних глаз совершить какой-нибудь магический фокус, который им не хотелось совершать на публике. Он должен был ото-слать себя в далекое прошлое Земли, так как в настоящий момент он запрыгнул в будущее намного дальше своего привычного времени обитания.

Заклинание подействовало и начался обратный от-счет лет — годы ссыпались, словно листки к тому времени еще не изобретенного отрывного календаря. Аззи двигался быстрее мысли и наблюдал, как время раскручивается вспять, само себя ловит за хвост. Старики на его глазах становились молодыми парнями, вулканы вбирали лаву назад, айсберги плыли к ледникам, от которых откололись, население планеты стремительно уменьшалось.

Наконец человеческая раса совсем исчезла с лица Земли, и Аззи очутился в легендарных временах, воспетых Гомером и другими великими поэтами древности. Перед ним расстилалась Лета, дальше виднелись Авернские пещеры, куда он спустился и полетел по их извилистым подземным лабиринтам вниз, в глубины Ада, — туда же, куда нес свои воды Стикс.

Аззи летел словно внутри змеи — впечатление до-вершалось почти полное отсутствие света, лишь кое-где еле-еле бледно фосфоресцировали выступы и скалы. Время от времени на каменных площадках виднелись героические фигурки обнаженных людей, обернутых во что-то вроде простыней и напоминавших беженцев с гравюр Доре. И вот наконец Аззи достиг своей цели — сотворенное заклинание забросило его к самому пред-дверию Ада.

Аззи перелетел через Стикс и направился к парому Харона, ошвартованному у болотистого берега. На кор-ме сидели Фауст и Елена Прекрасная, глядели в журча-щую темную воду и тихо болтали о том о сем.

Аззи пошел вниз, плавно приземлился на паром — до того плавно, что тот почти не покачнулся. Тем не ме-нее Харон вопросительно вскинул глаза на незваного го-стя. Аззи не счел нужным обратить внимание на хромо-го паромщика. Он сразу обратился к Фаусту:

— Добрый день, доктор Фауст.

— Приветствую тебя, лукавый дух, — отвечал Фауст. — Что привело в эти неближние края?

— Захотелось повидаться с вами, — сказал Аззи, присаживаясь на складной стул. — Как живете-можете?

— Помаленьку. С Хароном трудно о чем-либо сговориться, но я, похоже, уломал его помочь мне.

— Уломали Харона? Каким таким чудесным образом?

— Я навел его на мысль, что с моей помощью он прибавит к мифу о себе новые прелестные подробности.

— Какие именно? — озадаченно спросил Аззи.

— Разумеется, о встрече хромого паромщика и доктора Фауста! О том, как Харон помог знаменитому Фаусту совершить — в компании с Еленой Прекрасной — путешествие в места, куда нога человека его эпохи еще не ступала.

Елена, сидевшая рядом и лениво водившая носком своей туфли по воде, прислушивалась к беседе доктора и беса и презрительно фыркнула, когда Фауст произнес «в компании с Еленой Прекрасной».

Аззи проигнорировал реакцию Елены Прекрасной и сразу взял быка за рога:

— Фауст, у меня для вас новое предложение.

— Я уже сформулировал свою позицию: никогда не стану вашим покорным рабом!

— А я ни о чем таком и не прошу, — примирительно сказал Аззи. — Послушайте, эти игрища за тысячелетнее господство продолжаются. И тип по имени Мак ведет игру под вашим именем. Не я заварил эту кашу, но так уж сложились события. Он успел принять участие в двух этапах Турнира. Хорошо ли, плохо ли справился он со своими задачами — это к делу не относится. Что прошло, то прошло — ни вы, ни я не способны обратить время вспять. Поэтому я говорю: плюньте. Прекратите попытки занять свое законное место. Уйдите в сторонку. А я сделаю так, что вам, доктор Фауст, это неучастие окупится сторицей.

— Каким образом?

— Я обещаю вам поселить вас в том периоде истории, который, так сказать, сшит по вашей мерке, где ваши таланты найдут максимальное приложение. Вы будете не только сказочно богаты, но и признаны всеми величайшим ученым!

— И я добьюсь денег и славы самостоятельно, — спросил Фауст, — или же рядом будет достойная спутница?

Тьфу ты! Опять этот Фауст начинает торг!

— Возьмите с собой Елену Прекрасную, — сказал Аззи, — в качестве бесплатного приложения к договору. Иоганн, не будет на земле человека, который не завидовал бы вам! И вы будете богаты, доктор, — так богаты, как вам и во сне не снилось!

— У тебя талант на всякие гнусные фокусы, — отчеканил Фауст. — Ты, черт, все обещанное действительно дашь, а потом размягчишь мне мозги или разобьешь параличом, так что мне будет уже не до сокровищ и усад. Я знаю твои кривые дорожки, хитрюга ты этакая!

— Фи, заподозрить меня в таких пакостях! — возмутился Аззи. — Я злой дух, а не злобный!.. Хорошо, я улучшаю условия сделки — извольте, беру на себя ваше полное омоложение! Будете чувствовать себя как огурчик — новеньким человеком, как в умственном, так и в физическом отношении. Впереди многие десятилетия активной творческой жизни! Ах, что за сладкая жизнь вас ожидает, доктор, что за упоительная жизнь!

Аззи настолько вошел в роль продавца, расхваливающего товар, что поцеловал свои сложенные пальцы. В другое время он не позволил бы себе столь вульгарный жест. Но Фауста даже это не умилило.

— Нет, — сказал он. — Прости, я понимаю твои чувства, но согласиться не могу.

— Но почему, почему? — разочарованно взвыл черт.

— Это будет не в духе Фауста. Я понимаю, ты занят мыслями, как получше провести Турнир. Я же обязан думать о том, как не нанести ущерба образу великого ученого и, если мне еще немного пожить, потратить оставшееся время на размышления о судьбах человечества. Сожалею, мой друг, но не могу воспользоваться твоими щедротами.

— Ладно, по крайней мере я попробовал переубедить вас, — сказал Аззи. — Что же вы теперь предпримете?

— Я по-прежнему намерен занять свое законное место в Турнире. Не знаю, успею ли я вовремя добраться до Флоренции. Но следующий этап будет разворачиваться в Лондоне. Я уже попросил Харона доставить меня туда. Подняться вверх по Темзе будет для него приятной переменой после однообразного плавания по мрачным водам Стикса.

Харон прислушивался к их разговору и теперь вмешался со своим жутковатым смешком:

— Да, Фауст, я согласился, но только на том условии, что ваше заклинание сперва доставит нас в устье Темзы. Паром для перевозки душ мертвецов отнюдь не способен преодолевать на одних веслах время и пространство.

Фауст повернулся к черту:

— Кстати, о заклинании для перенесения в пространстве. Мое изрядно ослабело. Не подзарядите ли его, уделив частичку силы своего заклинания? Или еще того лучше — не сотворите ли мне совсем нового заклинания, чтобы оно могло доставить меня и Харона куда следует?

— Пожалуйста, мне не жалко, — сказал Аззи, вынимая из дорожного мешка упаковку с составом для заклинания и незаметно срывая с нее этикетку, прилепленную Отделом заклинательных стандартов и гласившую: «Внимание! Товар с дефектом, к употреблению не годен!».

Вручая упаковку Фаусту, Аззи ласково сказал: «Желаю удачи!» — и был таков.

Летя прочь, он не мог нарадоваться своей ловкости. Теперь о Фаусте можно не беспокоиться. Этот тип сам себя выведет из игры — разумеется, не без маленькой помощи статного беса, мага и чудотворца, хитрого рыжего черта с лицом, вытянутым как у лиса.

Глава 3

Пока Харон готовил паром к путешествию по совсем новому маршруту, Фауст обратился к Елене Прекрасной:

— Скажи-ка, милая, что ты имела в виду, когда фыркала при бесе?

Елена стояла возле поручня — такая неописуемо красивая, такая пронзительно недоступная — и наблюдала, как рыба-времяглотка заглатывает четные секунды. Темная вода колебалась и крутилась омутами, и повсюду на ее поверхности неясными тенями отражались картины деяний людей и богов. Не оборачиваясь, сверхкрасавица сказала:

— Своим фырканьем я желала выразить всю полноту презрения, которое я испытываю к тебе и к твоему ретроградному взгляду на положение женщины в обществе.

— Я — ретроград? Фаусту негоже расшаркиваться перед юбками!

— Подумаешь, Фауст! Мне-то какая с этого радость! Может, в каких-то вопросах у тебя действительно семь пядей во лбу, но ты с невообразимой тупостью полагаешь, что женщины — что-то вроде добычи сильнейшего самца, бессловесные трофеи, из-за которых происходят драки и войны.

— Диковато слышать подобные умные речи из уст Елены Прекрасной! — покачал головой ученый. — Ты говоришь прямо как «синий чулок», а не как красивая пустышка, которой тебя привыкли воображать мужчины. Исторические предания умалчивали о твоих взглядах на мужчин.

— Потому что писались мужчинами и о мужчинах! — воскликнула Елена. — Победители излагали свою версию событий. Тут уж ничего не поделаешь. Сила и солому ломит! В итоге женщина стала такой, какой вы хотели ее видеть. Ведь вы подбирали актрису не по таланту, а чтоб была похожа на описание героини в придуманной пьесе.

— Тебе-то что жаловаться? — хмыкнул Фауст. — И собой сказочно хороша, и знаменита дальше некуда!

— От такой сказочной славы впору взвыть! Назначили меня на роль вечной дуручки-инженю. Друзья ржут надо мной и в глаза, и за глаза. И знаешь почему? Потому что вокруг постоянно отираются типы вроде тебя, которые воображают себя крутыми мужиками — только из-за того, что подминают под себя мою личность, делают из меня рабыню.

— У меня и мысли не было поработать вас, чаровница моя! — самым галантным тоном отвечал Фауст. — Вы шутите! Это я ваш покорный раб и готов исполнить любой ваш каприз!

— Ой, засохни! Вот возьми и докажи, какой ты паинька, — отошли меня обратно в Страну теней, откуда меня умыкнул этот чертяка.

— Ну, об этом не может быть речи, — отозвался Фауст. — Знаете, я изо всех сил стараюсь быть вежливым. Постарайтесь и вы не лезть в бутылку.

— Перебьешься! — отрезала Елена. — Я женщина независимая. Пусть мужик лапает меня, как хочет, но никогда ни перед одним не стану ходить на задних лапках!

— Хм-м, — пробурчал Фауст, — мудрый мужчина счел бы достаточной удачей делать с твоим телом, что он захочет, и не стал бы претендовать на большее.

— А тебе и к телу доступа не будет! — отчеканила Елена. — Лучше убей меня, скорее сдохну, чем тебя к себе подпущу!

«Будет дальше меня изводить — и впрямь убью», — утрюмо подумал Фауст, скрипнув зубами от злости. Самое комичное — Елена не вызывала в нем особого желания. Ему страстно хотелось быть ее повелителем, командовать ею, подавлять. Но лечь с ней в постель? Пока она молчала, Фауст не мог ею налюбоваться. Однако стоило ей открыть рот — ну ведьма ведьмой! К такой не

очень-то тянет. Фауста удивляло, что ни один древний автор не оставил едких замечаний по поводу Елениной манеры разговаривать.

— Послушай, — примирительно сказал Фауст, — будь умной девочкой. Не так-то много ролей мы играем в этом мире. Я играю роль хозяина — хотя, смею тебя заверить, ты не та служанка, которую мне хотелось бы иметь. Сказать по совести, мне не очень уютно с дамами голубых кровей. По мне лучше какая-нибудь пастушка-простушка. Но сознание, что я могу владеть тобой, тешит самолюбие и очень вдохновляет, даже если я лично не испытываю особой радости от подобной перспективы. Короче, я играю свою роль самца-повелителя, которому выпала большая удача, — независимо от того, что у меня в душе. А ты — то ли судьбой, то ли богиней Необходимости, то ли его величество случаем, то ли еще чем — выбрана на роль самой желанной женщины в мире. Ты, Елена, живое воплощение соблазна. Тебе дана роль, и очень недурная. Нет числа женщинам, готовым обменяться судьбой с тобой! И поверь, твоя роль далеко не худшая. Так постарайся же ей хоть немного соответствовать.

Елена задумалась на минуту.

— Ладно, Фауст, язык у тебя подвешен что надо и ты не вешаешь лапшу на уши, а говоришь, что думаешь. Я тебе тоже правду-матку скажу. С чего ты вообразил, что ты мне пара? Елена Прекрасная — легендарный характер. А ты кто такой? Что-то не слыхала про тебя!

— Потому что я стану легендарным характером через многие-многие столетия после твоей смерти. В вашем античном мире юноши мечтали стать Одиссеями или Ахиллами. В нашу эпоху идеалом для юношества стал доктор Фауст.

— И в чем же, говоря в двух словах, этот идеал состоит? — спросила Елена.

— Трудно словами передать сущность типического характера. Скажем так: стержнем характера Фауста, Фауста как идеи, является вечная неудовлетворенность, неутолимое стремление к чему-то большему. Этим он не исчерпывается, но вкратце все именно так.

— Выходит, Фауст — что-то вроде современного Прометея?

— Мысль не глупая, — с одобрительным смешком сказал Фауст, — хотя есть тут нюанс. Прометей плохо кончил — его приковали к скале, и стервятник прилетал клевать его печень. А Фауст, наоборот, расковался, вырвался из своего времени и пространства и свободно путешествует во все концы Вселенной. Разумеется, не без некоторой помощи со стороны друзей. И в этом ключевая разница между героем эпохи прошлой и героем эпохи новой.

— Речи ты кончаешь отменно, — сказала Елена и хихикнула: — Ты при всех обстоятельствах так отменно кончаешь?

При таком намеке естество Фауста невольно напряглось, и ему пришлось усилием воли усмирить возбужденную плоть.

— Хорошо, — сказала Елена, — я не против продолжить путешествие. Признаюсь, я начинаю тащиться от нового мифа, который ты помаленьку сооружаешь. Куда мы направимся дальше? Хотя бы намекни.

— Дальше нам надо убраться отсюда подальше. Эй, Харон! Паром готов к отправлению?

— А есть у вас все необходимое для заклинания?

— Есть, есть, — сказал Фауст, передавая полученный от Аззи пакетик.

Харон снял крышку бака для магического горючего и осторожно высыпал туда содержимое пакетика. Стоило Фаусту произнести над баком заклинание, как у борта парама появился водяной дух, отдал швартовы и исчез, после чего паром содрогнулся. Из бака с магическим горючим повалили клубы серовато-зеленого дыма с охряным оттенком и сияющим ободком. Немного погодя заклинание по переносу в пространстве заработало в полную силу, и паром двинулся вперед, стремительно набирая скорость.

Случись на берегу знающий наблюдатель, то, проводя взглядом паром Харона, удаляющийся в клубах серовато-зеленого дыма, он бы решил: что-то неладно! Этот странный дым рвотного вида совсем не похож на обычный выхлоп магического двигателя. Да, заключил бы этот наблюдатель, путешественникам грозит большая беда. И он был бы недалек от истины.

Глава 4

Мак оказался на дороге между двумя ровными рядами тополей и зашагал вперед. Взойдя на пригорок, он увидел неподалеку шпили великого города. Стояла теплая солнечная погода. На дороге было довольно оживленно; прохожие ходили в примерно таких же штанах, кафтанах и мягких туфлях, которые носили жители Кракова, но здесь их приукрашивали с особым итальянским щегольством. Мак скользнул взглядом по самому себе и с удовлетворением обнаружил, что Мефистофель позаботился одеть его согласно местной моде. В отличном настроении он вошел в ворота чудесной, кипящей жизнью Флоренции.

На узких улочках царило праздничное оживление: казалось, все жители высыпали из домов в своих лучших нарядах. В этот прекрасный весенний день Флоренцию переполняли праздничные чувства. Едва ли не на всех балконах и крышах развевались разноцветные флаги и флажки, у каждой городской общины — свои. На улицах кишели торговцы маленькими кружками горячей пиццы — она была совсем недавним кулинарным изобретением, подарком Возрождения всем будущим эпохам. Конные латники в стальных шлемах и с копьями наперевес курсировали по улицам, покрикивали на прохожих, заставляли людей посторониться — словом, вели себя с дурацкой надменностью полицейских всех времен.

Мак проходил мимо торговых рядов, полки которых ломились от одежды на продажу, кухонной утвари, восточных пряностей, мечей и кинжалов на любой вкус. Тут продавали фарфоровую посуду, там арбузы, а дальше — речную рыбу.

Глаза у Мака разбегались от множества интересных вещей, но он решил прежде всего снять комнату в гостинице. Первым делом он заглянул в кошелек и удовлетворенно хмыкнул: денег было более чем достаточно — скупой на советы, в финансовом отношении Мефистофель был щедр. Маку приглянулся постоянный двор в аккуратном доме, выкрашенном в нежные пастельные тона; рядом с золотым листом на вывеске красовалось название «Парадизо».

Хозяин, краснолицый детина с примечательным прыщом на носу, вначале отнесся к Маку с подозрением — порядочные путешественники посылают вперед себя слугу, чтобы тот снял номер в гостинице. Но когда Мак протянул ему золотой флорин, хозяин «Парадизо» сразу же подобрел и рассыпался в любезностях.

— Мои лучшие комнаты к вашим услугам, драгоценнейший доктор Фауст! Вы прибыли в благодатное время, в разгар праздника — нынче флорентийцы жгут все, что тешит земное тщеславие.

— Слышал о вашем обычае, слышал, — сказал Мак. — Костер разожгут далеко отсюда?

— Рукой подать — пройдете две улицы, до пьяцца дела Синьория, там все и происходит, — ответил владелец «Парадизо». — Вам посчастливится наблюдать одно из замечательнейших событий нашей эпохи. Джироламо Савонарола пообещал, что в этом году обряд сожжения будет по-настоящему впечатляющим!

— Что за человек этот Савонарола? — осведомился Мак.

— О, среди нищенствующих монахов нет святее его! Он настоятель монастыря доминиканцев и великий проповедник. Доступный, простой человек, не то что прочие церковники. А в каких крепких выражениях он обличает зажавшихся клириков — заслушаешься. И индульгенциями, дескать, они торгуют, и на симонии они наживаются, не говоря уже о прочих мерзостях. К тому же Савонарола горячий сторонник крепкого союза с Францией.

— А что дает этот союз?

— Французский король обязался по договору защищать нас от папы, который хочет вернуть к власти флорентийскую династию Медичи.

— А сами вы не любите Медичи? — спросил Мак.

— Отчего же, правители они неплохие, — сказал владелец постоянного двора. — Скажем, Лоренцо Медичи прозвали Великолепным вполне по заслугам. При нем процветали искусства. Да и весь город превратился в один из красивейших городов подлунного мира.

— И тем не менее народ не очень-то его любит? Я правильно уловил?

Его собеседник пожал плечами:

— А чьими мозолями все это великолепие создано-нажито? Простой народ горбатится, а много ли видит награды? Да и вообще мы, флорентийцы, вольные люди и не потерпим над собой власти одного семейства, пусть даже такого прославленного, как семейство Медичи.

Мак наскоро осмотрел свой комнаты и остался доволен. Он уже освоился с жизнью на широкую ногу. Теперь следовало найти Маргариту.

Содержатель постоянного двора подсказал гостю, что рынок, где продаются шелка, находится на небольшой площади на фьезольской дороге. Маку этот рынок напомнил восточный базар — сгрудившиеся лавчонки, видимо-невидимо всяких притирок и снадобий для использования в банях, узкоглазые физиономии китайских купцов с волосами, собранными сзади в косицу. Здешний рынок был завален муаровыми шелками, в которых щеголяла вся фландрская и нидерландская знать, а также шелками двойной покраски, самыми модными в том году в Амстердаме, и готовыми сорочками и рубашками из шелка-сырца. Между рядами лавок затесалось множество столов, у которых можно было выпить кофе, отведать спагетти — их рецепт привез в Италию не кто иной, как Марко Поло, только в Китае их упрямо называли лапшой.

Мак нашел Маргариту в просторном магазинчике, нисколько не похожем на тесные, заваленные товаром лавки. Владелец магазинчика был явно одним из родоначальников будущей системы бутиков, столь изменившей обычай богатых покупателей. Девушка любовалась приглянувшейся обновкой в высоком зеркале.

Хозяин, юркий коротышка с заячьей губой, но — видимо, в порядке компенсации — с отменными жемчужными зубами, держал огромное зеркало в руках и про-

ворно, с готовностью забегал с ним то с одной стороны покупательницы, то с другой.

— Ах, синьор, вы верно подгадали свое появление! — почти пропел он, увидев Мака. — Ваша дама хороша как никогда!

Мак снисходительно улыбнулся. Деньги не его потом заработаны, так что можно позволить себе быть щедрым.

— Бери, малышка, тебе очень к лицу, — сказал он Маргарите.

— Погляди, — защebetала Маргарита, — я отобрала вот эти прелестные бальные наряды. Иоганн, тебе надо непременно взглянуть на мужскую одежду. У синьора Энрико широкий выбор самых модных камзолов и фуфаечек.

— Фуфаечек? — переспросил Мак.

Синьор Энрико заулыбался еще пуще, ласково сияя карими глазами:

— Фуфаечки для повседневной носки — последний крик моды из Венгрии. Имеются также божественные узкие панталоны с гульфиками восхитительного фасона, которые не грубо выпячивают мужские достоинства, а лишь намекают, дразнят.

— Он просто душа, этот синьор Энрико! Умеет про все сказать такие милые слова, — умиленно восхитилась Маргарита.

Мак почувствовал себя в слегка дурацком положении — в науке нежного пустословия он был не весьма сведущ. Но тут же утешился тем, что женщин надо баловать дорогими подарками, и щедрость мужчины привлекает к нему больше миллиона галантных слов.

Как только Маргарита подобрала себе достаточно нарядов, Мак занялся примеркой обновок для себя — если денег не хватит, решил он, всегда можно попросить авансик у Мефистофеля. Правда, хитрый бес не называл конкретного размера грядущей награды. Надо было еще раньше надавить на Мефистофеля, подосадовал про себя Мак, и узнать точную сумму. Ну да ладно, при первой же встрече поговорим об этом. А пока Мак решил наслаждаться богатством на полную катушку — чтобы загоя прочувствовать всю прелесть предстоящего золотого

дождя. А ну как он останется равнодушным к роскоши — чего тогда стараться заработать капитал, время терять!

— Душечка, ты выглядишь еще красивей, чем обычно! Но теперь заканчивай с покупками, у меня много дел.

— Что ты думаешь предпринять, любовь моя?

— Надо найти картину Боттичелли. Если найду, могу получить за нее весьма хорошую цену.

— Вам нужен Боттичелли? — спросил синьор Энрико. — Возможно, я могу посоветовать. У меня много знакомых среди художников. Что касается живописи, я на многое способен, уж положитесь на мое мнение. Впрочем, что это я говорю! Синьор, наверное, сам большой знаток живописи и прекрасно во всем разбирается.

— Думаю, ваша помощь мне все-таки пригодится, — сказал Мак.

Он уже направился к выходу, когда в лавку вбежал запыхавшийся грузный пожилой мужчина, одетый как могут одеваться слуги только очень знатных синьоров. Он с порога закричал:

— Мне нужен Фауст! Немецкий доктор! В «Парадизо» сказали, что он отправился сюда, на рынок шелков.

— Я тот, кого вы ищете, — произнес Мак. — Зачем же вам понадобился, дружище, — и, судя по всему, спешно?

— Не мне, моему хозяину. Он при смерти! Как только он услышал, что в город прибыл новый немецкий доктор, тут же послал меня разыскать вас. О, если бы вам удалось его вылечить, он бы вас озолотил!

— Да я вроде бы несколько занят... — смущенно пробормотал Мак. Ему нисколько не улыбалась возможность публично обнаружить свое лекарское невежество. В таком приятном городе, как Флоренция, почему-то особенно противно сесть в лужу. — Кстати, кто твой хозяин, дружище?

— Лоренцо Медичи по прозвищу Великолепный.

Мак невольно повернулся к Маргарите и сказал:

— Погляди-ка, события развиваются с захватывающей быстротой! Сразу в водоворот! Так что бери покупки, голубушка, и ступай в гостиницу. А мне предстоит сделать благое дело — помочь больному человеку.

Глава 5

Мак поспешил за слугой Лоренцо Медичи, который привел его к небольшому, но роскошному особняку, расположенному в тихом квартале на берегу Арно, где находилась большая часть дворцов флорентийской аристократии. Дворец украшали белые мраморные колонны, портик был выполнен в античном стиле, огромные двери из полированного красного дерева были украшены резными фигурками в духе Дамиато Проклятого. Внутри сновали слуги в ливреях и белых накрахмаленных кружевных сорочках — по позднеенеаполитанской моде. Расфуфыренная челядь косилась на Мака презрительно — на городских улицах его наряд казался богатым, но здесь, в гнезде безудержной роскоши, он ощущал себя одетым в лохмотья. Однако по знаку слуги, который привел его во дворец, Мака беспрекословно пропустили во внутренние покои.

Старый слуга, возбужденно размахивая руками, вытирая время от времени слезы и сетуя на злую болезнь хозяина, повел Мака по погруженным в тишину коридорам, украшенным бесчисленными написанными маслом картинами. Наконец они остановились у высокой двери, слуга постучал и ввел Мака в покои, в которых не постыдился бы жить и король: прекрасные картины на стенах, восхитительные скульптуры на высоких мраморных подставках, на полу — огромный восточный ковер невиданной красоты, и повсюду свечи в хрустальных шандалах. Просторная комната была ярко освещена, несмотря на то что окна закрывали тяжелые темные шторы и ни один луч солнца не проникал внутрь. Спертый воздух в

комнате припахивал серой и нездоровым телом, ароматы вина и яств на большом столе мешались с вонью собачьего кала — несколько крупных собак разных охотничьих пород мирно лежали в изножье постели или глодали кости по углам.

В центре стояла огромная высокая кровать с резными колоннами и дорогим балдахином. На низких столиках горели длинные свечи. А чуть поодаль ярко горели дрова в камине.

— Кто там? — спросил человек, полулежащий на подушках на огромной кровати.

Это был сам Лоренцо Медичи, сорокатрехлетний, но выглядевший на все семьдесят.

Изнурительная водянка высасывала из него последние силы. На сером заплывшем жиром обрюзгшем лице Лоренцо Медичи продолжали жить маленькие живые глазки, которые не желали видеть стоящую у изголовья смерть, смотрели повелительно, цепко и надменно, ибо принадлежали человеку, с колыбели причастному к абсолютной власти. На нем была длинная белая хлопковая сорочка, украшенная орнаментом из единорогов, и согревающий голову черный чепец из бобинного кружева, закрепленный тесемкой под двойным подбородком. На лице больного странным образом перемежались одутловатые области и места, где кожа туго обтягивала череп. Его губы — гордо поджатые, полнокровные в годы, когда один из Медичи восседал на папском престоле и семейство заправляло земными и небесными делами, — эти губы теперь увяли до узкой безвольной синей полоски, словно ссохнувшись от горечи, испитой за годы более чем двадцатилетнего правления. Артерия на шее Лоренцо билась так отчаянно, что Маку казалось — вот-вот разорвется. Немошный, в бабьем чепце, Медичи все равно производил грозное впечатление. Пальцы на его левой, почти парализованной руке чуть шевелились, подобно подбитому крылу птицы.

— Я доктор Фауст, — сказал Мак. — Что вас беспокоит?

— Я один из богатейших людей в этом мире, — произнес умирающий негромко. Но этот голос так привык басисто греть, что и сейчас доля его энергии сохрани-

лась — и частички пыли в свете ближних свечей запрыгали от содрогания воздуха.

Хорошенькое начало разговора! Но Мак уже немного набил руку в общении с сильными мира сего, стал тертым калачом и не дал себя смутить.

— А я, — сказал он, — один из самых дорогих лекарей в этом мире. Стало быть, это большая удача, что мы встретились.

— Как вы намерены лечить меня? — пророкотал Медичи так властно, что боль в его теле, заслышав такие повелительные интонации, на время испуганно притихла.

Мак знал, что вылечить больного проще простого — достаточно влить в горло Медичи содержимое пузырька, полученного от Мефистофеля. Но было бы глупо не поводить Лоренцо за нос: кто выложит состояние за одну склянку эликсира? Нет, снадобье следует оставить для финального акта излечения, а начать с эффектных и длительных процедур, которые, по мнению Галена и прочих медицинских светил, составляют основу излечения. И процедуры должны быть как можно более впечатляющими.

— Для начала нужна ванночка из золота, — изрек Мак. — Притом из золота самой чистой пробы.

Он сказал это неспроста — ему вдруг пришло в голову, что золотая ванночка пригодится ему самому в качестве трофея, если события повернутся совсем худо. Можно только диву даваться, какие бывают озарения в драматические моменты!

— Принести! — велел Лоренцо слугам.

Те забегали, засуетились. После небольшой заминки, пока искали ключ от сундука с золотой утварью, золотая ванночка была принесена вместе с алхимическими веществами, затребованными Маком.

Алхимические компоненты нашлись сразу — Лоренцо, меценат и поэт, был к тому же заядлым коллекционером и не чужд ученым опытам; у него имелась алхимическая лаборатория, оборудованная по последнему слову этой науки. Один перегонный куб чего стоил — произведение искусства из сверкающего стекла и начищенной до сияния бронзы! А печь творила такие чудеса,

что Мак мог только гадать — отчего с таким оборудованием и во всеоружии знаний Лоренцо сам не сумел вылечить себя.

Мак расставил колбы и горелки и готовился начать магические действия, когда раздался стук в дверь и в комнату решительным шагом вошел Фра Джироламо Савонарола — самый знаменитый нищенствующий монах своей эпохи.

Монах-проповедник, о котором судачила вся Италия, был высок и бледен как призрак. Он впился в Лоренцо Медичи горящим взглядом и произнес:

— Мне сказали, что вы желали меня зачем-то видеть.

— Да, брат, — произнес Медичи. — Я знаю, наши взгляды во многом расходятся, но мы оба согласны в том, что Италия должна быть крепкой державой, лира — твердой валютой, а клирикам пора умерить их алчность. Я хотел бы исповедоваться вам и получить отпущение грехов.

— Сделаю это с превеликой охотой, — сказал Савонарола, доставая из-за пазухи свиток пергамента, — но лишь после того, как вы подпишете документ, по которому все ваше движимое и недвижимое имущество перейдет благотворительному фонду, организованному мной. Все ваши богатства будут розданы бедным.

Он проворно подскочил к постели, быстро наклонился и положил развернутый свиток перед слезящими глазами Медичи. Это проворство было нехарактерно для тощего, изнуренного лихорадкой Савонаролы. Распрямляясь, он невольно охнул от боли. Бедняга страдал от множества болезней — в том числе и от гнилых зубов, и никакие молитвы не спасали его.

Медичи внимательно прочел документ, подозрительно щурясь на каждое слово.

— Брат, — наконец произнес он, — ты предлагаешь суровые условия сделки. Я готов щедро одарить церковь, но и о родственниках не могу не позаботиться.

— О них Господь позаботится, — сказал Савонарола.

— Боюсь, у Господа дел не впрокорот, он может и забыть о моих родственниках, — твердо возразил Медичи.

— Полагаю, я готов начать лечение, — ввернул Мак, замечая, что новый пришелец оттесняет его на задний план.

— Подписывайте документ! — выкрикнул Савонарола. — Признайте себя великим грешником!

— Я решил, Джироламо. Я поговорю с Господом напрямую. А тебе ничего не скажу!

— Я монах, слуга Господень!..

— Ты полон суетного тщеславия и гордыни, — сказал Медичи. — Можешь идти к черту! Фауст! Начинай лечение!

Мак поспешно достал склянку со снадобьем и попробовал вынуть пробку. Но это оказалось делом сложным и долгим — пробку придерживала проволочка, такую не открыть без щипчиков. А какие щипчики в ту эпоху, когда не существовало стольких полезных вещей — в том числе и циркуля!

Тем временем Медичи и Савонарола громко пререкались, слуги робко жались по углам, снаружи доносился колокольный звон... Наконец пробка поддавалась, Мак торжествующе хмыкнул и повернулся в сторону Медичи, который за секунду до этого как-то странно замолчал на середине фразы.

То, что Мак увидел, ошеломило его. Лоренцо Медичи лежал неподвижно, с отвисшей челюстью. Его глаза слепо смотрели в пустоту — казалось, они все еще слезятся, уже подернутые молочной пеленой смерти.

Умер?!

— Вы не смеееете, не смееете! Не подкладывайте мне такую свинью! — бормотал Мак, дрожащей рукой вливая содержимое пузырька в приоткрытый рот Медичи. Жидкость пузырясь выливалась обратно. Великий тиран был мертв, окончательно и бесповоротно.

Слуги беззастенчиво костерили горе-лекаря, и их крики мешались с проклятиями, которыми осыпал покойного Савонарола, потрясая рукой с неподписанным документом. Мак то бочком-бочком, то пятясь поспешил

вон из комнаты и, оказавшись в коридоре, вприпрыжку понесся прочь.

Шагах в ста от палатки он внезапно остановился — с ощущением, что забыл внутри что-то важное. Ах, черт! Золотую ванночку со страху позабыл прихватить! У Мака хватило отваги повернуть назад, но куда там — его подхватила, завертела в водовороте и поволокла прочь праздничная толпа флорентийцев — кругом хохотали, визжали, улюлюкали, горланили псалмы с интонациями непристойных песен. Приближался момент сожжения вещей в пламени очистительного костра, и весь город ополоумел в ожидании великого события.

Глава 6

Толпа мчалась к центру города, гулко стуча башмаками по булыжнику мостовой. Повсюду царила самая праздничная атмосфера. Множество пьяниц успели уже хорошенько набраться и дремали под деревьями или в арках подъездов. Детей было видимо-невидимо, они весело резвились и упивались всеобщей суматохой. Все лавки были для безопасности не просто закрыты — даже двери в них были заколочены досками. Позвякивали копыта лошадей под стражниками в сверкающих доспехах и ало-черных кафтанах, и Маку приходилось время от времени вжиматься в ближайший дверной проем, чтобы его не раздавили.

— Эй, дурья башка, поосторожней! — услышал он задиристый голос.

— Простите, солдаты меня толкнули...

— Какие к черту солдаты, вы мне ногу отдавили!

Мак невольно задержал взгляд на мужчине, которому он наступил на ногу. Высокий, статный, голова идеальных пропорций, словно у статуи греческого Аполлона. Одет богато и со вкусом — в плащ, отороченный темным мехом, в шляпе торчит страусиное перо — такое можно достать только у заморских купцов или в местном зверинце. Мужчина тоже пристально уставился на Мака большими ясными глазами.

— Извините, — сказал он, — мы с вами, часом, не знакомы?

— Сомневаюсь, — ответил Мак. — Я нездешний.

— Забавно. Тот, кого я разыскиваю, тоже нездешний. Позвольте представиться, меня зовут Пико делла Мирандола. Быть может, вы слышали обо мне?

Разумеется — от Мефистофеля, который назвал Мирандолу одним из величайших алхимиков Ренессанса. Но Мак — лишь бы не навлечь на себя какую-нибудь неожиданную беду — решил соврать.

— Боюсь, что не слыхал. И мне не думается, что я именно тот, кого вы разыскиваете. Это было бы слишком большим совпадением.

— Ну, это в обычной жизни потрясающие совпадения большая редкость, — сказал Пико. — Но когда в ход пускается магия, совпадения становятся вещью почти обыкновенной. Итак, я намеревался кое-кого встретить. Не вас ли?

— Кого вы намеревались встретить?

— Иоганна Фауста, великого мага из Виттенберга.

— Сроду не слыхал о таком, — без заминки отчеканил Мак. Он мигом сообразил, что этому человека мог назначить встречу настоящий Фауст, которого Мак предпочитал называть про себя *Второй* Фауст. У Пико дела Мирандолы была слава великого чародея со злодейскими замашками. Откуда Маку знать, быть может, Фауст и этот алхимик переписывались сквозь столетия, с них станется, они, чародеи эти, на всякое способны. Поговаривают, им даже смерть нипочем, они ее преодолевают путем магии.

— Так вы точно не Фауст? — спросил Пико.

— Вы сомневаетесь, помню ли я свое имя? Ха-ха-ха! Нет, я никакой не Фауст. Простите, мне надо поторапливаться: не хочу пропустить всеочищающий костер.

Он поспешил прочь. Однако Пико последовал на некотором расстоянии за ним.

Через некоторое время Мак вышел на огромную открытую площадь. В центре ее возвышалась гигантская куча всякого добра — деревянная мебель, картины в рамах, женские зеркальца и коробки с косметическими средствами, всякого рода безделушки в невероятном количестве.

— Что происходит? — спросил Мак ближайшего соседа по толпе.

— Савонарола и его монахи собираются сжечь всю ту дребедень, что тешит глупое людское тщеславие, — отвечал сосед.

Мак протолкался поближе к костру. Среди вышитых пеленок, ползунков и скатертей с кружевами виднелись кованые подсвечники, картины второсортных художников. Были вещи и поценнее — у Мака сердце слегка екнуло при виде некоторых из них, брошенных в общую кучу.

Но когда Мак еще поработал локтями и пробился к самому краю кучи, которую уже успели поджечь, ему бросилась в глаза одна большая картина в тяжелой раме, украшенной позолоченной резьбой. Благодаря познаниям в искусстве, которые Мефистофель вложил в его голову, Мак в секунду узнал в картине полотно Боттичелли, написанное художником в середине жизни. Оно стоило бешеных денег, да и просто было очень красиво.

Столько картин тут навалено, подумал Мак, что забудет, если я стащу одну-единственную?

Он воровато оглянулся по сторонам — кажется, никто на него не смотрит — и потянул край рамы на себя. Надо было спешить — огонь достаточно быстро растеклся по всей куче. Мак тихонько подтащил картину к себе, поставил возле ноги и забегал глазами по куче в поиске других шедевров. Когда он заметил картину Джотто, было уже поздно — она уже пошла пузырями от жара. Его взгляд заметался в поисках других ценных картин. Спасти одну работу Боттичелли — дело благое, а спасти парочку шедевров — благое вдвойне. Тем паче это спасение — дело весьма прибыльное! И к тому же никто не найдет ничего дурного в том, что он хотел послужить искусству! Особенно в тот момент, когда бесмертные произведения были брошены в огонь! Все остальные варианты Поступка, на которые намекал Мефистофель, казались Маку слишком путанными — еще бабушка надвое сказала, поглядят ли его за них по головке или намылят холку. А тут яснее ясного: спасти произведения искусства — однозначно прекрасный поступок.

И вдруг кто-то тронул его за плечо. Мак обернулся — на него сурово смотрел худощавый элегантно одетый человек с короткой холеной бородкой.

— Эй, господин, вы чем это заняты?

— Вы мне? — осклабился Мак. — Наблюдаю за прелестным праздником, как и все прочие.

— Я видел, как вы вытащили картину из огня.

— Картину? Ах, вы имеете в виду вот это, — сказал Мак, небрежно указывая на полотно Боттичелли и ухмыляясь. — Знаете ли, слуга по ошибке утащил из дома. Я приказал снять со стены и почистить от грязи, а глупый парень поволок на костер. Это же работа Боттичелли. Сами понимаете, Боттичелли не жгут в кострах ради развлечения, даже на кострах, где уничтожают предметы тщеславия.

— А кто вы такой, позвольте спросить? — не унимался человек с бородкой.

— Я местный дворянин, — сказал Мак.

— Странно, что я вас никогда не встречал.

— Я был в разъездах и долго отсутствовал. Позвольте узнать ваше имя?

— Никколо Макиавелли, служу в городском совете Флоренции.

— Какое удивительное совпадение! — воскликнул Мак. — Меня просили передать вам, чтобы вы ни в коем случае не писали вашу книгу под названием «Государь».

— У меня нет книги с таким названием, — сказал Макиавелли. — Но название мне очень по душе. Обязательно использую его, если начну писать книгу.

— А, делайте что хотите, — вздохнул Мак. — Только помните, что я вас предупреждал!

— А кто предупредил вас? — спросил Макиавелли.

— Увы, не могу открыть его имени, — сказал Мак, — могу только сказать, что он *дьявольски* толковый парень.

Макиавелли недоуменно уставился на Мака, потом покачал головой и пошел прочь. Мак с облегчением подхватил картину и намеревался пробиться через толпу вон с площади, но тут подоспел Пико дельла Мирандола.

Он остановил Мака грозным взглядом и проговорил:

— Только что я навел о вас справки у кой-каких адских сил. Что вы сотворили с настоящим Фаустом, а?

Пико с угрожающим видом подошел к нему вплотную, Мак отшатнулся и попятился. В руке Пико он увидел недавно изобретенный пистолет, стреляющий такими огромными пулями, что они могут разнести человека на части. Мак заметался в толпе, стараясь за чужими спинами укрыться от преследователя. Но люди бросились врассыпную, спрятаться было некуда, и Мак оказался на мушке, а Пико уже положил палец на курок.

В это мгновение из ниоткуда появился Фауст собственной персоной.

— Стой, Пико, не делай этого! — прокричал он.

— Почему? Этот подлец — самозванец!

— Но нам нельзя убивать его. Он играет мою роль, и, пока он в моей роли, ему ни в коем случае нельзя погибать!

— А что за роль, Иоганн?

— Это откроется несколько позже. А пока, старый добрый друг, опусти пистолет, воздержись от насилия.

— Уступаю твоей мудрости, Фауст!

— Я обязательно встречу с тобой при первой же возможности, Пико. У меня есть кой-какой план.

— Если нужна помощь, можешь рассчитывать на меня, — сказал Пико делла Мирандола.

Фауст исчез. Вслед за этим появился Мефистофель.

— Вы готовы? — спросил он Мака. — Тогда убираемся отсюда. На что это народ так дико таращится?

Мак счел за лучшее помалкивать о появлении второго Фауста.

— А, дуракам лишь бы на что смотреть!

Мак подхватил картину, и они с Мефистофелем мгновенно исчезли.

Глава 7

Мак и Мефистофель объявились в Чистилище — не-
подалеку от входа в небольшой дом на холме, у того ме-
ста, где предстояло подводить итоги Тысячелетнего
Турнира и выносить окончательный приговор.

— Куда это мы попали? — спросил Мак.

— Это Сектор ожидания Чистилища. У меня тут
домик с чуланом, могу определить на время вашего Бот-
тичелли. Или желаете продать его мне без промедле-
ния?

— Нет. Пожалуй, сохраню его себе до поры, — ска-
зал Мак. — Ну как мои успехи?

— То есть?

— Хорошо ли я поработал во Флоренции?

Мефистофель помалкивал, пока они не вошли
внутрь дома, где бес указал комнатку за дверным про-
емом в виде арки — там можно было оставить картину.
Лишь тогда Мефистофель ответил:

— Вам не удалось уладить ссору между Медичи и
Савонаролой. Так что эффективность ваших трудов равна
нулю.

— Зато я посоветовал Макиавелли ни в коем случае
не писать «Государя». Ведь это хороший поступок с моей
стороны?

Мефистофель пожал плечами:

— Откуда мне знать. Пусть богиня Необходимости
решает. И Добро и Зло — покорные слуги Того, Что Дол-
жно Произойти. Кстати, что это был за человек? Похо-
же, он вас знал.

— О ком вы говорите?

— Тот, который вас спас от Пико делла Мирандолы.

— Какой-то придурок, — сказал Мак, твердо решив не упоминать настоящего Фауста. — Понятия не имею, кто он такой. А картинка ничего, славная?

Мефистофель держал картину на вытянутых руках и какое-то время внимательно рассматривал.

— Замечательная работа. С удовольствием приобрету.

— Погодите, всему свое время. Сперва я должен узнать ее настоящую цену, чтобы не продешевить.

— Правильный ход мыслей, — согласился Мефистофель. — Вот вам набор для заклатья, которое перенесет вас в Лондон. Особо там не канительтесь, мы ждем вас для проведения следующего этапа Турнира.

— Не беспокойтесь, я не стану задерживаться.

Мефистофель кивнул головой и исчез. Мак огляделся и заметил большой металлический ларь с ключом в замке. Он повернул ключ, открыл ларь и уже собирался положить картину Боттичелли на дно, как вдруг услышал скребущий звук у себя под ногами. Он поспешно отскочил в сторону, и вовремя. Земляной пол стал крошиться, из него выскочил край какого-то металлического предмета. Дыра стала быстро расширяться, и Мак увидел что кто-то внизу работает небольшой лопатой. И вот из дыры вылез сам работник — гном. Это был знакомый нам Рогнир.

— Здравствуй!.. — сказал Мак без особенного испуга — ему уже приходилось видеть гномов на Ведьмином шабаше, и с Рогниром он успел там познакомиться.

— Отличная картина, — восхитился Рогнир. — Где вы достали такое сокровище?

— Ничего картинка, да? Раздобыл ее в Ренессансе. Есть такая область в Италии — Ренессанс, а там город Флоренция.

— О! И как вас туда занесло?

— Я участвую в одном турнире, — пояснил Мак. — От результатов этого состязания будет зависеть судьба человечества в последующую тысячу лет.

— И вас послали в эпоху Возрождения только за тем, чтобы слямзить эту картину? — спросил Рогнир.

— Я и сам не знаю, какого лешего меня туда закинули. Я там еще кое-что делал. А картину прихватил для Мефистофеля — он любитель и намекнул, что заплатит

за нее большие деньги. Но я ее еще не продал. Вначале хочу разведать ее настоящую рыночную стоимость.

— Стало быть, он хотел купить у вас картину, так?

— Ну да. Раз уж я попал туда, грех было не прихватить картину. Ладно, вы простите, но мне пора. Я спешу в Лондон. Серьезное дело.

— Удачи, — сказал Рогнир. — Может, еще увидимся в Лондоне.

— Буду рад, — ответил Мак, поглядел на дыру в полу и мусор и несколько робко спросил у гнома: — Слушайте, а вы все это уберете перед тем, как уйти отсюда, а?

Рогнир заверил его, что приберется за собой и картина Мака никуда не пропадет.

Гном пошел дальше по своим делам — размышляя о Маке. Вот лопух! Этот парень никак в толк не возьмет, что им манипулируют как хотят. Ему бы взять свою судьбу в собственные руки — нет, такая мысль даже не приходит в его глупую башку! Он постоянно у других на побегушках, смотрит им в рот и делает как велят. Видимо, всю жизнь провел в такой вот зависимости. А между тем он вроде бы славный малый — что-то в этом оболтусе есть такое, что странным образом привлекает к нему симпатию...

АХИЛЛ

Глава 1

А тем временем стремительно развивался ряд событий — последствия того, что Аззи, ни у кого не спросив, взял и похитил Елену Прекрасную из Царства мертвых, где она вместе со своим супругом Ахиллом занимала виднейшее место в иерархии мертвых душ, будучи одной из главных фигур тамошней светской жизни.

Аззи умыкнул Елену по вдохновению, между прочим, ни на секунду не задумавшись, что так дела не делаются, и не подозревая, к каким последствиям может привести такого рода поступок. Если бы он хоть чуть-чуть задумался, он бы вспомнил, что мертвые души отнюдь не беспомощны — ими весьма опасно помыкать.

Ахиллу пришлось очень и очень не по нраву, когда в один прекрасный вечер он вернулся с охоты за мертвой душой оленя в затянутых туманом лугах, которые начинаются сразу за Пучиной отчаяния, — и не обнаружил дома Елены Прекрасной. Обычно она всегда поджидала его с охоты. Сперва он подумал, что она отправилась к соседям в гости. Но из расспросов выяснилось: никто ее не видел в последнее время. Это довольно странно — куда может пропасть человек из Царства мертвых? Из Царства мертвых попросту некуда пропасть. Стало быть, Елену кто-то украл! Ахилл поспешил за советом к своему другу и соседу Одиссею.

Одиссей — один из самых выдающихся характеров мировой истории, его рейтинг среди героев прошлого крайне высок и устойчив. Разумеется, Одиссей даже в Царстве мертвых не мог почить на лаврах. Были и у него кое-какие проблемы с поддержанием этого высокого

рейтинга в самом Царстве мертвых. Основой славы и главной чертой характера Одиссея было его хитроумие. Но даже будучи семи пядей во лбу и хитрецом из хитрецов, он успел совершить едва ли не все подвиги хитрости и теперь затруднялся придумать что-нибудь новенькое, ошеломляющее, чтобы заставить всех опять говорить о себе. Человек, вошедший в историю олицетворением каких-либо черт, может достичь великих успехов в самореализации, а затем увянуть, ослабеть, утратить привычную энергию — однако его все равно грызет желание блеснуть былой силой, превзойти самого себя в своих легендарных делах. А между тем всем известна пословица, что старого пса новым фокусам не научишь. Время текло, люди кругом умнели, а Одиссей пользовался все тем же набором хитроумных трюков. Редко-редко удавалось выкинуть что-нибудь поподлее прежнего, но хитроумнее прежнего — никогда. Это сильно ущемляло самолюбие Одиссея. Он привык быть победителем и готов был на все, лишь бы остаться в роли вечного триумфатора, умеющего одурачить всех и вся.

К тому же ему чертовски не нравилось быть мертвым. Без тела ему было как-то не по себе. Его выводили из себя все эти мертвые души, среди которых он жил, — только и знают, что ныть днями о тяжелых условиях проживания в загробном царстве, талдычат о добрых старых временах, когда они жили на земле, а не под землей. Он не позволял себе унижаться до нытья. Сохраняйте присутствие духа, не уставал повторять он своим друзьям и знакомым. Не теряйте формы. И хотя мертвые не могут накачать мускулы, Одиссей регулярно упражнялся и без дела не сидел.

«Мы обязаны сохранять активность, — говорил он мертвым душам, которые обращались к нему за советом, как им жить дальше, — мы должны сохранять вкус и способность к любого рода деятельности. Неважно, чем вы занимаетесь, лишь бы ваши мозги не ржавели в бездеятельности».

Когда к нему пришел Ахилл с просьбой о помощи, Одиссей сидел на крыльце своего дома — жил он в мрачном особняке неподалеку от берега одного из притоков Стикса. На лужайке перед его домом среди мхов росли царские кудри. Большая часть сада была затенена осоками — эти вездесущие тополя быстро начинают

действовать людям на нервы как в Царстве мертвых, так и в Царстве живых.

День был мрачный, неприветливый — впрочем, иных в загробном царстве не бывает. Вне дома было довольно-таки прохладно, однако не настолько, чтобы сидеть в четырех стенах. В гостиной Одиссея имелся камин, но с плохой тягой, дававший мало тепла. Хотя что толку в исправном камине? Все равно мертвые никогда не могут по-настоящему согреться. Одиссей провел Ахилла на кухню и предложил позавтракать вместе — разумеется, и финики, и каша были ненастоящие, нематериальные, как и все вокруг, но уж так люди устроены, что и после смерти держатся за свои привычки, а регулярное питание — одна из самых устойчивых привычек. В Царстве мертвых даже банкеты устраивают с заранее продуманным меню. Вечность, сами понимаете, штука долгая, и радости гурманства — один из способов коротать ее.

Секс — еще один способ коротать вечность, хотя мертвые души не способны, за неимением плоти, заниматься плотской любовью в прямом смысле слова. У бесплотных нет ни физических чувств, ни физических ощущений. Но люди так привыкают к сексуальным радостям, что и за гробом продолжают ими заниматься — вернее, их имитацией.

В настоящий момент Одиссей был мужчиной одиноким — с Пенелопой они расстались давным-давно. Одиссей так и не поверил окончательно, что за двадцать лет, пока он был в отлучке на Троянской войне, Пенелопа не согрешила ни с одним из толпы навязчивых поклонников, которых он перебил по возвращении домой. Какое-то время он сохранял семью исключительно ради своего сына Телемака. Но затем Телемак также вошел в легенду, стал героем — не Бог ведь каким, но все-таки героем. Теперь он обитал в другом районе Царства мертвых и водил дружбу с тамошней золотой молодежью — детьми знаменитейших личностей всех времен.

Таким образом, Одиссей жил сам по себе, и свободного времени у него было хоть отбавляй. Ежедневно он подолгу упражнялся. Иногда посещал своего друга Сизифа. Тот был вечно занят — вкатывал на гору огромный камень. Никто его не заставлял это делать. Его освободили от проклятия много-много лет назад. Однако, по

словам Сизифа, надо же чем-то заниматься, а к этому делу он привык, да и легендарный образ бессмысленного труда необходимо поддерживать. Поэтому он вкатывал камень наверх, сталкивал вниз и снова принимался за работу.

Порой Одиссей заглядывал в гости к одному из своих самых старинных и закадычных друзей — к Прометею, который по сю пору был прикован распятым на скале и орел регулярно прилетал клевать ему печень. Боги никак не решались освободить Прометея — уж очень у него опасный характер. Освободишь героя — поставишь под угрозу всеобщее спокойствие, ибо мир земной еще не готов к личной свободе, за которую исступленно ратует Прометей. Ведь это такой упрямец — ни за что не поклянется держать свои идеи свободы при себе. Опять-таки, со временем мог выработаться какой-либо компромисс — рано или поздно все мертвые души идут на уступки, но Прометей был не только упрям, но и озабочен сохранением своей репутации богоборца. В последнее время у него было отвратительное настроение и несколько дней он не желал беседовать даже с Одиссеем. Мертвые души злословили, что теперь единственным другом Прометея остался орел, прилетающий клевать его печень.

В общем, Одиссей крепко скучал. Когда-то он любил охотиться на оленей-призраков, но и это ему обрыдло. У этой охоты есть «маленький» недостаток — вы не можете убить оленя-призрака. А если бы и смогли каким-то чудом, то попробуйте-ка его зажарить и съесть!..

Ахилл с его печалью был настоящей находкой для Одиссея, стосковавшегося по общению. Одиссей тотчас предложил идти к королю Царства мертвых Дису — в черный дворец, где Дис жил вместе с Прозерпиной.

Дису хватало своих трудностей.

В разгаре было судебное разбирательство между ним и Плутоном, одним из древнеримских хтонических божеств, то есть богов загробного мира. Недавно Плутона назначили главным богом римского подземного мира, и он вел сепаратистские интриги с целью провозгласить себя независимым монархом и выломиться из строгой иерархии, существующей в Царстве мертвых. Вследст-

вие неожиданной карьеры Плутона Дис потерял власть над изрядной частью дохристианского загробного мира и римлянами, бывшими прежде его подданными. С одной стороны, он был рад избавиться от этих подданных — даже в Царстве мертвых римляне и греки живут как кошки с собаками. С другой стороны, сокращение числа подданных било по его самолюбию, уменьшало границы царства и приводило к усыханию легендарного величия Плутона как крупной мифической фигуры.

Помимо этого он участвовал в других нескончаемых юридических тяжбах: постоянно кто-нибудь стремился подмять под себя независимый эллинский загробный мир. К примеру, боги людей, говорящих на санскрите, собрали веские доказательства того, что все греческие боги были когда-то подчиненными божками в санскритской мифологии, и стремились это положение восстановить. До сих пор Дис ухитрялся оттягивать окончательное решение вопроса, но все равно его власть над эллинским загробным миром оставалась шаткой.

Проблемы, проблемы!.. А тут еще Ахилл с Одиссеем явились, справедливости требуют.

— Что я должен, по-вашему, сделать? — не без раздражения спросил Дис. — У меня над верхним миром никакой власти. Они там говорят: пусть, мол, этот Дис сидит в своей Преисподней и не рыпается. У них там нынче свои, новые боги.

— Не верю, что вы так уж ничего не можете сделать, — сказал Ахилл. — Коль скоро вы так немощны, то пора вам уступить правление в Царстве мертвых кому-нибудь более энергичному. Я думаю, мне следует поставить этот вопрос на следующей законодательной сессии Всеэллинской Генеральной ассамблеи.

— А вот это ни к чему! — воскликнул Дис. — Давайте лучше вместе подумаем над вашим делом. Вы подозреваете кого-либо в похищении?

— Судя по всему, тут замешан один демон, — произнес Ахилл. — Об этом мне сказала одна из эриний — Алекто. Он из тех духов, что появились позже нашей эпохи.

— Что за демон, к каким силам принадлежит? — спросил Одиссей.

— По словам Алект, он представляет не то силы Тьмы, не то силы Зла, — ответил Ахилл. — Не помню точно, какие именно.

— Тьмы и Зла... — задумался Одиссей. — Пожалуй, это силы одного рода, стало быть, для нас очевидно, к кому обращаться — к противной стороне. Правда, я никогда толком не понимал разницу между Добром и Злом. Прошло много столетий после моей смерти, прежде чем люди стали проводить разграничения между ними.

— Я тоже ни аза не понимаю в этих мудрствованиях по поводу Добра и Зла, — признался Дис. — Но, по-моему, люди наверху обожают рассуждать на эти темы.

— Пусть рассуждают себе, о чем хотят, — сказал Одиссей, — тут случилось безобразие, которое надо немедленно исправить. Дайте нам, пожалуйста, временные пропуска на выход в мир живых и мандат, разрешающий нам действовать с целью восстановления законности в Царстве мертвых. А мы с Ахиллом доведем ситуацию до сведения большого начальства.

— Ладно, все получите, — сказал Дис. Про себя он порадовался тому, как все повернулось. Самое важное в искусстве мудро править — умение вовремя спихнуть ответственность на нижестоящих. Теперь пусть Одиссей восстанавливает попорченную справедливость, пусть у него болит голова.

Глава 2

После того как Дис дозволил ему сопровождать Ахилла в мир живых, Одиссей решил обратиться за помощью к Тиресию — одному из самых знаменитых колдунов античного мира. Уж он-то должен знать, как следует поступать в столь сложной ситуации и куда направиться для начала.

Сперва героям следовало приготовить в жертву определенное количество крови, потому что Тиресий и говорить с ними не станет без жертвенной крови. Колдун упрямо держался за этот старинный обычай. А с кровью в Тартаре — Царстве мертвых — ясное дело, большая напряженка. Однако Дис счел своим долгом выделить им целый бурдюк крови из личных запасов. (Кровь для эллинских мертвых — желаннейший хмельной напиток; формально в Тартаре его не сыскать, но имей нужных знакомых и не будешь просыхать.)

Итак, два героя направились в священную рощу Персефоны — заросли осокоря и старых ив в месте слияния двух притоков Ахерона: Флегетона и Коцита, известных под названием реки Плача. Там они вырыли канавку и вылили туда всю кровь из бурдюка. Чего им стоило удержаться и не выпить ее! Но они преодолели соблазн — одно слово, герои! Им пришлось решительно отказывать многочисленным мертвым душам, которые окружили их и просили немного крови. Отказали даже своему бывшему верховному полководцу — Агамемнону, который приковывал в рощу, чуть заслышав притягательный запах. Кровь предназначалась исключительно Тирегию.

Кровь разлилась по канавке — темная, густая. И вдруг всколыхнулась и стала медленно убывать, словно ее всасывал невидимый рот. Сразу же после этого появился Тиресий — невесомая фигура в длинной шерстяной мантии, на лице узоры из охры и голубой глины, пряди густой седой шевелюры падают на лоб и почти закрывают глаза.

— Да будет вам сопутствовать удача весь сегодняшний день, доблестные мужи, — приветствовал он Одиссея и Ахилла. — Огромное спасибо за столь щедрую жертву. Видать, из Дисовой заначки? Качественная кровушка. Еще немного не осталось? Жаль, жаль! Так чем могу вам услужить?

— Мы разыскиваем Елену Прекрасную, — доложил Одиссей. — Ее незаконно выкрали у супруга — у Ахилла, вот он.

— Похоже, эту красавицу вечно кто-нибудь похищает, — сказал Тиресий. — Подозреваете кого-либо?

— По слухам, это демон, из тех, что появились после нашей эпохи. Но мы не знаем ни имени его, ни местонахождения. Нам позарез нужен ваш совет и помощь.

— Хорошо, пособлю, — согласился Тиресий. — Демона того зовут Аззи, и он принимает участие в состязании за передел власти между силами Тьмы и Света — сейчас это главное событие, занимающее умы человечества.

— Нам надо побыстрее разыскать его! — воскликнул Ахилл.

— Вам предстоит очутиться в мире, очень и очень непохожем на наш, — предупредил Тиресий. — Чтобы навести нужные справки, понадобится посетить самое гнездилище Зла — оно у них тоже называется Преисподней и там всем заправляют силы Тьмы. Поскольку у вас есть на то разрешение Диса, я снабжу вас составом для заклятия, потребного для путешествия в пространстве. Разумеется, сам-то я уже сейчас ведаю, с кем в настоящее время Елена Прекрасная.

— Скажите же! — вскричал Ахилл.

Тиресий с намеком кашлянул, будто у него пересохла глотка, и со значением покосился на канавку, где не осталось ни капли крови.

— Увы, больше нет, — сказал Одиссей. — Однако при первой же возможности мы раздобудем вам жертвенной крови!

— Что ж, честного слова Одиссея мне достаточно, — кивнул Тиресий. — Но предупреждаю вас, отыскать Елену будет чрезвычайно трудно. Она постоянно перемещается в пространстве и времени, с тех пор как сопровождает в странствиях знаменитого мага по имени Фауст.

— Фауст? — переспросил Ахилл. — Имя, похоже, совсем не греческое.

— А он и не грек. В мире наверху сейчас поднялись другие народы, им принадлежит и торговое, и военное, и интеллектуальное могущество. Что до этого Фауста, он участвует в игре, которую затеяли боги. Я имею в виду новые, неизвестные вам боги.

— Хотел бы я знать, между прочим, — вставил Одиссей, — куда подевались старые боги?

— Большинство из них никуда не подевались, просто приняли другие имена, — пояснил Тиресий. — Живут себе под новой личиной и чаще всего даже не вспоминают золотые деньки на Олимпе в Греции. Разве что Трисмегистус остался верен первой родине: он широко известен и занимается крупным бизнесом, то бишь торговлей, под именем Гермеса.

— Не мучьте — где нам настичь Фауста и Елену?

— Они все время путешествуют, — сказал Тиресий. — И не только в разные уголки Земли. Они мечутся из эпохи в эпоху.

— Можно добраться до них на корабле? — спросил Ахилл.

— Нет, разве что это будет заколдованный корабль. Путешествовать благодаря заклятию — единственный выход.

— А по суше туда не попасть?

— И не мечтайте. Туда, куда отправилась Елена, без некоторой помощи волшбы вообще не попасть. Ну да не беда, у меня с собой мешок с духами странствий, которые помогут вам попасть куда следует.

При этих словах Тиресий вынул из-под мантии седельный мешок, который подозрительно зашевелился в его руке, заверещал, завздыхал, захныкал.

— Духи странствий сегодня что-то не в меру егозливы, — посетовал Тиресий. — Обращайтесь с ними осторожно и берегите пальцы, когда будете вытаскивать их из мешка. А главное, не порите горячку. События должны развиваться последовательно, шаг за шагом. Сперва отправляйтесь в Преисподнюю, получите там официальное разрешение вернуть Елену Прекрасную. В таких делах очень важно соблюсти все формальности.

— Вы нас проводите туда? — спросил Ахилл.

— Нет. Однако я буду поблизости, если вам срочно понадобятся какие-либо сведения. И не забывайте — за вами должок, еще бурдюк крови. На сем прощайте.

Когда Тиресий исчез, Одиссей подосадовал, что старец-колдун поделился своими знаниями так скупно, но ведь ясно — из этого прохвоста больше ничего не вытянешь. Одиссей осторожно развязал узел, стягивающий горловину седельного мешка, и ловко вытащил самого смирного духа странствий, который лежал свернувшись клубком, тогда как другие вертелись и рвались наружу. Одиссей поспешно стянул тесемку мешка и привязал к нему извлеченного духа. Тот задергался, заизвивался в его руке, но Одиссей держал его крепко и быстро произнес нужные слова заклинания. Дух замер, выпрямился и потом потянул мешок изо всей силы. Одиссей вцепился в мешок, Ахилл в хитон друга — и оба, без знакомой по литературе дребедени вроде вспышек огня и серы, не счаялись как оказались в Царстве нечистой силы.

Глава 3

Когда дверь его кабинета рывком распахнулась, Велиар подпрыгнул от неожиданности.

Жирный, похожий на жабу демон с синюшно-серой физиономией и выпученными оранжевыми глазищами как раз гляделся в зеркало иллюзий — и весь ушел в созерцание собственной талантливости и красоты, ибо в Преисподней самолюбование замещает самоуважение. Упоенно миловавшийся собой Велиар не расслышал стука в дверь. Теперь на пороге стояли двое незнакомых мужчин в туниках и коротких юбках.

— Вы кто такие? — спросил жабоподобный демон.

— Я — Одиссей, а это — Ахилл.

— Да ну? Какой сюрприз! — воскликнул Велиар.

На вид они действительно выглядели классическими греками с рисунков на древних амфорах: высокие крепыши с прямыми носами и вьющимися темными кудрями. Даже в виде мертвых душ, ходячих иллюзий, которых можно проткнуть рукой насквозь, даже теперь они производили впечатление могучих героев. Надо думать, какой-нибудь мелкий чиновничек на таможне Царства нечистой силы, сраженный их внушительным видом, беспрекословно выдал им сертификат на обретение ими временной полуматериальности. В противном случае они вообще бы не решились сунуться в Преисподнюю. Обитателей дохристианского Царства теней считают несуществующими призраками. Не признавать их существования — порой единственный способ отвязаться от них, но и это иногда не спасает.

— Ахилл и Одиссей! — сказал Велиар. — Наслышан о вас, наслышан, а чтобы вот так воочию увидеть — и не думал, и не мечтал.

— Увы, нас не выпускают из Тартара, — сказал Одиссей. — Когда-то боялись нашей силы. А теперь не разрешают нам никаких поступков, кроме таких, что в русле нашего легендарного характера, а нам эти самоповторы вот уже где! Они полезны разве что в рекламных целях, для поддержания былой славы.

— Ах, бедняжки, невесело вам! Какая жалость, что вы всего-навсего бесплотные видения. Для многих наших дьяволят было бы интересно и поучительно прослушать курс ваших лекций. Думаю, чертям у вас есть чему поучиться.

— Насчет лекций можем поговорить в другой раз, — сказал Одиссей. — Мы совсем не прочь сделать лекционное турне по Преисподней. Но в данный момент я представляю интересы моего друга Ахилла и говорю от его имени. Один из ваших поступил с ним весьма некрасиво.

— Вы говорите от имени Ахилла? А сам он что — безъязыкий?

— Я достаточно языкатый, — вмешался в разговор Ахилл, — беда лишь в том, что речь у меня сбивчивая — я по натуре горяч и тороплив. Как разговарюсь — такого наваляю не подумавши, что только хуже себе сделаю. Слово за слово, всегда доходит до драки. А в драке мне равных нет, тут не сомневайтесь. Вот люди меня и недолюбливают. Зато Одиссея все искренне обожают.

— Уймись, Ахилл, — остановил друга Одиссей. — Помни нашу договоренность: все переговоры веду исключительно я.

— Прости, Одиссей, нечистый попутал, — пробормотал Ахилл.

— Ничего. Если меня люди и любят, так за то, что я полубог, который живо интересуется обычаями всякого народа и не прекращает упражняться в искусстве правильного общения. Твоя же голова, Ахилл, занята исключительно войной и смертоубийством.

— Сейчас я бы с удовольствием уколошил кого-нибудь, — признался Ахилл. — Я так волнуюсь, а свернуть кому шею — это так успокаивает!

— Остынь, друг мой, — сказал Одиссей и повернулся к Велиару: — Нам стало известно из достоверного источника, что некий демон, ваш подчиненный по имени Аззи, схватил одну из душ в Тартаре, а именно душу Елены Прекрасной, и уволок ее прочь от законного супруга, не дал ей и прощальной записки написать. После чего передал украденную магу по прозванию Фауст, который вовлек несчастную в приключения, не имеющие никакого отношения к греческой истории!

— Какая-то неправдоподобная история! — удивился Велиар. — Не в правилах представителей сатанинских сил умыкать куда-либо души умерших без согласия с их стороны.

— Полагаю, вам все-таки следует навести справки по этому делу, — сказал Одиссей.

— Обязательно, — кивнул Велиар и нажал кнопку внутренней связи. — Мисс Сиггс!

— Да, ваше превосходительство.

— Вы слышали наш разговор?

— Э-э... самую малость... совершенно случайно.

— Неважно. Проверьте что к чему и доложите мне немедленно.

— Нет необходимости проверять, ваше превосходительство. Эти греки говорят чистую правду. Повсюду уже судачат о том, как Аззи похитил Елену Прекрасную. Отличный материал для будущего мифа!

— Черт бы его забрал, никто не разрешал ему творить этакие фокусы! Пока еще существуют законы!

— Несомненно, ваше превосходительство. Но, похоже, мало кто с ними считается.

— Ну, дело однозначное, — сказал Велиар. Ему в руки плыла возможность поквитаться с Аззи, который непочтительно отзывался о нем на последнем собрании бесов, где каждый выступал с обязательной самокритикой.

Отключив внутреннюю связь, Велиар повернулся к Ахиллу и Одиссею:

— Ваша жалоба, очевидно, имеет под собой веские основания. Однако лично я тут ничего поделать не могу —

при всем желании. Вам следует переговорить с Мефистофелем или с самим Аззи.

— А где нам их найти? — спросил Ахилл.

— В настоящий момент оба заняты проведением Турнира.

— Какого Турнира?

— Великого Турнира между силами Тьмы и Света, который решит, кто будет править человечеством в следующие тысячу лет.

— А какое отношение к этому состязанию имеет Елена Прекрасная? — спросил Одиссей.

— Как я понимаю, Аззи выкрал ее, чтобы вознаградить Фауста.

Ахилл внезапно прервал его:

— Хватит разговоров! Верните Елену немедленно!

— Да, мой друг прав, — сказал Одиссей. — Это подведет черту под нашим разговором.

— Дорогой мой, — печально улыбнулся Велиар, — я вас отлично понимаю, но от меня ничего не зависит.

— Ладно, мы сами кое-что предпримем, — промолвил Одиссей. — Обойдемся без вашей помощи.

— Вы славные ребята, — сказал Велиар. — Но поймите, в здешнем мире — при новом раскладе сверхъестественных сил — вы совершенно бессильны.

— Это мы еще посмотрим. У нас есть кое-какие могущественные друзья.

— Что за друзья?

Одиссей приложил палец к одной ноздре — призыв к осторожности.

— Не советую называть имена наших друзей вслух. Вы и ахнуть не успеете, как они уже будут здесь.

Велиар на миг нахмурился, потом сообразил: Одиссей имеет в виду евменид, известных также под именем эриний или фурий! Да, действительно кое-какие прежние боги удержали власть — та же Ананке, эти безжалостные эринии. Велиар решил не продолжать опасный разговор.

— Ну, если вы полагаете, что справитесь, — сказал он, — то желаю удачи. По крайней мере мое добро на дальнейшие действия вы имеете. — Тут он несколько

повел бровью и добавил: — Но в смысле тела, физических сил, вам, приятели, не позавидуешь.

— Спасибо и на том, что есть, — сказал Одиссей. — Мы как-никак покойники, не забывайте.

— Знаете что, — просиял Велиар, — дам-ка я вам два талона на Ведьмину кухню. Попросите их подобрать полноценные тела. У нас тут в Преисподней мерзавцев хватает, но не у всех черствые сердца, нет, не у всех!

Глава 4

Неуклюжий громила, арабский демон, за годы службы стражником у входа на Ведьминой кухне, казалось, всякое повидал и больше ничему не удивлялся. Но этот медлительный бывший житель Геенны с глазами как вишни впервые увидал двух греческих героев — прямиком из поэмы Гомера. Они направлялись в адский салон красоты. Демон узнал их с первого взгляда — прежде чем попасть охранником на Ведьмину кухню, он учился в классической школе, где Гомера изучали на греческом.

— Елки-палки, — пробормотал он. — Чтоб тут греческие герои — такого еще не случалось!.. Господа призраки, а есть у вас удостоверение вашей реальности?

Одиссей с достоинством показал временные удостоверения реальности, выданные Дисом. Старшая ведьма не поленилась отложить уют и выйти к ним — повнимательней проверить и эти удостоверения, и пропуска, полученные от Велиара.

— Все в порядке, Абдулла, можешь пропустить, — сказала она.

В процессе создания тел для греческих героев ведьмы заспорили, на каком количестве мускулатуры остановиться. Чересчур большая мышечная масса сделала бы Одиссея и Ахилла менее подвижными, а юркость и ловкость отнюдь не лишни в богатой подвигами жизни героев-полубогов.

Операции по превращению Одиссея и Ахилла в стопроцентных людей из плоти и крови завершились только через несколько часов.

После этого они использовали еще одного духа странствий из седельного мешка Одиссея для того, чтобы перенестись на Землю. И теперь они отдыхали под деревом, не ведая, где находятся. Однако это их мало тревожило. С ними было провизии на несколько дней — любезно предоставили кокетничающие ведьмы на Ведьминой кухне. По крайней мере запасов в дорожных сумках *должно было* хватить на несколько дней. Но — в восторге от нового ощущения телесности — оба героя так дорвались до еды, что после трапезы у них не осталось ни крошки. И удивляться тут нечему: они мечтали о настоящей пище столетиями, как тут было удержаться!

— Я сейчас лопну, — сказал отдуваясь Ахилл.

— Я тоже, — пропыхтел Одиссей. Похоже, впервые мудрый Одиссей плюнул на свою мудрость и неразумно наелся до колик. — А соленая седедочка была хороша, правда?

— По мне, всего лучше был паштет — до чего нежен! — покачал головой Ахилл. — Я бы сказал так: с наших времен не изобрели ничего лучше печеночного паштета. Помнишь, как мы в Греции ели печенку? Жареную, с лучком! Даже соевого соуса не существовало. А паштет — совсем другое дело. Одиссеюшка, и как мы жили на такой грубой пище, ума не приложу!

— Оттого и жили, что лучшего не знали, — произнес Одиссей. — Думаю, сейчас бы нас и на веревке не затащили на Троянскую войну — что там был за провиант! Впрочем, не видать нам больше Троянской войны как собственных ушей.

— Ну, ты напрасно ее ругаешь, — сказал Ахилл. — Война была первый сорт, здорово потешились.

— Да, лучше войны не будет. Рецепт потеряли. А помнишь, как я Аякса победил?

— Так я ж был убит раньше, не мог видеть вашей схватки, — напомнил Ахилл, — и с Аяксом ты сразился как раз за владение моими доспехами.

— Ну так я ему здорово наломал бока!

— А доспехи были отличные, — с мечтательным вздохом промолвил Ахилл. — Имея такие доспехи, побеждать было легче легкого. Именно в них я убил Кикна

и Троила. Но самое славное, что я совершил и что вошло во все школьные учебники, — это убийство Гектора.

— Знаю, знаю...

— Приятные воспоминания! Это потом меня поразила проклятый Парис. Угодил прямо в пятку, меткий мерзавец! Э-эх... — Он вздохнул и потер вздутый живот. — Однако паштетец просто мечта... Слушай, Одиссей, насчет наших нынешних тел...

— Ну?

— Нам дали тела хорошего качества?

— Полагаю, даже высшего.

— Но у меня болит вот тут.

Ахилл указал на район пупка.

— Пустяки, — сказал Одиссей. — Мускулы тянет — сильно переел.

— Ты уверен, что я ничем не болен?

— Нас же уверяли, что дают совершенно здоровые тела. Ты что, забыл, как раньше живот раздувало от обжорства?

— Что-то не помню такого рода боли. И ногу как-то нехорошо тянет.

— Правильно, ведь мы же сделали хорошую пробежку. Когда с непривычки пробежишь, всегда ноги болят. Или если находишься много.

— Неужели в прошлой жизни наши тела доставляли нам столько неприятных ощущений? — спросил Ахилл.

— Думаю, да, — сказал Одиссей. — Но тогда мы обращали на это куда меньше внимания. Мы постоянно упражняли свои мускулы. Мы были привычны к радостям и горестям, которые доставляли нам наши тела.

— Нет, я не жалуясь, — поморщился Ахилл. — Я плотно поел и вот снова чувствую голод. Да и выпить тут нечего...

— К счастью, поблизости нет поэта, который мог бы записать твои слова для потомков! — рассмеялся Одиссей. — Бесстрашный Ахилл, герой-полубог, выпустил нюни: дескать, покушать бы, да и питеньки хочется! Вот это сценка! А ведь раньше ты был выше

мыслей о пище! Ты был весь нацелен на стяжание славы великого воина!

— Я и сейчас нацелен на то же! — воскликнул Ахилл, упруго вскакивая на ноги, тут же охнул и виновато заморгал. — У меня вроде бы прострел в спине. Однако делать нечего, отправляемся в путь.

— Я готов, — сказал Одиссей, — да вот только не знаю, в каком направлении идти.

Ахилл огляделся. Они находились на залитом солнцем лугу. Впереди темнела зеленая полоса леса. Оттуда доносились птичьи трели. Дул легкий ароматный ветерок. Время перевалило за полдень, и золотистый шар солнца стоял высоко; было не слишком жарко и не слишком прохладно. Может, таких славных деньков выдавалось немало в их прошлой жизни, но после угрюмого климата Царства теней, где всегда словно собирался дождь и небо было как перед бурей, хотя ни дождя, ни бури никогда не случалось, герои просто балдели от удовольствия.

На лугу было тепло, приятно, и все же Одиссей нутром ощутил, что в окружающем пространстве не все в порядке. И поэтому он не слишком удивился, когда его взгляд натолкнулся на трех женщин, сидевших за трапезой на траве. Женщины весьма преклонного возраста, одетые в привычные греческие одежды. Одиссею показалось, что он видел их прежде, и напряжением мысли он вспомнил, кто они такие. Евмениды! Три ужасные сестры, которые носились по античному миру, безжалостно и неотступно преследуя отца- и матереубийц. Встреча с ними не предвещала человеку ничего хорошего; однако очень важно говорить с ними предельно дружелюбно и не давать им повода разозлиться.

— Это мои старые добрые знакомые, эринии, — сказал Одиссей, направляясь в их сторону. Ахилл последовал за ним. — Добрый день, уважаемые Алекто и Тисифона! Здравствуйте, почтенная Мегера! Вы, милые дамы, прошли неблизкий путь сюда из нашей старой доброй Преисподней.

— Здорово, Одиссей, — ответила Алекто, высокая седая дама с аккуратно уложенной прической. Ее нос

загибался таким грозным крючком, который был бы очень уместен на лице какого-нибудь вселяющего ужас воина. — Мы знали, что вы тут появитесь.

— Как вы могли догадаться? — спросил Одиссей. — Только ведьмы знают, куда мы направились.

— А мы сестры всем ведьмам, — объяснила Алектто. — Когда мы заглянули на Ведьмину кухню, они сообщили нам ваш маршрут — что вы окажетесь на Промежуточном лугу. Сюда проникают только благие существа. Вот отчего мы явились сюда в благообразном виде, а не в нашем обычном наводящем ужас облике. Провинившиеся от нас никуда не уйдут, а пока есть несколько минут передышки.

— Мне всегда казалось, что вы на самом деле симпатичные дамы. Вот и Ахилл думал так же. Подойди поближе, Ахилл. Ты знаком с дамами?

Ахилл подошел не без некоторой застенчивости.

— Кажется, был, мельком, — сказал он, — когда гостил у Ореста. А могу ли я узнать, зачем вы, почтенные, искали Одиссея?

— Мы знали, что вы вместе с ним, — хихикнула Тисифона.

Ахилл смертельно побледнел.

— А зачем вам понадобился я? — поинтересовался он с некоторой дрожью в голосе.

— Нам понадобились вы оба, — ответила Алектто, — чтобы побыстрее найти Фауста и украденную женщину, которую мы сейчас разыскиваем. Я говорю, конечно же, о вашей жене, Ахилл.

— Почему вы ищете Елену? — спросил Ахилл.

— Не беспокойтесь, мы ничего не имеем против нее. Просто она ценное имущество, которое следует незамедлительно вернуть в Царство теней. Мы работаем как группа быстрого реагирования в Дивизионе по охране классического наследия. Аззи Эльбуб, дерзкий черт, не имел ни малейшего права выводить Елену из Тартара. Мы намерены вернуть вам вашу законную супругу. Вы что, не рады?

— Очень рад, — заверил Ахилл, хотя именно в этот момент у него возникли кое-какие сомнения по этому поводу. — Я и сам сюда прибыл, чтобы вызволить ее.

— Отлично, — сказала Алектó. — А то мы были не совсем уверены в цели вашего появления здесь. Немало героев ухитряются улизнуть под каким-либо благовидным предлогом из Тартара — и потом шляются по Земле, забывают первоначальную цель приобретения тела и просто наслаждаются новообретенной телесностью.

Некоторое время они провели за беседой. Затем наступил час героям продолжать поиски Елены Прекрасной.

МАРЛО

Глава 1

Последний день сентября 1588 года — хоть и пасмурный, но теплый — оказался заметной датой в лондонском театральном календаре: вновь открывался театр «Роуз» в Саутуарке. Давали премьеру: пьесу «Трагическая история доктора Фауста» с прославленным Эдвардом Аллейном в заглавной роли.

Пьесе предстоял шумный успех у современников и большое историческое будущее, однако в тот сентябрьский день театр ломился от публики по другой, более прозаической причине — во время недавней вспышки чумы все лондонские театры были долгое время закрыты, и любая пьеса собрала бы полный зал изголодавшихся по развлечениям лондонцев.

Первые зрители заняли очередь за билетами еще до зари, а на рассвете начали стекаться ручейки желающих попасть в театр, причем в очереди оказалось множество приезжих из пригородов, даже из очень дальних. Упрямо морозящий дождь никого не отпугнул. Толпы народа ждали сигнала труб, который возвестит о начале спектакля.

Утром в день премьеры Мак и Мефистофель встретились в лондонской таверне «Развеселый утопленник» — просто внезапно заполнили собой пустые стулья за одним из столов. Подошедший на зов владелец заведения вытаращился на них весьма озадаченно и сказал:

— Любезные джентльмены, провалиться мне на этом месте, если я видел, как вы вошли в мою таверну.

— Это потому что вы самозабвенно любезничали со своей служаночкой, — добродушно хохотнул Мефистофель.

— Да нет же, сэр! Я стоял за стойкой, чистил медную утварь и болтал о том о сем с моей кухаркой госпожой Хенли, но краем глаза наблюдал за входной дверью и за всем залом!

— Так вы утверждаете, будто не видели, как мы сюда попали. Не хотите ли вы сказать, что мы с другом сооткались из воздуха и очутились здесь исключительно благодаря черной магии? — с вызовом спросил Мефистофель.

— Простите, я зарапортовался, — поспешно ответил владелец таверны. — В мое заведение можно попасть не прибегая к колдовству, дверь всегда гостеприимно открыта для всех достойных джентльменов. Что принести уважаемым господам?

— Бутылочку вашей наилучшей мальвазии, — сказал Мефистофель. — А вы чего желаете, доктор?

Мак еще как следует не опомнился от почти мгновенного переноса из Флоренции в Лондон с небольшой остановкой в Чистилище. Да и новая одежда, в которую мановением руки вырядил его Мефистофель, на этот раз сидела неудачно и жала под мышками. Внезапно очутившись за столиком в таверне рядом с Мефистоделем — так что таверщик рот разинул от изумления, — Мак несколько мгновений ошалело озирался, но затем к нему вернулась привычная нагловатая развязность.

— Малевасия — славное вино, отчего же и не выпить этой самой малевасии, — сказал он. — А что это там у вас на полке — вроде бы мясной пирог?

— Да, сэр, с голубиным мясом, отменно вкусный.

— Принесите... пару кусков, — попросил Мак несколько нерешительно и косясь на беса — он не был уверен, входит ли оплата обедов в командировочные участника Турнира.

— И полбуханки наилучшего пшеничного хлеба к жаркому, — добавил Мефистофель и осведомился с чарующей улыбкой: — Доктор Джон Ди случайно не заглядывал сюда с утра?

— Он обычно приходит чуть позже, ваша милость, — сказал владелец таверны. — Но сегодня должен быть обязательно — у нас нынче его любимые блюда: кулебяка с угрем и картофельное пюре. Такого лакомства он не пропустит. Тем паче может случиться, что ему не скоро доведется отвежать снова кулебяку с угрем — мадам

Молва говорит, что он отправляется ко двору богемского государя.

— А мадам Молва не успела шепнуть вам, что я человек покладистый, а вот мой друг так и рассыпает зуботычины направо и налево, когда ему долго не несут заказ?

Мак открыл рот возразить, но спохватился и промолчал.

— Несу, несу! — заторопился тавернщик. — Полли! Крути задком поскорее и тотчас обслужи джентльменов!

С этими словами он пошел прочь, явив взорам клиентов грязную тряпку для протирки стоки, торчащую из заднего кармана его широких панталон.

Оставшись наедине с Мефистофелем, Мак спросил беса, куда тот его привел и что случилось с Маргаритой.

— Маргариту я оставил в гостинной своего дома в Чистилище, — ответил Мефистофель. — Для выполнения поставленной перед тобой очередной задачи женщина тебе не понадобится. А находимся мы в Лондоне в 1588 году, который стал поворотным в истории Англии — и в вашей истории.

— В моей истории? — озадаченно переспросил Мак. — Что вы имеете в виду?

— Сегодня тот самый день того самого года, когда впервые играют знаменитую пьесу, рассказывающую о вашей жизни. Я, разумеется, говорю о «Трагической истории доктора Фауста», поставленной театральной труппой графа Ноттингемского с бесподобным Эдвардом Аллейном в главной роли. Впрочем, вы сами могли обо всем этом проведать, вызывая души умерших во время магических сеансов в Кракове — ведь умершим и будущее известно.

— Ах да... конечно же, умершие мне уже доложили, — сказал Мак, стараясь соответствовать своей роли и накидывая мантию учености. — Как я мечтал хоть через щелочку посмотреть эту прославленную пьесу обо мне самом! И вот вы переносите меня сюда, дабы я мог увидеть ее! Какая трогательная заботливость с вашей стороны, дорогой Мефистофель!

Мефистофель насупил брови:

— Я перенес вас сюда не затем, чтобы вы сидели в партере, сосали апельсин и аплодировали сказке, придуманной поэтом. Вы тут на работе.

— Я что, я не спорю, — торопливо сказал Мак. — Действительно, чего по театрам шляться... Так что мне надо сделать?

— Для начала внимательно выслушать меня, — начал было Мефистофель и прервался — служанка принесла пирог с якобы голубиным, а на вкус скорее воробьиным мясом, а также жаркое с якобы пшеничным хлебом, имевшим вкус овсяной лепешки. Разумеется, и мальвазия оказалась заурядным бордо. Чего еще ожидать от забегаловки на набережной Темзы в достопамятный год, когда одна чума, бубонная, посетила страну, а другая, едва ли не более опасная, так и не добралась до нее — испанский флот, знаменитую Непобедимую Армаду, идущую покорять Англию, сперва обездвижил штиль, а потом разметала и разбила в щепы буря.

После краткого исследования принесенной пищи Мефистофель брезгливо отодвинул тарелки.

— Итак, слушайте программу на сегодняшний день.

— Я весь внимание, — заверил Мак. — Сделаю все, лишь бы вам угодить.

— Пьесу, которую я упоминал, написал некий Кристофер Марло, — сказал Мефистофель. — Сегодня он будет присутствовать в зале. После представления, которому, кстати, суждено иметь оглушительный успех, он встретится для беседы с неким человеком.

— Ага! — воскликнул Мак, хотя понятия не имел, к чему клонит хитрый бес.

— Этот человек — его старый друг Томас Вальсингам, чей отец, сэр Фрэнсис, является государственным секретарем английской королевы Елизаветы, а также главой тайной канцелярии, которая рассылает шпионов во все страны Европы, чтобы выяснять истинные планы участников нынешней военной заварушки.

— Вальсингам. Понятно, понятно, — сказал Мак, пытаясь побольше выудить у Мефистофеля, говорившего пышно и долго, но вокруг да около. — Что прикажете сделать с этим типом? Могу набить ему морду или обобрать в темном подъезде — я на это мастак... Знаете, промежду занятиями магией иногда тешил себя разными приключениями...

— Нет, Вальсингама трогать не следует, — раздраженно прервал его Мефистофель. — Откуда у вас такие уголовные замашки, любезный доктор? Имейте терпение дослушать!

— Молчу, молчу.

— Вальсингам станет склонять Марло оказать очередную услугу секретному ведомству — в последнее время драматург подвизался в роли тайного агента. Марло согласится и в результате погибнет во цвете лет, не дожив даже до тридцати. Так вот, когда приятели переговоят, вам следует пойти за Марло, познакомиться с ним и убедить ни в коем случае не браться за предложенное Вальсингамом дело.

— Уж я у него отобью охоту, будьте спокойны, — обещал Мак. — Этот Марло хорошо владеет оружием? Мне лучше не идти к нему с голыми руками. Не сможете ли вы достать крепкую дубинку?

— Забудьте о дубинке! До сих пор никому не удавалось переубедить Кристофера Марло с помощью насилия. Как, впрочем, и с помощью слов. Вы просто изложите ему, к каким роковым последствиям приведет его согласие еще раз выступить в роли шпиона.

— А к чему это приведет?

— Пятью годами позже — тридцатого мая 1593 года — Марло встретится в одной гостинице с тремя изменниками, работающими на французского короля Генриха Третьего. Он попытается склонить всех трех — Ингрэма Фрайзера, Роберта Поули и Николаса Скереса — повиниться и предстать перед королевским судом в надежде на помилование со стороны Тайного Совета — в обмен на показания, изобличающие происки французской короны. Разоблачение совсем не входило в планы изменников, поэтому они схватили Марло и закололи его: нанесли смертельную рану над правым глазом глубиной в два дюйма. Потом они сочинили байку про то, что Марло, дескать, сам без понятной причины напал на Ингрэма Фрайзера и тот убил его случайно, спасая собственную жизнь. Вот так Англия и мир потеряют одного из величайших поэтов в возрасте лишь двадцати девяти лет. Проживи он дольше, сколько глубоких драм успел бы написать, разоблачая лицемеров и ходульную добродетель пустосвятов!

— До меня дошло, — сказал Мак. — Вы хотите любой ценой сохранить жизнь Марло.

— Э-э, нет, — возразил Мефистофель. — Я бы не стал заходить так далеко и говорить, что хочу долгих лет жизни Марло. Я просто обращаю ваше внимание на то, какую пользу он мог бы принести драматическому искусству, если бы прожил подольше.

— Но вы же точно наметили план моих действий!

— Наметил. Однако вы осуществите его лишь в том случае, если он вам самому понравится. В противном случае можете похитить волшебное зеркало доктора Ди. Не сомневаюсь, что вы слышаны о докторе Ди.

— Разумеется, — соврал Мак. — Но сейчас подробности о нем что-то не припоминаются...

— В Англии нет мага и некроманта искуснее доктора Ди, его имя произносят вполголоса наряду с именами Альберта Магнуса и Корнелия Агриппы. Он составлял гороскоп самой королеве Елизавете, притом по ее личной просьбе, а она женщина практичная, кому попало не доверится. В настоящее время доктор Ди уезжает ко двору богемского короля Рудольфа Второго. И берет с собой свое волшебное зеркало. Можете попробовать как-нибудь похитить это зеркало.

— А зачем оно мне?

— Хотя бы для того, чтобы с помощью его волшебной силы убедить Марло не работать шпионом на Вальсингама. Стоит Марло взглянуть в это зеркало, как он собственными глазами увидит в нем неизбежный кровавый итог своего нового шпионского приключения. А когда человек воочию видит свою смерть, он становится весьма покладист. Поспевайте за моей мыслью?

— Думаю, да, — кивнул Мак. — Но каким образом я добуду это зеркало доктора Ди?

— Дражайший, — промолвил Мефистофель, — я не собираюсь проделывать за вас всю работу. Попытайтесь выпросить у него. А если упрется, дайте ему вот это. — Мефистофель вынул небольшой предмет из внутреннего кармана своего черного плаща, завернул в алый шелковый платок и протянул мнимому Фаусту. После чего он поднялся и застегнул плащ с явным намерением покинуть своего собеседника. — Итак, пока прощайте,

Фауст. С нетерпением жду результатов вашей деятельности.

Мак ухватил его за рукав.

— Что еще? — насупил брови бес.

— Ваше демонское величество, было бы чрезвычайно любезно с вашей стороны оплатить счет...

— Разве у вас нет денег?

— Есть, но не хотелось бы тратить. Вы даете мне такие головоломные поручения, что не знаешь заранее, каковы будут расходы.

Мефистофель бросил пригоршню монет на стол и уже поднял руки для заклинания, чтобы исчезнуть, но спохватился, что не стоит привлекать излишнее внимание, и самым банальным образом вышел вон из таверны. Он прошел до первой безлюдной подворотни и незаметно исчез оттуда.

Тем временем Мак, не удосужившись взглянуть на него, положил в свою котомку предмет, завернутый в алый шелковый платок, скрупулезно отсчитал из брошенных Мефистофелем монет нужное количество служанке, сунул в карман остальные, осведомился у таверничка, где живет доктор Ди, и вышел на улицу.

Только тогда за перегородкой зашевелился молодой посетитель, сидевший за соседним столиком и закутанный в плащ до самого подбородка. Ни Мак, ни Мефистофель не заметили существа с лисьими чертами лица. Этот посетитель таверны, одетый в щегольской малиново-зеленый костюм, внимательно прислушивался к их разговору. Да, то был Аззи. Теперь он в задумчивости постукивал костяшками пальцев по столу, и его длинная верхняя губа медленно растягивалась в довольной ухмылке.

Аззи украдкой последовал за Мефистофелем в Лондон с надеждой разгадать загадку поведения демона. И теперь все разъяснилось — вот, оказывается, какую игру затеял Мефистофель! Он затеял большой обман! Раскусив его нечистый замысел, Аззи, несомненно, сумеет использовать это знание к своей выгоде. Но как именно? Аззи размышлял еще минуту-другую, и наконец его осенило.

Он тут же бесследно исчез из таверны. Ее владелец как раз нес счет и замер с разинутым носом, когда посе-

титель растворился в воздухе. Не беда, пусть здешняя публика отнесет эти чудеса на счет доктора Фауста из пьесы Марло. Аззи предстоит нешуточная, *гьявольская* работенка!

Он стремительно поднимался по небесным сферам, минуя пояса звезд, направляясь в вышние области, заселенные духами, где ему предстояло переговорить с одной своей подружкой, бывшей ведьмой.

Глава 2

— Нам не следует встречаться так вот открыто! — сказала Илит, пугливо озираясь по сторонам.

Но, похоже, она волновалась напрасно. Коктейль-бар под названием «Дух согласия», расположенный в толстенной черно-голубой стене Вавилона, неподалеку от храма Ваалу, слыл чем-то вроде нейтральной территории, где оперативники сил Тьмы и Добра время от времени встречались, обменивались информацией, заключали любовные сделки и подкупали друг друга.

Поскольку каждая из сторон считала, что в деле подкупа она искусней, то и эти встречи ни одна из сторон не запрещала.

Вавилон в те времена был приятным местом для всяческих развлечений — до того как нагрянули хетты и начали опустошение города, завершенное чуть позже Александром Македонским. Город славился насыщенной музыкальной жизнью, в обширном зоопарке в истинно райских условиях обитало великое множество экзотических животных, а вавилонские висячие сады были и вовсе уникальны — застывшая Ниагара зелени обрушивалась с высот верхнего города.

Хотя позже афиняне тщательно замалчивали этот факт, но долгое время Вавилон был интеллектуальной столицей древнего мира — местом, где финикийцы и евреи, бедуины и египтяне, персы и индусы могли интенсивно общаться и обмениваться мнениями в многочисленных кафе, ибо именно в Вавилоне был открыт секрет приготовления хорошего кофе — монополия на его варку была у нубийцев и эфиопов, которые с помощью кузнечных мехов пропускали водяной пар в котлах через

фильтры с молотым кофе. Одновременно Вавилон слыл и столицей гурманства — с несравненными шиш-кебабами, со знаменитыми до самой Асмары сдобными булочками с изюмом. А главное, Вавилон во времена расцвета был городом необычайной красоты — многоцветный, с великолепными дворцами, пышными общественными зданиями и изумительными храмами, — место проведения бесчисленных празднеств и воистину царских пиршеств.

Аззи и Илит встретились в вавилонском «Духе согласия» именно в эту пору высочайшего расцвета города.

— Не суетись, — сказал Аззи, — из-за нашей встречи свет не рухнет. Пусть мы и принадлежим к противоположным сторонам, отчего бы нам не общнуться время от времени? В том, что мы поболтаем и обменяемся парочкой-другой сплетен, никто не найдет ничего предосудительного!

Илит смотрела на Аззи с обожанием и все-таки с тенью недоверия. Смазливый черт, это у него не отнимешь! Рыжая, почти оранжевая шерстка на голове Аззи была коротко и ровно подстрижена; длинный тонкий нос придавал его физиономии некий дьявольский аристократизм, а резко очерченные губы чувственно дрожали и растягивались в чарующую улыбку. Было время, эти губы касались Илит так часто, что и теперь она смотрела на них не без некоторого томления. Да, ее сердечко все еще ныло по нему. Однако не поэтому она приняла приглашение встретиться в «Духе согласия». Илит знала, что сопротивляться такому соблазну, как чувство к Аззи, весьма полезно для закалки ее характера; к тому же ее приятно будоражили уколы прошлой страсти, у которой нет будущего, так как теперь всю свою любовь она отдавала ангелу Бабриэлю. Да, Бабриэль само совершенство — одно слово, ангел! — и любить его обозначает стоять на правильном пути. Однако в последнее время Илит исподволь тревожили тайные и, может быть, даже бесстыдные желания, не связанные с ее новым кумиром.

«Страхни соблазн, гони греховное!» — приказала Илит себе и вслух сказала:

— Ну, что новенького, Аззи?

— Все старенькое, — ответил Аззи, привычным кокетливым жестом передергивая плечами. — Лукавим помаленьку, подсиживаем да подзуживаем. Сама знаешь, что за жизнь у демонов.

— Кого обжегорил за последнее время? — спросила бывшая ведьмочка, а ныне ангел-практикант.

— Поверишь ли, практически никогошеньки не надул. Полный застой в моей жизни после того, как непрекаемые силы взяли и отстранили меня от проведения текущего Тысячелетнего Турнира.

— По слухам, Мефистофель вполне компетентный бес, — сказала Илит. — Можно не сомневаться, что он хорошо потрудится на благо вашей стороны.

— Можно не сомневаться. Как этот врун и прохиндей вцепился в случай проявить себя!

— Какой же бес не коварен? Такая уж должность.

— А я и не спору. Коварство — дело святое. Но наглый обман — это свинство, это не по правилам!

— Чтобы Мефистофель унился до банальной лжи — быть того не может! — сказала Илит. — Все кругом говорят про него, что он дьявольски честный черт.

— Ладно, может, я что-то не так понял, может, он и не занят обманом.

— Что ты не так понял? — выпрямилась на стуле Илит и навестила уши.

— Да так, пустяки... — протянул Аззи, дуя на кончики своих ногтей и постукивая ими по лацканам своей огненно-красной вельветовой куртки.

— Аззи, не дразни меня! На чем ты его поймал?

— Ни на чем. Просто подслушал кое-что...

— Что именно?

— Я слышал, как этот двуличный Мефистофель инструктировал Иоганна Фауста, участника в нашем состязании между силами Света и Тьмы.

— А почему бы ему не инструктировать Фауста? Ведь тот должен знать программу действий!

— Боюсь, что с помощью Мефистофеля он знает программу слишком хорошо! — воскликнул Аззи.

— Кончай ходить вокруг да около! Выкладывай, на что ты намекаешь!

— По правилам Мефистофель обязан предлагать участнику варианты выбора, так?

— Это известно всем.

— А я слышал, как он советовал Фаусту, на каком поступке остановить выбор и как именно добиться выполнения задуманного.

— То есть ты обвиняешь его в сознательном натаскивании участника Турнира?

— Именно. Короче говоря, забудь, милочка, об участии свободной воли в этом Турнире. В нем участвует одна воля — железная воля Мефистофеля!

Пока Илит таращилась на него с открытым ртом, Аззи со всеми подробностями передал разговор, подслушанный им в лондонской таверне, — как Мефистофель велел знаменитому чернокнижнику спасти Кристофера Марло, а также подсказал, каким образом это сделать.

— Аззи, ты просто хочешь посеять смуту... — пролепетала Илит.

— А я и есть вечный сеятель смут, — согласился Аззи. — Но то, что я рассказал только что, — чистейшая правда, я ни вот столько не приврал!

Илит какое-то время молча переваривала его слова. Она сделала два глотка из бокала с охлажденным нектаром — этот хмельной напиток делался в Вавилоне из амброзии до того, как Александр Македонский сравнял с землей крепостные стены города и истребил все запасы нектара и все питейные заведения, где его пили, — очевидно, в рамках тогдашней кратковременной антиалкогольной кампании (отчего всем антиалкогольным кампаниям всех времен предназначается такая короткая жизнь?).

Наконец Илит спросила:

— Если все сказанное тобой — правда, то дело обстоит крайне серьезно.

— А я про что толкую? Но ты понимаешь, что я в весьма затруднительном положении. Мефистофель мой коллега, мы с ним вроде как заодно, и было бы некрасиво с моей стороны настучать на него Верховному Совету, будь он даже трижды не прав. Однако и во мне, Илит, бьется сердце, исполненное горячего стремления к правде и справедливости — стремления не менее горячего, чем твое!

— Брось! — отмахнулась Илит. — Ты и все ваше бесовское племя об одном и думаете: как исказить истину и сотворить зло!

— Да, но с какой целью мы искажаем истину и творим зло? Чтобы воссияла правда! — воскликнул Аззи, привыкший прибегать к парадоксам всякий раз, когда обыкновенная логика была против него. — Простое мы, нечистая сила, идем к правде своими путями, хотя цель у нас с вами общая!

Илит не согласно мотнула головой, но ее улыбка говорила о симпатии к Аззи.

— Ты всегда был *чертовски* красноречив, этого у тебя не отнимешь!

— Демон, который не лжет во имя красоты, не заслуживает названия духа зла. Но мой рассказ о Мефистофеле — неприукрашенная правда.

— И все же я не могу взять в толк, чего ради Мефистофель пошел на нарушение правил? — произнесла Илит. — Если он спасет руками Фауста Кристофера Марло, это будет по-настоящему добрым делом — ведь драматург проживет дольше и успеет написать еще несколько прекрасных пьес!

— Ты видишь лишь одну сторону медали, — возразил Аззи. — Поскольку Марло отчаянный нигилист и подвергает осмеянию все добродетели, то и его новые пьесы будут служить возвеличению порока, а не прославлению добродетели.

— Аззи, — сказала Илит, — ты столько наговорил, что мне следует все хорошенько продумать и решить, как использовать полученные от тебя сведения.

— Используй по своему усмотрению, — посоветовал Аззи. — Я свою совесть очистил. Что, допиваем и в разные стороны? Думаю, у тебя тоже хлопот полон рот.

Илит кивнула, допила охлажденный нектар, и оба вышли из вавилонского питейного заведения.

А за перегородкой зашевелился тот, кто сидел в соседней кабинке и подслушивал. Это был совсем маленький человечек с русой бородицей, одетый в толстую кожаную куртку и в сапогах с голенищами до бедра.

— Хи-хи-хи, теперь я тебя насквозь вижу, лисья морда! — тихонько пробормотал Рогнир — потому что это был именно он. — Вот куда ты клонишь! Насквозь тебя вижу, Аззи! Эти козни ты затеял в корыстных интересах и своего брата беса продал, чтобы выгадать на падении другого!

С тех пор как Аззи насильно уволок его расчищать поле после шабаша ведьм, все в жизни Рогнира пошло кувырком. На пирушку гномов в Монпелье он, конечно, опоздал. Там собирались разные кланы, но к его приходу все разошлись. Он увидел лишь раскиданные по залу пустые винные бочонки. По дороге домой ему пришлось рыть много новых туннелей, а дома поджидала новая беда — кто-то в его отсутствие забрался в сокровищницу и унес все добро. Разумеется, сокровища были зарыты еще в нескольких местах — ни один порядочный гном не зарывает все свои драгоценности в одном месте; однако потеря была все же существенной. У Рогнира сложилось ощущение, что его невзгодам теперь не будет конца.

Грубое обращение Аззи на Ведьмином шабаше тоже все еще не давало покоя гному. Он мечтал отомстить обидчику — о, у гномов долгая память на обиды! Скорее горы разрушаются водой и выветриваются, чем гном забывает обиду.

И теперь Рогнир довольно потирал руки: у него есть сведения, с помощью которых можно основательно подгадать паршивому черту! Надо только правильно использовать услышанное.

Поразмышляв, он составил план действий, вышел из таверны и направился прочь из Вавилона. За стенами города он нашел вход в подземную систему туннелей, прорытых гномами, — эти туннели ведут куда угодно как в пространстве, так и во времени. Рогнир чрезвычайно спешил — у него в голове созрел отличный план.

Глава 3

Харон принял в тот день на борт довольно занятных покойников. Он подобрал троих рыбаков, утонувших у берегов Спарты, где их застигла пришедшая с севера внезапная буря.

У рыбаков не оказалось ни гроша, чтобы оплатить переправу через Стикс, но они божились, что за них заплатит двоюродный брат, некий Адельфий из Коринфа, который заведует благотворительным фондом обеспечения паромной перевозки мертвых душ. Они пояснили, что требуемый с каждого за переправу один обол уже помещен на банковый счет в Коринфском филиале Главэллинбанка. Харону остается только зайти туда или послать своего представителя, и можно в любой момент получить сполна плату за их перевоз.

Харону это пришлось очень не по душе. Он был старомоден: деньги на бочку, и никаких кредитных карточек. Видать, эти рыбаки норовят его надуть и проехаться бесплатно!.. Сперва Харон наотрез отказался перевозить сомнительных пассажиров. Но в его команде, набранной из мертвых душ, был один банкир по имени Озимандия — однофамилец царя, убитого на Корфу во время мятежа, зачинщиками которого были греческие шпионы. Этот красnobай убедил его, что рыбаки предлагают разумную сделку. И все равно Харону это было не по душе. Старик крепко отставал от времени — он очень удивлялся, что в тех странных портах странных городов, куда ему временами приходилось заходить для починки парома, отказывались принимать оболочки и насмешничали: дескать, ну и чудные у тебя деньги, старикан, такие нынче не в ходу!

Но это были досужие сетования. Настоящая беда заключалась в том, что паром пропорол днище на камнях и сел на мель в том месте Стикса, где никаких камней и мелей сроду не водилось.

Место, куда паром мертвых занесло явно по чьей-то злой воле, было совсем гиблое.

Громко и противно хлюпала вода в болотистом затоне. Кругом темень — на хмуром низком подземном небе светила тощая подземная луна. Неутомимый легкий бриз пованивал дохлой рыбой, и белые баражки невысоких волн ошлепывали борта корабля. Поблизости на берегу на корявых деревьях висело несколько удавленников, они размахивали руками и умоляли снять их с веток. Но у Харона на борту своих покойников было более чем достаточно: десятка три на его не очень-то большом суденышке. Одни тени резались краплеными картами в дурака на полубаке, другие, по пояс голые, сидели и болтали, свесив ноги за борт, третьи спрыгнули в воду и играли в поло в болотной жиже — с визгами и криками, причем мячом служила чья-то мертвая голова, которую они выудили из реки.

Харон направился к Фаусту и накинулся на него:

— Это все ваша вина! Что теперь будем делать?

— Я тут бессилен, — отвечал Фауст, — это вина проклятого демона Аззи. Мерзавец наворожил мне несчастье! Или подсунул некачественного духа странствий.

— Ну и вышвырните этого духа за борт к такой-то бабушке! — завопил Харон.

— От этого будет совсем худо, — сказал Фауст, огорченно качая головой.

— Куда уж хуже? Вы не философствуйте, доктор, а решайте, как нам быть, и побыстрее! А то за борт вышвырнем вас!

Фауст невольно взглянул в покрытые рябью черные воды Стикса. Под ними копошились какие-то неясные тени — Фауст знал, что под водами Стикса существует целый мир, совершенно неизвестный человечеству. Он испытал укол соблазна попасть в него. Может, и впрямь плюнуть на все — ведь жизнь суета сует и всяческая суета! — и нырнуть в эти воды забвения? Пусть бросят его за борт — какая разница, как сдохнуть...

Есть что-то извращенно-упоительное в такой судьбе — стать вечно утопающим в этих водах, присоединиться к сонму жителей здешнего илистого дна!

Тут он вскочил на ноги и стряхнул безобразные мысли. Да разве я не Фауст? Смеет ли Фауст предаваться унынию и отдаваться в лапы отчаяния? Оставим это натурам более мелким. Силой своего духа он найдет выход из самой безвыходной ситуации!

И вдруг он ощутил как бы слабый свет в туманной дали. Ужели над водами Стикса возможно увидеть что-то радующее глаз? Фауст прищурился и определил источник своей внутренней радости: из тумана выплывала лодчонка, а в лодчонке сидел человечешка и ловко-ловко, быстро-быстро орудовал веслом, — и именно от него исходил тот свет надежды, который ощутил Фауст.

— Какой же это наглец посмел заплывать в мои воды? — сказал Харон.

— Дружище, — усмехнулся Фауст, — вы пока что не приватизировали Стикс!

Вскоре лодчонка причалила к борту хароновского паром. Гребцом оказался знакомый нам гном Рогнир. На нем была оранжевая ветровка, густую шевелюру скрывал большой капюшон.

— Эй, на судне! У вас среди пассажиров случаем нет доктора Фауста?

— Есть, черт бы его побрал, — сказал Харон. — А ты кто такой?

— Меня зовут Рогнир. Я прибыл из совсем другого мира, но вас я знаю. Здорово, Харон! Чего ради вы заплыли в эту гиблую заводь? По пути сюда я видел пристани и гричалы, переполненные мертвыми душами, которые жаждались переправы! Они шумят и беснуются, и у всех в руках по оболу.

— Пропади все пропадом! — запричитал Харон. — Ошиваюсь тут, а бизнес стоит! Мой паром в таком неподобающем месте потому, что один гад наслал на него проклятие — думаю, заговорил мое рулевое весло. Короче, Рогнир, взбесилось мое дорогое суденышко и пошло кругами, кругами, и набрело на эту мель, единственную на сто миль, и засело намертво, как поп в трактире за свиной бок. А тебя какая нелегкая принесла в эти края?

Рогнир коротко пояснил, что разыскивает Фауста, для которого у него очень важные новости.

— Я подслушал разговоры демонов. Один из них — Аззи Эльбуб, даже по адским стандартам прохиндей из прохиндеев. Слыхали о таком?

— Я его встречал, — сказал Фауст. — Он норовил сбить меня с пути истинного: не дать мне выполнить задуманное. А замыслил я занять свое законное место в Турнире между силами Света и Тьмы, в коем я могу выиграть искупление грешному человечеству и стяжать бессмертную славу для себя лично. Сверх того сей прощельга подсунул мне бракованные компоненты для заклятия, в результате чего явился дух странствий с какой-то придурью, и этот дух-шизофреник забросил судно Харона в гнусную болотину!

— Сдается мне, я вам могу пособить, — сказал Рогнир. — Вот, возьмите.

Гном протянул Фаусту спутанный моток веревки.

— Что это такое? — спросил Фауст.

— Волшебная развязка. Распутайте узел, и все дурные чары развеются как дым.

Глава 4

Когда они подошли к лондонскому дому доктора Ди, Мак спросил:

— Ты уверена, что поняла все мои наставления?

— Думаю, да, — сказала Маргарита. — Но мне твой план не по сердцу.

— Не рассуждай. Делай, как я велел, и увидишь, что все закончится наилучшим образом.

Несмотря на подавленный вид, Маргарита была, как всегда, очаровашкой. Мак не жалел, что упросил Мефистофеля прислать ее в Лондон, ссылаясь на то, что она будет ему подмогой. Вымытые пушистые каштановые волосы отливали здоровым блеском, свежее зеленое платьице со вставками из канифаса в крупный горошек смотрелось просто очаровательно. Мак особо проследил, чтобы девушка была сегодня при полном параде.

Они стояли у странного горбатенького ветхого домика с закрытыми ставнями — со стороны дом напоминал огромного старого спящего кота. И этот кот разлегся в квартале с далеко не лучшей репутацией. Это был лабиринт темных улочек печально известного Тортингхэма; жил там простой люд, а славился он своими притонами и воровскими хазами. Район станет фешенебельным лишь много позже — к досаде изгоняемых из него карманников, живорезов, плутов и просто бездельников. В этаким-то квартале и поселился доктор Ди.

Сейчас доктор Ди, высокий угловатый мужчина в докторской мантии, сидел в гостиной и проглядывал древний фолиант, полный занятых и позабытых нынче сведений. Доктор оторвался от чтения и поднял голову.

— Келли! — окликнул он приземистого широкоплечего человечка в меховой шапке, надвинутой на самый лоб. Это был чрезвычайно способный медиум Эдвард Келли — слабый здоровьем ирландец из графства Лимерик. Он сидел в другом конце комнаты и разматывал клубок пряжи.

— Да? — отозвался он, поднимая глаза от пряжи.

— У меня ощущение, что кто-то намерен подняться к нам по лестнице, — сказал Ди.

— Пойти и взглянуть? — спросил Келли.

— Нет, сперва посмотри на гостей своим духовным оком. У меня дурные предчувствия по поводу этих посетителей.

Келли протянул руки и придвинул к себе стакан с водой. Он интенсивно помешал воду указательным пальцем и пристально уставился на маленький водоворот в стакане. На стенках водоворота замелькали причудливые образы, призраки предметов и обрывки видений, которые змеились и растекались струйками дыма. Келли вгляделся еще пристальнее и увидел мужчину и девушку — оба были объаты нимбом загадочности.

— К нашей двери приблизились двое, — сообщил он доктору Ди. — Весьма странная парочка, хотя трудно сказать, в чем состоит их странность. Мужчина высок и русоволос, а женщина — красавица с копной каштановых волос. Явно не оборванцы.

— Если они не кажутся тебе опасными, тогда мы их примем, — сказал доктор Ди. — А то у меня какое-то неприятное чувство по их поводу.

— Если у вас сомнения, — укоризненно произнес Келли, — зачем вы обращаетесь ко мне? Взглянули бы в свое волшебное зеркало и узнали всю их подноготную.

— За волшебным зеркалом надо идти в другую комнату, — ответил доктор Ди. — Право же, не стоит дуться на меня из-за таких пустяков.

— А я и не дуюсь, — сердито проворчал Келли. — С чего вы взяли, что я на вас обиделся?

— Потому что вы смотрите волком.

— Никаким волком я не смотрю, — сказал Келли. — На что мне жаловаться? Разве на то, что я преданной собачкой следую за вами по всей Европе, когда вы выступаете с показательными сеансами магии вперемежку с

цирковыми номерами? И на то, что мой выход между выступлениями собак, которые ездят на пони? И на то, что всю черную работу продельваю я, а вы пожинаете аплодисменты?.. А в остальном мне не на что дуться!

— Остыньте, Эдвард, — сказал доктор Ди. — Мы уже спорили прежде на эту тему. Лучше пойдите встретьте наших гостей.

Продолжая ворчать, Келли сам пошел открывать дверь — ведь слуги в нужную минуту никогда не дозовешься. Не прибегая к волшебному дару всевидения, Келли мог сказать, что слуга доктора Ди сейчас или дрыхнет в своей каморке под крышей или нежит старые раны, полученные, по его рассказам, в битвах под началом Черного Принца, а как там на самом деле было — Бог его знает. Спускаясь по лестнице к двери, Келли припоминал родную Ирландию, ее зеленые болотистые просторы, тамошних молодок, с которыми приятно было поболтать, встретив по дороге на горные пастбища, где паслись отары овец. Келли огорченно мотал головой: молчи, память, молчи...

Он открыл дверь.

— День добрый, — сказал Мак. — Если вы не возражаете, я хотел бы поговорить с доктором Ди.

— На предмет чего?

— Мои слова предназначены для его ушей.

— То, что не услышат мои уши, до его ушей не дойдет

— Нет, мои слова только для его ушей, — упрямо сказал Мак.

Келли пожал плечами, провел его в гостиную и сказал доктору Ди:

— Этот человек утверждает, что пришел с чем-то очень важным и очень секретным.

Мак энергично закивал головой и расплылся в любезной улыбке.

— Мы хотели бы приобрести у вас волшебное зеркало, — сказал он.

Густые брови доктора Ди высоко взлетели:

— Продать мое волшебное зеркало? Сэр, вы, должно быть, рехнулись! Зеркало такой магической мощи и такой способности предсказывать будущее не продается словно мешок лошадиного корма. Мой дорогой сэр, на это зеркало зарились первейшие европейские монар-

хи. Скажем, польский король предлагал мне за него обширнейшее поместье неподалеку от Владивила — с крепостными крестьянами и лесами, полными диких кабанов, не говоря уже о графском титуле и возможности стать супругом очаровательнейшей графини Радзивилл. И я отверг это предложение со смехом, дражайший господин, с презрительным смехом! Потому что предлагать кучку земных благ за мое зеркало, в котором видны невидимые миры, которое прорицает будущее, — это все равно что предлагать богам обеды.

— Разве ж я сам не понимаю! — сказал Мак. — Поэтому-то я и принес для обмена вещь столь же бесценную, как и ваше зеркало.

— Вы шутите! Что это такое?

Тут Мак вынул из кармана вещицу, полученную от Мефистофеля — по-прежнему завернутую в алый шелковый платок.

История умалчивает о том, что именно оказалось в этом платке и как отреагировал на увиденный предмет тщеславный и любящий дорогие побрякушки доктор Ди. Одно известно достоверно: когда десять минут спустя Мак и Маргарита вышли из дома почтенного доктора и направились в Саутуарк, Мак нес под мышкой завернутое в замшевое покрывало волшебное зеркало.

Глава 5

Публика вливалась в театр неспешным ручейком. Даром что театр вмещал не более трехсот зрителей, его осаждали тысячные толпы. Оказалось, часть желающих попасть на премьеру приехала не просто из пригородов, а из далеких провинций. Причем все в теплых плащах — к вечеру стало довольно прохладно.

Состав зрителей был весьма пестрый. В партере и ложах среди состоятельных дворян и видных вельмож мелькали лица сливок аристократии — тут были лорды Салсбери, Дункерк, Корнуэллис, Фавершэм. Одни пришли с женами, другие с содержанками, которые соперничали количеством бриллиантовых украшений с законными супругами. Были тут и малолетние отпрыски блистательных родов, пришедшие с родителями или наставниками, как восьмилетний лорд Довер, или, подобно болезненному семилетнему лорду Висконт-Делвиллю, в сопровождении бонн и врачей.

Разумеется, помимо самой изысканной публики, разодетой в пух и прах, хватало в театре людей незнатных, занимавших задние ряды: дородные торговцы сукном с Мичинг-роу, долговязые владельцы аптек из окрестностей рынка Чипсайд и улицы Пэл-Мэл, где их заведения соседствовали с множеством аристократических клубов, а также костлявые торговцы съестными припасами с Пикадилли.

Наконец, на галерке шумела уж совсем простая публика — вплоть до солдат из направляемого на войну в Нидерланды войска, щеголявших шапками с диковинными перьями, и прощелыг с физиономиями прожженных бродяг, которые свои билеты, надо думать, купили

на деньги, отнятые у кого-нибудь в темном переулке. Среди публики было немало людей духовного звания, пришедших не только из любви к искусству, но и с целью не пропустить пьесу, по слухам, в высшей степени богохульного содержания, — чтобы осудить ее в ближайшей воскресной проповеди, посвященной сокрушительной критике кощунственного содержания «Трагической истории доктора Фауста».

Весь этот разнообразный народ или чинно рассаживался, или задиристо толкался в проходах, гудел, плевал на пол, покупал у разносчиков апельсины, вареные яйца и пакетики со сладостями, таращился по сторонам и задерживался взглядом на ложах. Театральное здание имело овальную форму, а от сцены шел помост, выдвинутый далеко вперед почти до последних рядов. Все было предельно оживлено, радостно приветствовали знакомых, перекликались и пересмеивались.

— Гляди-ка, и Гарри тут!

— Здоров, Шаффрон!

— Ба, не иначе как Мелизанда и Каддлз!

И все в таком же роде.

Простому народу приходилось платить за вход три пенса и полпенни — труппа графа Ноттингемского играла небесплатно. Но платили безропотно, с легкой душой — как-никак праздник, гулять так гулять! Тем более когда еще придется отвести душу? Если, как предрекали пессимисты, Великая Армада пристанет к берегам Альбиона и высадит многочисленный десант, а тот разгромит английскую армию, то с пенсами и шиллингами будет покончено, счет пойдет в реалах. Не лучше ли просадить денежки заранее, не дожидаясь катастрофы?

Итак, в зале, залитом светом бесчисленных свечей, собрался цвет лондонской аристократии и купечества, а также разношерстная публика низкого происхождения — людей повидать, себя показать, посудачить, поострить над неудачами актеров, а может, и пролить слезу над судьбой героев пьесы.

Под мелодичные рулады труб Эдвард Аллейн вышел на сцену.

Молодой, но уже лысеющий Уил Шекспир отметил про себя упоительность мгновения перед началом спектакля, когда разнузданно шумевший зал на минуту

благоговейно притих — приумолкли даже юные фаты и их смешливые соседки.

В оловянных чанах, установленных на треногах по периметру сцены, зажгли смесь магнезии и лигроина, что было новшеством в освещении сцены — прежде, на заре английского театрального искусства, в медных горшках жгли тростник. Огни, зажженные на сцене, были последним сигналом к началу спектакля. Публика напряженно сосредоточилась, и в тишине раздалась начальная звуки короткой увертюры, исполняемой небольшим оркестром. Первыми вступили гобой.

Декорации на сцене изображали город Виттенберг, каким он выглядел лет сто назад. Причем город был воссоздан более или менее реалистично, если не считать того, что дозорная башня, где Фауст должен был встретить духа Земли, зловеще накренилась влево. Что и говорить, искусство оформления сцены находилось тогда на весьма низкой ступени и прочные, добротные декорации стали строить лишь через полтора столетия.

Покуда занавес поднимался, публика усиленно откашливалась — было самое время первых осенних простуд — и пришаркивала ногами (к слову сказать, обувь большинства присутствующих, отчаянно заляпанная грязью, представляла весьма неприглядное зрелище — в тогдашнем Лондоне, где было так мало мостовых, осенняя слякоть становилась сущим кошмаром для тех, кто не располагал каретой). Теперь грязь с сапог и башмаков сыпалась на пол, усеянный яичной скорлупой, апельсиновой кожурой и ореховой скорлупой — но это все пустяки, главное, народ пришел развлечься от души в этот мрачный год чумы и беды.

Мак появился в зале с опозданием, извиняясь направо и налево, пробрался к свободному креслу и рухнул в него — слегка запыхавшись, бережно прижимая к себе замшевый сверток с волшебным зеркалом.

Маргарита села рядом с приятным девичьим смешком. Она предвкушала занятное зрелище.

— Я первый раз в театре! — шепнула она Маку и покраснела. — Будут рассказы рассказывать — как наши парни рассказывают на завалинке?

— Что-то вроде того, — ответил Мак. — Только тут рассказы не рассказывают, а разыгрывают — актеры показывают действие.

— Случается, актеры и рассказывают, долго и нудно, — вмешался в разговор их сосед.

Мак повернулся в его сторону и обмер. Рядом с ним сидел мужчина средних лет, крепкого сложения, румяный, его темные глаза смотрели пронизательно, и в умном лице было что-то ястребиное.

— Фауст! — тихо выдохнул Мак.

— Он самый! — сказал его сосед. — А ты гнусный самозванец!

— Тихо там! — прикрикнул кто-то в переднем ряду. — Не видите, спектакль уже начался!

На сцене Эдвард Аллейн вышел на край помоста, широким жестом снял шляпу и принял картинную позу, готовый к первому монологу.

— Обсудим дела позже, — сказал Мак.

— Тсс! — зашипел все тот же человек спереди.

Тем временем на сцене хор завершил вступление и удалился, а Эдвард Аллейн, в дорогом малиновом стихаре и с позолоченным крестом на шее, произносил:

*Теперь, когда унылый взгляд Земли
В тоске по влажным взорам Ориона...*

— Обсуждать нам нечего! — сказал Фауст. — Просто с настоящего момента я занимаю свое место, а вы проваливайтесь на все четыре стороны.

— Черта с два! — отрезал Мак.

Тут публика усиленно зацыкала и завозмущалась — кому интересно слушать перепалку между парой наглецов!

— Заткнитесь!

— Заглохните!

— Чтоб у вас языки поотсыхали!

Раздались и другие любезности в том же духе.

Фауст и Мак вынуждены были замолчать — оба боялись, как бы правда не вышла наружу, если их потащат вон из зала. Поэтому они только искоса с ненавистью поглядывали друг на друга, а их спутницы, Маргарита и Елена Прекрасная, похлопывали своих кавалеров по руке и шепотом призывали остыть.

А на сцене уже завершился диалог Фауста с семью Смертными Грехами. Актеры, играющие их, остались на

помосте, в пестрых костюмах, с размалеванными лицами, и ученый доктор беседовал с чередой бесов:

Мак ничего перед собой не видел. Его ум работал с невероятной быстротой, продумывая обстоятельства Турнира и плачевную ситуацию, в которую он попал. Что же делать? Мак уже осознал всю серьезность аферы, в которую ввязался. Поначалу, когда он вломился в жилище Фауста в Кракове и с ходу дал согласие на предложение Мефистофеля, до него как-то не доходило, сколь велики ставки, а теперь вдруг стало ясно, что, вылетев из игры, он на самом деле очень и очень много теряет. Итак, явился настоящий Фауст и заявляет о своих правах. Но Мак чихал на его права! Своя рубашка ближе к телу, и свой интерес Маку был важнее интересов Фауста, а Маков интерес был один — *стать* Фаустом. Он уже прочно в роли Фауста, и теперь самозванец — этот Второй, который уже утратил право соваться со своими правами.

Для себя Мак все уже решил, но оставался вопрос, как избавиться от этого незваного Фауста, чтобы тот не путался под ногами и не мешал завершить начатое. Если он позволит Фаусту выпихнуть себя из Турнира, он просто перестанет себя уважать!

Чем, чем можно прищучить этого типа, наступающего ему на пятки? В чем он сильнее настоящего Фауста? Как настоящий стратег, Мак мучительно искал слабину в обороне противника и думал, когда и чем его сразить.

И тут он вспомнил о замшевом свертке, который он по-прежнему прижимал к своему боку. Волшебное зеркало доктора Ди!

Стоит ему взглянуть в него, и он узнает все-все про будущее и как ему с честью выйти из этого противостояния с Фаустом.

Мак поспешно вынул зеркальце и только хотел взглянуть в него, как на сцене раздался громкий хлопок взрыва, над ней взмыло облако дыма и полыхнула дьявольская молния. Мак застыл с открытым ртом — знакомая сценка, так появляется Мефистофель!

И действительно из клубов дыма выступил высокий бес, поправляя фракную пару, прошел на середине сцены и зашарил глазами по залу. Найдя Мака среди зрителей, он рывкнул:

— Зеркало!!!

— Не беспокойтесь, оно у меня, тут! — прокричал в ответ Мак.

— Немедленно разбейте его! — приказал Мефистофель.

— Что вы говорите? — ошарашенно переспросил Мак.

— Я говорю, уничтожьте его сей же миг! Тут у нас приняли постановление: если вы поглядите в это зеркало, весь Турнир пойдет насмарку, потому что его участники не имеют права знать грядущие события! Вас дисквалифицируют! Результат признают недействительным!

Тут публика, слушавшая их диалог затаив дыхание, стала приходить в себя, задвигалась, зашумела — как зверь, который чует неладное, но не понимает, откуда грозит опасность. Под ногами потрескивала скорлупа; в ропоте, пробежавшем по залу, Мак инстинктивно почувствовал то зловещее напряжение и оторопь, которые предшествуют вспышке слепой всесокрушающей ярости госпожи Толпы.

Самое время уносить ноги! Мак вскочил и, наступая кому-то на башмаки, заторопился к проходу между рядами. Лучше убраться из этого места, пока не случилось что-нибудь по-настоящему страшное!

Видно, ощущение, что театр — место заколдованное, где можно в любой момент ждать самых странных и самых необычных событий, — это ощущение родилось едва ли не с первыми театральными постановками, а на премьере «Трагической истории доктора Фауста» произошло такое, что лишь подтвердило легенду о том, что в театральном зале случаются престранные и даже жутковатые события.

Мargarита семенила за Маком, вцепившись в рукав его костюма и боясь потерять своего спутника в толпе — многие зрители уже вскочили и побежали к проходам.

А причина для паники была.

Один из зрителей — на вид простак, а на деле приметливый малый! — на весь зал заявил, что на сцене предполагалось наличие семи бесов, но он пересчитал чертей и: «Сами видите, господа, их там восемь! Откуда восьмой-то взялся? В программке их семеро!»

Это вызвало еще больший переполох. Кто плохо видел, тут же водрузил очки в деревянной оправе на нос.

Ежели актеров, играющих бесов, семь, а на сцене бесов восемь штук — это что же? Выходит, один — настоящий?

Не нужно быть ученым философом, каким-нибудь Фомой Аквинским, дабы понять жуть происходящего. Любой здравомыслящий человек мигом смекнет, что вот этот высокий худой мужчина с рожками и в необычной парадной одежде куда более похож на дьявола из ночных кошмаров, чем другие бесы — там сразу видно, что это актеры с разрисованными лицами, в неуклюжих огненно-красных одеяниях, больше похожих на мешки и в рваных башмаках.

Когда реальность восьмого беса дошла до большинства зрителей, чувство «а не пора ли убраться отсюда под добру-поздорову?» стало всеобщим, и бегство из зала стало повальным.

И в бушующей и орущей толпе, одержимой желанием вырваться из театра-западни, в этой озверевшей толпе уже мало кто заметил, что на сцене появился *девятый бес*. Этот новенький физиономией смахивал на лису, а одет был в безупречный светлый смокинг и также светлые мягкие кожаные туфли. На его шею был наброшен пестрый шарф с тибетскими магическими знаками.

Кое-кто в толпе, спасающейся бегством, все же заметил появление новой фантастической фигуры, и это усилило панику до пределов сумасшествия.

— Не потеряй зеркало! — орал Аззи вдогонку Макку. — Никогда не знаешь, какая вещь со временем пригодится! А зеркало вам непременно понадобится в продолжении Турнира!

— Не цепляйтесь за зеркало! — в свою очередь вопил Мефистофель. — Это лишь один из вариантов вашего Поступка!

— Если это один из вариантов, — норовил перекрыть его голос Аззи, — то какое вы имеете право влиять на выбор?!

— Я не влияю! — огрызался Мефистофель. — Я просто советую не глядеть в зеркало самому, иначе это сведет на нет результаты Турнира: и силы Тьмы и силы

Света будут в равной степени поставлены в дурацкое положение!

Публика неистово рвалась к выходу: солидные дамы пускали в ход ногти, щипались и толкались, джентльмены отпихивали дам, ругались как извозчики и затевали драки. Оркестр заиграл старинный танец, чтобы успокоить страсти. Куда там, уже ничто не могло остановить ошалевшую толпу. Все спешили вон в ритме еще не изобретенного вальса.

Глава 6

Пока в театре творилось все это безобразие, гном Рогнир сидел в подземной комнате отдыха в клубе своего клана и, так сказать, выращивал в уме свинью, которую собирался подложить бесу по имени Аззи.

Рогниру страстно хотелось родить план поковарнее и устроить самую пакостную пакость треклятому бесу. Не только потому, что он терпеть не мог этого хвата с лисьей мордой. Нет, Рогнир получал утонченное интеллектуальное удовольствие от сознания, что может сбить хоть немного спеси с самовлюбленного черта. Что и говорить, чертей Рогнир недолюбливал, особенно чертей с лисьими рылами, а уж одного — с лисьей физиономией и с лисьими повадками — и вовсе на дух не выносил.

Поставить демона на место — о, ни один уважающий себя гном, в жилах которого течет ихор, а не водица, не упустит такой возможности! Вот и Рогнир спал и видел, как бы подложить свинью какому-нибудь бесу. Просто так, из спортивного интереса. Если гному от этого была выгода — что ж, тем лучше!

Беда заключалась в том, что он толком не понимал, как использовать ненароком подслушанное. Ясно одно: Аззи плетет интриги за спиной своего коллеги Мефистофеля. Но в чем заключаются эти интриги? Чем он занят? Правильнее сказать, чем заняты оба эти беса? Кстати, что это за Великий Тысячелетний Турнир? (Как вы видите, гномов редко информируют даже о крупнейших мировых событиях.)

Рогнир уже настучал обо всем Мефистофелю и теперь вынашивал новую идею. Он сидел на поганке — большущей оранжевой поганке с ярко-желтыми пятна-

ми, ядовитой-преядовитой — только гномы могут есть их и не помирать в корчах. В другое время Рогнир мог бы взять и съесть этот предмет мебели, но сейчас он думал не о еде, хотя и жамкал губами. Однако это бессознательное пожевывание обозначало, что у него приступ вдохновения.

— То, что я доложил и Фаусту и Мефистофелю о происках, творимых за их спинами, — это коварный поступок, — приговаривал Рогнир. — Но теперь я должен поступить архикуварно. А для этого я сейчас перенесусь в те области неподалеку от эмпиреев, где, по всеобщей молве, обитают духи Света...

Не успел гном закончить свою речь, как гномино колдовское могущество уже подхватило его и понесло в нужном направлении — в области поблизости от эмпиреев.

ПАРИЖ

Глава 1

— А теперь мы где? — осведомился Мак.

— Это трактир в Латинском квартале Парижа, — сказал Мефистофель. — Люблю грешным делом студентов. Это племя всегда без особого осуждения смотрит на дьявола. Да и Париж, само собой разумеется, город, где дьявол чувствует себя воистину как дома. Вот почему я выбрал Париж для последнего этапа нашего Турнира.

Мак огляделся вокруг. Они с Мефистофелем сидели за длинным столом из грубо отесанных досок бок о бок с группой молодых людей, по виду студентов.

Молодежь была целиком погружена в свои беседы. Говорили они громко, обильно жестикулируя и передергивая плечами. Трактир был плохо освещен, донельзя тесен, с низким потолком. Слуги, в не очень опрятных одеждах снующие по залу, разносили на подносах кружки с вином, краюхи хлеба и тарелки с мидиями под красным соусом. Шум стоял невообразимый: взрывы хохота, улюлюканье, тут и там горланили песни. Словом, в атмосфере чувствовались молодость, удадь, у этих парней вся жизнь была впереди, и они жаждали покорить весь мир, благо им посчастливилось учиться в Париже, который уже тогда считался самым замечательным городом в Европе, а стало быть, и во всем мире.

— В гущу каких событий мы попали на этот раз? — спросил Мак.

— На дворе 1791 год, — сказал Мефистофель. — Ясное дело, Париж и вся Франция бурлят. Вдохновленный недавней американской революцией, простой люд готов бунтовать, покончить с одряхлевшей монархией, кото-

рая, по его мнению, плохо заботится о нуждах страны, а также прогнать продажных вельмож. Для народных масс занимается заря новой эры, а для привилегированной элиты солнце удачи заходит. В королевском дворце Тюильри Людовик Шестнадцатый и его жена Мария Антуанетта пребывают в отчаянии, смертельно напуганные угрозами и оскорблениями со стороны теперь неуправляемой черни, и готовятся сегоднешней ночью бежать в карете в Бельгию. Там их ждут верные королю войска, которые горят желанием ринуться в бой и отомстить обидчикам монаршей семьи.

— Похоже, события весьма увлекательные, — сказал Мак. — Удастся ли королевской чете сбежать?

— Увы, попытка закончится неудачей. История доказала многочисленными примерами, что в решающие моменты все идет наперекосяк. Словом, дело кончится тем, что короля и его семью схватят и отконвоируют обратно в Париж солдаты республиканской гвардии. А несколько позже им всем отрубят головы с помощью гильотины — будет изобретен такой особый аппарат для точной рубки голов.

— А что, король с королевой и в самом деле сущие исчадья ада? — спросил Мак.

Мефистофель горько усмехнулся:

— Люди как люди, не порочнее многих. Просто представители нравов своей страны в определенную эпоху. На самом деле от их смерти никому легче не станет, зато их казнь, возмутив весь цивилизованный мир, восстановит его против Франции, армиям которой придется противостоять войскам всей Европы.

— Сдается мне, вы хотите, чтобы я спас короля и королеву.

— Вы вольны делать все, что вам заблагорассудится, — сказал Мефистофель. — Просто я указываю вам на то, что *могло бы* быть сочтено полезным Поступком.

— Что мне следует предпринять?

— Побег запланирован на нынешнюю ночь. Члены королевской семьи один за другим выйдут из дворца и сядут в кареты, приготовленные заранее их сторонниками-роялистами. Но в самом начале операции произойдет роковой сбой. Мария Антуанетта проканителится со сбором вещей так долго, что побег будет отложен на

несколько часов. Из-за этого промедления герцог Шуазель, поджидающий короля в деревне Пон-де-Соммевиль под Парижем с отрядом верных монарху гусар, решит, что побег вообще отложен, и покинет место условленной встречи. Это один из решающих моментов в этой истории.

— Есть и другие?

— Да, — признал Мефистофель. — Когда король бежит из дворца, при проезде через городишко Сен-Менеульд некий почтмейстер по имени Жан Батист Друэ ненароком увидит его в карете и узнает. Этот Друэ поднимет тревогу, и в итоге его королевское величество будет схвачен. То, что почтмейстер углядел короля в глубине кареты, — глупейшая случайность. Если бы Друэ вышел на улицу хотя бы пятью минутами позже...

— Улавливаю вашу мысль, — сказал Мак.

— Даже роковое узнавание не стало бы роковым, будь мост в Варенне исправен. Перекрытый мост помещает королевскому экипажу своевременно пересечь границу с Бельгией — тогда король стал бы недосыгаем для преследователей. Итак, произошли три случайности: промедлили из-за Марии Антуанетты, не вовремя подвернулся глазастый почтмейстер и, наконец, мост оказался непроезжим. Сумейте устранить хотя бы одну из этих нелепых случайностей — и войдете в историю! Вы готовы действовать, доктор Фауст?

— Думаю, готов, — сказал Мак. — Готов более чем когда бы то ни было!

— Отлично. И вот что, Иоганн, вы уж на этот раз постарайтесь как следует. Ведь это как-никак *последнее* испытание. Я время от времени буду проверять, как у вас идут дела. А может, при необходимости и помогу чем-нибудь. — Мефистофель подмигнул Маку и со словами «до скорого!» мигом исчез.

От проходившей мимо уличной торговли рыбой Мак узнал, что Мария Антуанетта находится в Версале, в нескольких лигах от Парижа. На площади Сен-Мишель Мак нашел дилижанс и заплатил за место в нем один сантим. Большая карета, запряженная четверкой лошадей, пересекала весь город, собирая пассажиров, затем двигалась через зеленые пригороды в сторону Версаля.

Сойдя у ворот, ведущих в парк Версальского дворца, Мак решительно направился к главному входу. Вооруженные стражи, одетые в малиново-белую форму — цвета королевы, пиками преградили ему дорогу.

— Эй, вы! Чего надо? — грубо спросил один из них.

— Я желал бы быть принятым королевой, — сказал Мак.

— Нынче ее величество не принимает.

— Знаю. Однако же дело не терпит отлагательства.

— Я вам сказал, она не велела пускать!

— Доложите, что пришел доктор Фауст, — надменно произнес Мак. — Она вас хорошо наградит за такую новость. А вот награда от меня лично. — Мак протянул стражнику золотую монету.

— Спасибо, гражданин, — сказал стражник, опуская монету в карман. — А теперь проваливайтесь отсюда, покуда я вас не арестовал за попытку подкупа.

Глава 2

Особняк архангела Михаила располагался на небольшом участке земли в самом дорогом пригороде Рая. В данный момент архангел Михаил возился в своем садике — пересаживал розы.

Подняв голову, он увидел Илит, ангела-стажера и бывшую ведьмочку, которая поднималась к нему по мраморным ступеням.

— А, Илит, здравствуй, рад тебя видеть, — сказал Михаил, откладывая садовую лопатку и вытирая руки. — Хочешь холодного лимонада? Нынче у нас жарковато, зато влажность умеренная — типичный райский денек.

— Спасибо, не надо, — мотнула головой Илит. — Я пришла, потому что некоторые обстоятельства ставят меня в тупик.

— Не бойся, рассказывай мне все без утайки, — ласково промолвил архангел Михаил. — В чем твои затруднения?

— Ко мне попали данные о том, что Мефистофель занят обманом.

— Вот оно что! — воскликнул архангел Михаил без особого огорчения. — Но разве это новость — чего еще ожидать от беса?

— Меня с толку сбивает другое, — сказала Илит. — По моим сведениям, вы тоже обманываете.

— Я? — озадаченно переспросил архангел Михаил.

— Да, вы.

Архангел Михаил некоторое время задумчиво молчал. Потом спросил:

— Ведь вы новенькая в наших кругах, не правда ли?

— Да, — сказала Илит. — Но разве это играет роль?..

Архангел Михаил остановил ее движением руки:

— Как новенькая, вы неопытны и не ведаете о существовании великой гармонии, которая объединяет Добро и Зло в единое неразделимое целое и диктует нам правила поведения.

— Впервые слышу о существовании подобной великой гармонии, — призналась Илит. — Но при чем тут она? Я говорю о самом заурядном вранье.

— Очень и очень при чем, душа моя. Задумайтесь вот над чем: уж если силы Тьмы и силы Света решили вступить в соревнование, они должны быть равными соперниками и заранее знать, что победивший в Турнире отнюдь не станет победителем на веки веков, а лишь временно одержит верх. Ибо Зло и Добро — взаимозависимые силы. Одно без другого существовать не может. Понимаешь, дитя мое?

— Вроде бы... — проямлила Илит. — И тем не менее при чем все это...

— Вследствие вышесказанного, — продолжал архангел Михаил, — в определенном смысле неважно, кто одерживает верх в данный момент — силы Добра или силы Зла. На уровне текущих событий мы трудимся на сторону или Добра, или Зла. Мы рвемся победить и расправиться с нашим врагом раз и навсегда. Однако на более высоком уровне в нас живет понимание того, что такая победа не только невозможна, она и нежелательна. Поспеваете за ходом моих мыслей?

— Трудно сказать. Однако продолжайте, я слушаю.

— Из того, что в состязании между Добром и Злом должны участвовать равные соперники на равных условиях, всем нам приходится использовать одинаковые приемы. Добро было бы поставлено в худшие условия, если бы оно не могло прибегать к так называемым «дурным» средствам, которыми широко пользуется Зло. Ведь Зло, преследуя свои корыстные цели, то и дело творит добрые дела. Логично предположить, что и Добру не следует брезговать средствами из арсенала противника. В заключение, дорогая моя Илит, хочу особо подчеркнуть: в конечном итоге имеет значение не формальный ярлык доброго или злого, а то, что вот здесь. — При этом архангел Михаил коснулся рукой области сердца.

— Должна ли я сделать из этого вывод, — спросила Илит, — что добрым духам не зазорно при случае лгать?

Архангел лукаво усмехнулся и потупил глаза:

— Я веду к тому, что у нас столько же прав использовать ложь в своих интересах, сколько у сил Тьмы.

— Итак, по-вашему, это *правильно* — лгать во имя победы?

— Я бы сформулировал чуточку иначе: в этом нет ничего *неправильного*.

— Вы мне наговорили столько нового... Попробую осмыслить все это где-нибудь в уединении....

Глава 3

На королевский дворец Тюильри опустились сумерки. Из окон лился свет тысяч и тысяч свечей. Через парадный вход входило и выходило множество народа — королевские цвета, малиновый и белый, попадались редко, на большинстве посетителей были серо-голубые мундиры республиканцев. Мак сидел на скамеечке поодаль от этого движения и обдумывал свое положение.

Легкий ветерок трепал кроны искусно подстриженных деревьев, окружающих дворец. Но вот Мак ощутил дуновение более сильное, чем дуновение легкого вечернего бриза. Рядом раздался тонкий, идущий ниоткуда голосок:

— Фауст! Фауст! Вы где, Фауст?

Мак быстро огляделся.

— Кто меня зовет? — спросил он пустоту, из которой немедленно материализовалась Илит, ангел-стажер.

На ней была восхитительная амазонка из черного вельвета и замши. Ее сапожки наездницы ослепительно блестели, а темные длинные волосы были перехвачены кокетливым белым шарфиком.

— Вы меня припоминаете? — спросила она.

— Как вас можно позабыть, — сказал Мак. — Ведь это вы заперли меня в Пекине в зеркальном лабиринте, когда вообразили, что я занят обманом.

— С тех пор я поумнела и кое-чему научилась, — скромно произнесла Илит. — Каковы теперь ваши планы?

Планы у Мака были просты: вернуться и броситься во весь опор прочь и ничего не рассказывать этому хорошенькому, но настырному и скорому на суд

и расправу духу женского пола. Если она так поумнела, пусть сама догадывается, что у него на уме!

Однако, нутром почуяв возможную выгоду, он усиленным воли взял себя в руки, преодолел обиду и сказал:

— Я намерен спасти жизни французской королевской четы.

— Во имя чего вы хотите спасти их?

— Сам толком не знаю. Видите ли, я с ними лично не знаком. Но по условиям Турнира мне все равно что-то необходимо предпринять; а это будет весьма положительным поступком. По мне, все просто: какого черта им головы рубить — за то, что они родились в королевской семье? Так тут их вины нету. Ну и Мефистофель считает, что это очень подходящий поступок.

— Ясно, — сказала Илит. — И раз Мефистофель этого хочет, архангел Михаил автоматически выступает против.

— Да, логика правильная, — согласился Мак. — А раз вы на стороне архангела Михаила...

— Я больше не знаю, на чьей я стороне, — сказала Илит. — Однако в прошлом я доставила вам неприятности и теперь собираюсь загладить свою вину. Чем я могу помочь вам?

— Мне нужно заставить королеву поторопиться со сборами в дорогу. Уже восемь часов. Пора бы ей выйти к карете, чтобы бежать.

— Я сделаю все, что в моих силах, — заверила Илит. И, дважды грациозно взмахнув руками, она исчезла.

Глава 4

Илит материализовалась вновь на втором этаже дворца, в коридоре, ведущем в покои королевы.

Хоть она и стала видимой, не было большой опасности быть замеченной — солдаты национальной гвардии, державшие королеву под домашним арестом, были в стельку пьяны: бродили по коридорам, лапали визжащих фрейлин, неустанно прикладывались к бутылкам с дешевым вином, жевали хлеб и сыпали крошки на бесценные ковры.

Илит прошла незамеченной и разыскала комнаты королевы. Она застала Марию Антуанетту спящей на кушетке — в полном дорожном наряде. Королева даже во сне не могла обрести покой: ее пальцы судорожно сжимались и разжимались, словно она пыталась что-то удержать — не саму ли жизнь?

И тут Мария Антуанетта зашевелилась, открыла глаза и обнаружила, что она не одна в комнате. Ее голубые глаза испуганно расширились.

— Вы кто?

— Сочувствующий вам добрый дух, ваше величество, — сказала Илит. — Я здесь, чтобы помочь вам выпутаться из нынешнего отчаянного положения.

— О! Ради всего святого, помогите мне! — радостно вскричала Мария Антуанетта.

— Позвольте мне говорить с вами прямо, ваше величество. Побег назначен на восемь часов вечера сегодняшнего дня. В этот час вы в костюме гувернантки должны спуститься вниз, прошмыгнуть мимо стражи и сесть в карету. Извозчик доставит вас до места вне пределов

Парижа, где вы соединитесь с королем и пересядете в большую дорожную карету, чтобы продолжить путь в Бельгию, где окажетесь в безопасности.

— Да, было задумано именно так! — воскликнула королева, изумленно глядя на необычную собеседницу. — Откуда вы все узнали? Неужели план сорвался и все вышло наружу?

— План хорош, — сказала Илит. — Однако из истории известно, что вы опоздали спуститься к карете на несколько часов. Это сдвинуло во времени все последующие события, и весь тщательно разработанный план полетел кувырком.

— Чтобы я да опоздала на несколько часов, — не без надменности сказала королева, — такого быть не может! Конечно, на какое-нибудь совершенно невинное свидание с молодым кавалером я могла бы опоздать — думаю, история несправедливо все эти свидания вменит мне в вину и ославит женщиной порочной и бесстыжей, приравняв меня к развратным стервам вроде дю Барри. Да, какого-нибудь красавца-воздыхателя я могла бы заставить не один час томиться в ожидании своего прихода; чтобы он как следует истомился — это лишь придает остроты свиданию. Стоя у его постели, я бы ворковала о том, что, дескать, искала муфту, или ларец с перстнями, или моего спаниельчика. Вполне извинительная задержка, говорила бы я, ласково теребя его усы, а он бы таял от моего веселого легкомыслия, которое так упоительно неуместно в этой опасной ситуации, когда нас могут застать вдвоем. Словом, я легкомысленна в том, что касается флирта, но, когда речь идет о спасении моей жизни, — тут я серьезна как сто профессоров.

— Я рада слышать, ваше величество, что история лжет насчет вашей чрезмерной распущенности, — сказала Илит. — А сейчас нам надо выйти из дворца ровно в восемь. Все остальное будет детской игрой по своей простоте.

— Да, согласна. Однако вы ошибаетесь касательно времени: побег назначен на одиннадцать вечера:

Илит удивленно нахмурилась и покачала головой:

— Ваше величество, смею заметить, ошибаетесь вы. Мой источник точен, это исторические свидетельства.

— Придется поспорить с историками. — Мария Антуанетта покачала головой. — Я разговаривала с куче-

ром несколько часов назад. Он сказал совершенно четко, что будет ждать меня в одиннадцать.

— А мне говорили — в восемь, — стояла на своем Илит.

— Вас ввели в заблуждение.

— Хорошо, я перепроверю.

Ангел-стажер незамедлительно исчезла из комнаты и с немыслимой скоростью понеслась по тем многоцветным царствам, что таятся между слоями бытия — ибо бытие подобно слоеному пирогу. Ее целью была библиотека истории человечества по адресу Царство духов, улица Знаний, 1211. В тамошнем архиве хронология событий в истории человечества расписана по минутам.

Илит направилось прямо к терминалу суперкомпьютера, хранившего для пользователей Царства духов все факты человеческой истории.

Компьютер был установлен совсем недавно. Многие духи Света и Тьмы решительно протестовали против этой новации в архивном деле, потому что повальная компьютеризация небесных сфер только-только началась, ангелы и черти еще не освоились с электроникой и побаивались ее как смертных грехов или ладана. Однако у подобного консерватизма нашлись сильные противники, которые в итоге одержали верх. Консенсус был достигнут путем апелляции к основополагающему принципу жизни небесных сфер — что внизу, то и наверху, — согласно которому духам негоже отставать от впечатляющих перемен на Земле.

Когда Илит набрала свой код, компьютер отозвался вежливым вопросом:

— Приветствую вас. Если вы изложите ваши затруднения, я охотно помогу.

Илит торопливо сказала:

— Мне нужно выяснить точный час свершения некоего исторического события. Мария Антуанетта полагает, что время ее побега из Версаля прочь от нависшей тени гильотины назначено на одиннадцать вечера. Мне же сказали, что кучер будет ждать в восемь. Кто из нас прав?

— Прошу прощения, — ответил компьютер, задумавшись на какую-то наносекунду, — информация засекречена.

— Какие тут секреты? Это элементарный факт, совершенный пустяк!

— Уточнение. Это не секретная информация. Мне просто не рекомендовано разглашать некоторые категории фактов.

— Какие именно категории?

— Самые простые и доступные мелкие факты, достоверность которых на самом деле почти невозможно гарантировать.

— Хорошо, вы просто извлеките из памяти факт, а его достоверность я сама оценю.

— Я бы с радостью извлек, но в данный момент трудность заключается в невозможности найти его.

— Почему?

— Как раз сейчас технические работники вводят в меня новые пакеты программ для поиска уже имеющейся в моей памяти информации. Но для работы этих программ требуется новая классификация старой информации. Пока она не завершена, доступ к сведениям невозможен.

— Выходит, тем временем ваша информация — мертвый груз? Какая глупость! Но вы-то почему бездействуете?

— Я?

— Вы, вы!

— А я что? Моя хата с краю, — сказал суперкомпьютер. — Велели мне ждать, пока работы не завершатся, я и жду.

— Итак, вы утверждаете, что не имеете сведений, которые мне необходимы? — раздраженно спросила Илит.

— Не искажайте смысл моих слов, — почти обиженным тоном ответила машина. — Я храню в себе всю историю до мельчайшей подробности. Просто временно не работает система перекрестного поиска. Таким образом, технически невозможно обслужить вас.

— Технически? А если по-человечески?

— Если по-человечески, я бы мог ответить на ваш вопрос.

— Ну так ответьте, черт вас побери!

— Мог бы. Но не желаю.

В интонациях голоса компьютера Илит послышалась обиженная гордость. Тогда она решила применить иную тактику.

— Ну будь лапочкой, ответь, пожалуйста. Я тебя очень прошу.

— Ладно, малышка. Подожди секундочку. — Помигав лампочками, компьютер наконец произнес: — По моим данным, ответ: три часа.

— Это невозможно, — сказала Илит.

— Не тот ответ, которого ты ждала? Прости, я предупреждал: система поиска информации дает сбой.

— Понимаю. Но ведь ты говорил, что можешь обойти трудности.

— Я их обошел и обнаружил именно такой ответ: три часа утра.

— Так, значит, больше ничего уточнить нельзя? Спасибо и на том. Посмотрим, как можно употребить эти сведения. Еще раз спасибо.

Глава 5

Илит поспешила обратно к Марии Антуанетте.

— Который нынче у вас час? — спросила она первым делом.

— Двенадцатый, — ответила королева, взглянув на свои песочные часы.

— Странно, а на моих только восемь, — сказала Илит. — Ладно, черт с ним. Быстро спускаемся вниз!

— Я готова, только сумочку прихватчу.

Чуть поодаль от парадных дверей высокий кучер прохаживался в темноте вокруг кареты, чтобы кровь в ногах не застаивалась, и время от времени заглядывал в карету, где на сиденье стояли песочные часы в футляре из красного дерева — их следовало переворачивать каждый час.

— Проклятье, проклятье, проклятье! — приговаривал он по-шведски.

И вот наконец дверь распахнулась, и в сторону кучера заспешили две женщины: блондинка и брюнетка.

— Ваше величество! — воскликнул кучер. — Где вы пропадали столько времени!

— Что ты имеешь в виду? Я пришла вовремя! — сказала королева.

— Простите покорно, однако осмеюсь возразить, вы опоздали на четыре часа. Теперь весь план под вопросом!

— Я отнюдь не опоздала! — Антуанетта повернулась к Илит: — Который сейчас час?

— Восемь.

— А на моих одиннадцать! — упрячилась королева.

— А на моих три часа утра! — сказал кучер.

Все трое уставились друг на друга в свете каретного фонаря и разом засетовали о том, сколько бед приносит неунифицированное время. Илит с болью в сердце осознала, что Мария Антуанетта жила по французскому королевскому времени, кучер — по шведскому, а она сама — по средненебесному времени...

И во всех этих временных системах — а если есть иные, то и в них, — Мария Антуанетта безнадежно опоздала на жизненно важную встречу.

Кучер вздохнул:

— Делать нечего. Садитесь в карету и в путь. Но мы опаздываем, чудовищно опаздываем!

Глава 6

Кто-то грубо затряс за плечо Мака, мирно дремавшего на диване в Отель-де-Виль. Он открыл глаза и со сна осоловело вытаращился на крошечного бородатого человечка.

— В чем дело?

— Это я, гном Рогнир.

— Ах да, — пробормотал Мак, протирая глаза. — Теперь я вас узнал. Чем могу служить?

— Мне от вас ничего не нужно. Я с новостями. Илит попросила меня найти вас и сообщить, что ей не удалось поторопить королеву. Что-то там у них вышло с часами. Она объясняла, только я не запомнил.

— Черт возьми! — воскликнул Мак. — Стало быть, королевская карета с опозданием начала свой злосчастный путь в Варенн!

— Наверное, — сказал Рогнир. — Никто не позаботился ввести меня в курс событий.

— Я стараюсь спасти от пленения королевскую чету, которая бежит от своих убийц, — торопливо сообщил Мак. — Но теперь, чтобы не сидеть сложа руки, я должен достать лошадь.

— На что вам лошадь?

— Я могу поехать в городок Сен-Менеульд. Там мне предоставится второй шанс изменить судьбу Людовика Шестнадцатого и Марии Антуанетты.

— Почему бы вам не перенестись туда с помощью магии? — спросил Рогнир, наливая кружку вина для Мака.

— Говоря по совести, я не знаю слов нужного заклинания, — откровенно признался Мак.

- Тот другой знает.
- Какой другой? — насторожился Мак.
- А тот, кого я встретил на пароме на Стиксе.
- Вы имеете в виду... Фауста?
- Мне сказали, что это Фауст.
- Я тоже Фауст.
- Это как вам угодно.
- Но тот хочет избавиться от меня!
- Тогда вам несладко придется, — сказал Рогнир. — Не обижайтесь, я против вас лично ничего не имею. Однако я раскинул мозгами и решил, что мне стоило помочь ему — этим я могу натянуть нос одному моему знакомому бесу. Недавно этот демон не заплатил мне за работу по подряду. А гномы очень и очень злопамятны!
- Проклятье! — воскликнул Мак. — Как же мне добраться до Сен-Менеульда раньше, чем туда попадет королевская карета?
- Выбирайтесь из гостиницы и достаньте лошадь, — посоветовал Рогнир.
- Мак с сарказмом уставился на него:
- Так просто — вскочил на коня и вперед?
- И поторопитесь, а не то у вас будет куча неприятностей.
- Вы правы, — кивнул головой Мак. — Итак, в путь!

Чуть позже Мак несся галопом через погруженный в темноту лес на горячей офицерской лошади, которую он конфисковал именем Комитета спасения Республики. Просто зашел в конюшню, разысканную Рогниром, и вел себя так нагло и угрожающе, что никто не захотел с ним связываться. Лошадь отдали беспрекословно.

Итак, Мак скакал по лесной дороге, которая была лишь слабо освещена луной, и поздравлял себя с тем, что, разбираясь в лошадях, безошибочно выбрал такую резвую. Но тут он услышал за собой цокот копыт и оглянулся. Его нагонял всадник. Да, лошадка под Маком была резва и шла на пределе скорости, однако его преследователь неуклонно сокращал расстояние между ними.

Маку оставалось только смириться с судьбой. Вскоре он мог различить лицо всадника — это был Фауст. Планы его черного плаща развевались и бешено хлопали, шляпа съехала на лоб, на губах играла зловещая улыбка.

— Ага, самозванец, опять встретились! — крикнул ученый муж, поравнявшись с кобылкой Мака.

Теперь две лошади бок о бок неслись галопом по узкой лесной дороге. Фауст осыпал Мака проклятиями, а тот вцепился в поводья и думал только о том, как бы не сломать шею в темноте. Такие бешеные скачки по ночному лесу были ему в новинку. Впрочем, Фаусту тоже. Но чародей из Виттенберга держался в седле крепко, не хуже венгерских гусар, чье верховое искусство вошло в поговорку. За его спиной, обхватив Фауста руками, сидела насмерть перепуганная Елена Прекрасная; за спиной Мака, разумеется, сидела Маргарита. Обе женщины не проронили ни слова. Лошади продолжали скакать голова в голову. Мак выжимал последнее из своей кобылки. Фауст пытался раздавить своего соперника апломбом.

— Оставь свои претензии на мое громкое имя! — орал он. — Если верховные силы всерьез задумаются над этим, враз станет ясно, что лишь настоящий доктор Фауст — он один! — достоин вписывать на скрижали истории новые повороты, ибо он является неповторимой личностью, способной на неповторимые поступки. А прочие жалкие придурки пусть катятся колбаской и не возбуждают, потому как, ежели у меня крыша поедет от злости, я любого в бараний рог сверну и в таком виде кузькиной матери покажу! Усек, парень?

Сбивчивый монолог Фауста на полном скаку и малоудачная попытка имитировать крутой сленг будущих эпох вряд ли можно назвать успешными, но до Мака отлично дошел общий смысл его слов: проваливай, козявка, и больше не вертись у меня под ногами!

— На, выкуси! — прокричал в ответ Мак. — Я тут останусь до конца! Это мои приключения! Это моя собственная история!

— Врешь, стервец! Фауст я, и только я! Единственный и наилучший! — громче прежнего громыхнул док-

тор, и в его волчьих яростных глазах засветился устрашающий огонек бешенства.

Фауст направил свою лошадь еще ближе к лошади Мака, так что они теперь то и дело соприкасались на бегу, и выхватил из-под плаща какой-то узкий предмет почти метровой длины, усыпанный блеснувшими в лунном свете бриллиантами. Это было что-то вроде скипетра, но не простого — вокруг этого жезла разливалось яркое сияние. Да, Мак узнал необычный предмет — то был волшебный скипетр, который Мак некогда украл в пекинском дворце: попросту вырвал из рук Кублай-хана. Теперь волшебный скипетр в руках его беспощадного противника.

У Мака все внутри оборвалось: по тому, как Фауст держал скипетр, он догадался, что доктор уже откуда-то проведал о магических свойствах этого предмета и как с ним обращаться. Достаточно направить конец жезла в сторону своего недруга и сказать «бац!», как от того останется кучка пепла. Принцип действия тот же, что и у позднейших аннигиляторов, посылающих в противника смертоносные уничтожающие лучи.

Перед лицом столь страшного оккультного оружия Мак ощутил полную беспомощность и обреченно распростился с жизнью. Но тут краем глаза он заметил впереди на повороте могучий дуб, и в его сердце мгновенно затеплилась надежда. Мак проворно, но предельно расчетливо и спокойно послал лошадь немного вперед, взял чуть левее и стал преграждать путь лошади Фауста. Доктор упивался моментом мести, оттягивая мгновение казни врага, и был занят скипетром. В результате маневра Мака Фауст вслепую невольно взял влево, чтобы уклониться от столкновения, и в следующий момент на полном скаку врезался в дуб. Маку показалось, что он видит, как из глаз противника посыпались искры от удара, хотя это, конечно, была лишь игра воображения. За спиной Мака его подружка тихо ойкнула и прошептала сочувственно: «Бедняжка!» Знала бы Маргарита, что за секунду до падения Фауст замышлял испепелить их обоих!

Лошадь Мака неслась дальше, а сзади доктор Фауст рухнул на землю со своей лошади, которая сделала

безумный скачок в сторону и понеслась прочь. Елена Прекрасная, вечный трофей великих воинов, свалилась с лошади за мгновение до удара, несколько раз перевернулась через голову, но тут же вскочила и стала отряхиваться и поправлять прическу.

Неважно, видно ли что в лунном свете и сколько рядом зрителей — один ошалевший от падения колдун или тысяча греческих кораблей с бесстыже глазающими на нее солдатами. При любых обстоятельствах, всегда и везде Елена обязана оставаться Прекрасной.

Глава 7

Проскакав в одиночестве с Маргаритой за спиной изрядное расстояние, Мак оказался на опушке леса. Неподалеку он увидел постоянный двор, над крышей которого вился дымок. Это очень кстати для человека, только что улизнувшего из лап смерти: тут можно прийти в себя и передохнуть. Мак остановился у постоянного двора, спешился, помог Маргарите спрыгнуть с лошади, привязал своего верного скакуна к коновязи, предварительно напоив водой из бочки, стоявшей поблизости. После этого они с Маргаритой зашли внутрь.

Хозяин заведения был занят самым обычным делом — чистил медную кастрюлю, в дальнем конце большой комнаты уютно горел камин, у которого сидел — спиной к вошедшим — и грел руки над огнем какой-то путешественник.

— Доброе утро, уважаемые путники, — приветствовал их хозяин. — Не желаете ли по чарке коньяка для аппетита?

— Рановато для выпивки, — сказал Мак и потянув носом, добавил: — А вот от вашего горячего елового отвара не откажусь.

— Присаживайтесь к огню и отогревайтесь, — радушно пригласил хозяин постоянного двора. — Вы правильно учуяли, у меня как раз настаивается отвар еловых шишек. Сейчас принесу вам по кружке.

Мак прошел к камину и, вежливо кивнув в знак приветствия, присел у огня рядом с мужчиной богатырского вида. На незнакомце был длинный плащ с поднятым капюшоном, который скрывал его лицо. Поблизости стоял прислоненный к стене лук.

— Доброе утро, — произнес незнакомец и откинул капюшон.

Мак внимательно всмотрелся в его лицо и сказал:

— Мне только кажется или мы где-то встречались?

— Быть может, вы видели мой бюст в музее, — ответил незнакомец. — Меня зовут Одиссей, и то, как я сюда попал из предместий Тартара, составляет целую увлекательную повесть, которую я бы вам рассказал, будь у нас время. Но времени, увы, нет... Вы, часом, не Фауст?

Одиссей говорил на древнегреческом языке времен Гомера со слабым итаким акцентом, который Мак с легкостью понимал, поскольку Мефистофель пока не отнял у него дар понимать все языки, в том числе и мертвые.

— Да, — сказал Мак и тут же, спохватившись (береженного Бог бережет), уточнил: — Я имею в виду, что я его немного знаю. То есть мне приходилось как-то выполнять кое-какую работенку для Фауста под его фамилией, но теперь у меня, кажется, пропала охота продолжать в том же роде...

— Вы тот Фауст, который путешествует с Еленой Прекрасной? — спросил Одиссей.

— Нет, с ней путешествует тот, другой, — ответил Мак. — Я странствую с Маргаритой.

Он хотел было представить Маргариту, но увидел, что девушка прикорнула за столом.

— Но вы, если я правильно уловил, тоже называете себя Фаустом? — сказал Одиссей.

— В настоящее время я играю роль Фауста в состязании, которое затеяли силы Тьмы и силы Света. Однако подлинный Фауст норовит вытеснить меня вон.

— И что вы намерены предпринять в этой ситуации? — поинтересовался Одиссей.

— Говоря по правде, не знаю, — сказал Мак. — Что-то у меня совесть начинает восставать против того, что я играю чужую роль. Возможно, мне и впрямь следует плюнуть на все и уступить свое место настоящему Фаусту...

— Судя по всему, вы недурно справляетесь со своей ролью, — сказал Одиссей. — Чего ради вам отступать в сторонку? Что такого умеет этот настоящий Фауст, чего бы вы не умели?

— Ну, настоящий Фауст заправский маг, великий маг, а потому он заслуживает права быть представителем всего человечества на Турнире...

— Ничего подобного! — воскликнул Одиссей. — С какой стати человечество должен представлять такой нетипичный человек — маг-чернокнижник? Все эти чародеи-колдуны — одного поля ягода с политиками: такая же мразь, если не хуже. Неужели вы до сих пор не сообразили? Всякая магия направлена против интересов простого народа.

— Я как-то не задумывался над этим, — признался Мак.

— Магия — одна из форм власти. И владеет ею лишь горстка людей. Как по-вашему, хорошо ли, если судьбами народов станет заправлять элита из чародеев? Вот вы, хотели бы вы оказаться под властью Фауста?

— Я имел в виду лишь то, что магам известно многое, недоступное простому народу...

— А так ли уж необходимо остальному человечеству все то, что им известно? Я, знаете ли, в свое время водил знакомства с чародеями. Был у нас такой волшебник по имени Тиресий. Выдающаяся личность! Но, вы думаете, мы позволили ему руководить нами в политических или военных вопросах? Как бы не так! Нам это и в голову не приходило. У нашего предводителя Агамемнона недостатков было более чем достаточно, однако он был человек вроде нас, никогда не утверждал, что у него особые отношения с богами или духами. Бойтесь людей, которые похваляются близкими отношениями с богами!

— Но он подлинный Фауст, черт возьми!

— Может, и подлинный. Но это отнюдь не значит, что именно он является настоящим носителем фаустианского духа! Этим мятущимся духом в гораздо большей степени обладаете вы, дорогой мой Мак. Да, не удивляйтесь! Ведь вы просто человек, не больно-то образованный, без блистательных талантов, несведущий в магии — и тем не менее вы одержимы желанием самоутвердиться, царить над своими страстями и взмыть на невиданные высоты.

Мака чрезвычайно взбудрили эти речи. Он выпил большую кружку елового отвара, принесенного хозяином постоянного двора, и разбудил Маргариту, чтобы она согрелась горячим питьем. После этого Мак встал.

— Ну, нам пора в путь!
— А Фауст? — спросил Одиссей.
— Он следует за мной по пятам.
— Так-так... — произнес Одиссей. — Эй, Ахилл, ну-ка просыпайся!

С лавки в темном углу комнаты поднялся Ахилл. Прежде он был скрыт столом и Мак не заметил его.

— Чего тебе, Одиссей? — зычно спросил Ахилл.
— Готовься, дружище. Сейчас сюда нагрянет Фауст! Черт побери! Одиссей и Ахилл! Такая парочка может задержать Фауста надолго, очень надолго!

— Пошли, Маргарита, — сказал Мак.
— Иду, иду, — отозвалась девушка, подавляя зевок.
Они вышли во двор, вскочили на лошадей и продолжили путь в Сен-Менеульд.

Глава 8

Фауст прибыл на постоянный двор минут через двадцать. Выглядел он вполне здоровым, лишь огромный кровоподтек у виска напоминал о страшном ударе о ствол дуба. Лицо Елены Прекрасной слегка обветрилось, волосы растрепались, но она была еще прекрасней, нежели всегда.

Как только Фауст вошел в комнату с камином, Одиссей устремился к нему со словами:

— Я знаю, кто вы такой! Вы Фауст!

— А я этого и не скрываю.

— И с вами Елена Троянская!

— Верно, — сказал Фауст. — Это вполне естественно. Елена Прекрасная — самая красивая женщина в мире и, следовательно, достойная спутница такому человеку, как я. Кто вы такой и чего вы от меня хотите?

Одиссей назвал себя и представил Ахилла. Хотя Фауст и был поражен этой встречей, он не подал виду.

— Будем кратки, — сказал Одиссей. — Мы здесь, чтобы вернуть Елену Прекрасную. Ваш дружок-демон не имел ни малейшего права умыкать ее из Тартара от законного супруга.

— И слышать об этом не хочу! — сказал Фауст. — Она была дана в мое распоряжение, и я не намерен с ней расставаться.

— Сдается, я уже от кого-то слышал подобные речи, — молвил Одиссей с лукавой усмешкой, намекая на события, с которых начинается «Илиада». Тогда Ахилл не пожелал добровольно уступить Агамемнону свою пленницу, девушку по имени Брисеида, на которую верховный главнокомандующий греческих войск «положил

глаз», а после того как Агамемнон все-таки забрал ее себе, Ахилл пришел в великий гнев, принесший, согласно Гомеру, «ахейцам великие муки», ибо великий герой уединился в своей палатке и не принимал участия в битвах. В итоге греки чуть было не проиграли Троянскую войну. Пришлось вернуть Брисеиду Ахиллу, и он мигом положил конец натиску троянцев.

— Может, ты и слышал подобные речи, — сказал Ахилл, — сейчас это к делу не относится! Фауст должен вернуть мою жену!

— И не надейтесь! Только попробуйте отнять ее у меня!

При этих словах Фауст выхватил из-под своего плаща кремневое ружье.

— Если бы мы захотели отнять ее силой, нас бы ничто не остановило, — сказал Одиссей, — даже ваше невиданное оружие. Нет, нет, Ахилл, убери меч. У нас есть средство получше.

Одиссей вложил два пальца в рот и пронзительно свистнул. Ответ на этот протяжный низкий мрачный звук последовал почти незамедлительно. Раздались нарастающие завывания и вопли, которые вначале напоминали беснования ветра, потом стали членораздельнее и оказались старушечьими криками.

Дверь постоялого двора внезапно распахнул порыв зловонного ветра, и внутрь влетели три фурии. Они появились в облике трех огромных черных ворон, крылья которых были будто пылью припорошены.

Со стонами и подвываниями птицы заметались по комнате, осыпая присутствующих своими вонючими испражнениями. Когда все ошалели от шума и мельтешенья крыльев, вороны внезапно приняли человеческий облик — превратились в трех длинноносых красноглазых старух в черных пропыленных лохмотьях. Алектон оказалась толстухой, Тисифона была худа как жердь, а платье Мегеры в одних местах пузырилось от жира, в других висело как на вешалке. У всех сестер глаза напоминали яичницу с вытекшим желтком.

Они сцепились руками и стали плясать вокруг Фауста, визжа, подпрыгивая, хохоча и улюлюкая, плюясь в его сторону. Доктор пытался в этом диком положении сохранить достоинство: угрюмо молчал и не пытался бежать. Однако ему было чрезвычайно трудно сохранять

спокойную мину и присутствие духа, когда вокруг бесновались три старые карги.

Наконец Фауст нарушил молчание:

— Достопочтенные фрау, такое неприличное поведение с вашей стороны не даст желаемых результатов, поскольку я не принадлежу к вашей эпохе и почитаю другую небесную команду, которая пришла на смену вашей. Ввиду вышесказанного я вряд ли вострепещу, не приду в священный ужас от всех ваших скачков и ужимок — они меня нисколько не пугают.

— Вострепещу, растрепещу! Умник выискался! — выкрикнула Тисифона. — Может, мы и не сумеем причинить вреда твоему телу. Но попробуй-ка поговорить с кем-нибудь, если мы будем непрестанно орать и визжать у твоих ушей!

— Ваше поведение нелепо, — презрительно заявил Фауст.

— Очень даже лепо! — расхохоталась Тисифона. — А как тебе понравится, если мы затынем эллинскую народную, плясовую, хороводную — куплетов этак на сто? Девочки, а ну-ка хором!

Фауст даже присел от ужаса, когда старухи в три луженые глотки загорланили что-то вроде древнегреческого варианта «У попа была собака...» Так вопят гиены в пустыне в жаркий день. Нет, вой гиен — райская музыка в сравнении с хором эриний!..

Фауст стойчески терпел, но уже ко второму куплету утратил способность соображать, он задыхался — и наконец в отчаянии замахал руками:

— Дамочки, помолчите минутку, дайте мне собраться с мыслями!

Бесноватые певицы разом умолкли, и Фауст, обретя драгоценную передышку, отбежал в другой конец комнаты и тихонько заговорил с хозяином постоянного двора, который тоже ошалел от неожиданного спектакля, затеянного эриниями.

Сами же сестры-разбойницы подозревали Фауста в каком-нибудь коварном замысле, поэтому покой длился не долго — сестры заговорили между собой пронзительными голосами, которые звучали так, словно шли из собственного сознания Фауста. И доктор уже не думал, а слушал внутренние голоса, навязанные ему извне. Эти голоса твердили наперебой:

— Ах, черт, в какой же жуткий переплет я попал!

— Проклятье, я сам себя не слышу из-за этого шума в голове!

— А если бы я мог думать, о чем бы мне следовало думать? О Елене?

— Как ты сможешь думать о Елене, олух, если эти старые мегеры наполнили сознание до отказа ужасом и отвращением к ним, так что никакая иная мысль не способна пробиться наружу?

В полной уверенности, что думает он сам, тогда как это эринии вкладывали в его голову всякий вздор, Фауст забормотал:

— А зачем мне сдалась Елена, пусть она и трижды распрекрасная, если голова моя лопается от посторонних голосов, которые диктуют мне рецепты приготовления пудингов с кровью и способы выиграть в маджонг! Все, сдаюсь, старухи взяли верх надо мной. — И уже совсем громко он произнес: — Ладно, если вам так уж хочется вернуть Елену Прекрасную — берите ее, чтоб вам пусто было!

Страшные старухи исчезли столь же быстро, как и появились. А с ними пропала и Елена Прекрасная.

Фауст пришел в себя и огляделся. Ни Одиссея, ни Ахилла. Он съел булочку, запивая вином. Потеря Елены больно ударила по его самолюбию, хотя, по совести говоря, ему было ни тепло ни холодно от ее присутствия. К тому же у него теперь были развязаны руки, и он мог все свое время посвятить основной цели: занять свое законное место в Турнире между силами Света и силами Тьмы.

Надо было спешить. Поэтому Фауст поспешно допил вино, заплатил и вскоре уже скакал по следу Мака.

Глава 9

Лесная дорога закончилась. Мак снова был на опушке, и со взгорка ему была видна деревушка Пон-де-Соммевиль, где Мак надеялся разыскать герцога Шуазеля, на которого роялисты возлагали столько упований.

Человека, который выглядел герцогом, хотя был одет в простой дорожный камзол, Мак нашел подле гостиницы на окраине деревушки. Осанистый молодой мужчина сидел за столиком на свежем воздухе и читал парижскую газету: страничку с объявлениями о продаже подержанных лошадей.

— Не вы ли герцог Шуазель? — спросил Мак.

Мужчина поднял глаза от газетной страницы и внимательно посмотрел на Мака поверх очков в проволочной оправе.

— Он самый, — промолвил аристократ.

— У меня новости о короле.

— Наконец-то! — сказал герцог Шуазель. Сложив газету, он показал Маку первую страницу с официальным сообщением, перепечатанным из «Парижского революционного вестника».

— Читали эту мерзость? Дантон и Сен-Жюст требуют головы короля и Марии Антуанетты! Прежде это называлось призывами к свержению законной власти и наказывалось со всей строгостью. А нынче публикуй что хочешь — бумага терпит, и закон терпит. И это они называют прогрессом!.. Так где же король, мсье?

— Едет сюда.

— Когда он прибудет?

— Увы, не знаю.

— Важные сведения вы принесли, — саркастически бросил герцог Шуазель, неодобрительно рассматривая Мака. — Мы тщетно ждем здесь который час — местные крестьяне, похоже, приняли нас за сборщиков налогов и готовятся поднять на вилы. А вы говорите: он в пути. Когда, я желаю знать, когда он доберется до этой проклятой деревни?!

— Точное время назвать трудно, — ответил Мак. — Королевская карета движется с предельной скоростью. Но королева подзадержалась со сборами... Так что вы уж оставайтесь тут и ждите. Августейшая чета вот-вот будет.

— Прежде сюда явятся местные мужички, — сказал герцог Шуазель, указывая на крестьян с вилами и косами, которые уже образовали огромную плотную толпу в конце улицы.

— Не обращайтесь внимания, — посоветовал Мак. — Глупое мужичье. Ваши гусары разгонят их одним залпом.

— Это легко на словах, мой юный друг. Вы, по всему видно, иностранец, у вас тут нет поместья. А я здесь живу, и земли неподалеку принадлежат мне, так что мне приходится поддерживать мирные отношения с крестьянами, а не то спалят мой дворец, вырежут семью... И, главное, если ссориться с крестьянами, может случиться кое-что похуже — они лишат меня «права первой ночи», а для французского синьора, сами понимаете, это страшнее смерти... Толпа, которую вы видите, лишь малая часть крестьянского войска. Чуть что, из окрестностей сбегутся тысячи мужиков и прокатят на вилах! А вы говорите — стреляйте! Себе дороже.

— Это я так, в виде предположения... — пробормотал Мак.

Тут герцог повернулся к дороге — к ним во весь опор скакал кто-то в развевающемся плаще.

— Добрый день! — сказал Шуазель, когда всадник осадил коня в десяти шагах от входа в гостиницу. — Вы кто такой?

Фауст спешил — а это был именно он, — подошел к герцогу, поклонился и произнес:

— Приказ ждать короля отменяется, ваша светлость. Вам велено удалиться отсюда со всем своим отрядом.

— Скажите пожалуйста! — насмешливо скривил рот герцог. — А вы что за шишка — королевские приказы отменять?

— Доктор Иоганн Фауст, ваш покорный слуга.

— Не верьте, ваша светлость, — вмешался Мак. — Никакой он не Фауст. Это я Иоганн Фауст.

— Прелестно! — воскликнул Шуазель. — Сразу два Фауста, и каждый с приказом, который исключает другой. Ну так вот, друзья мои, оставайтесь-ка вы тут, покуда мы не разберемся, кто есть кто. Эй, солдаты!

По знаку герцога один гусар схватил под уздцы лошадь Фауста, второй заграбастал самого доктора, который стал вырываться, но выскользнуть из железных объятий так и не сумел. Мак сообразил, что дело оборачивается совсем худо, метнулся в сторону от двух гусар, бежавших схватить его, перемахнул через низкую ограду, домчался до коновязи, мигом отвязал свою лошадь и вскочил в седло. Покуда Фауст, обещая все кары небесные, боролся с навалившимися на него гусарами, Мак нещадно бил каблуками в бока лошади, и та диким галопом неслась прочь от опасного места.

Глава 10

Поздним вечером Эмиль Друэ, служивший почтмейстером в Сен-Менеульде, сидел на балкончике своей спальни на втором этаже и поджидал курьеров из Парижа, несущих новости в провинцию днем и ночью. Было прохладно и тихо — самое время расслабиться после жаркого хлопотного и шумного дня. Весь день от парижских революционных властей приходили будоражащие новости. И весь день на Восток тянулись вереницы карет в панике бегущих из страны аристократов!

Друэ, человека практичного, прежде всего беспокоило одно: как дальнейшее развитие революционных событий скажется на работе почтового ведомства. Как раз сегодня за обедом он сказал своей жене: «Милочка, правительствa приходят и уходят, но любые правители нуждаются в исправной почтовой связи». Однако верил ли он в это сам? Не погонят ли его с хлебного места почтмейстера при очередной смене власти? Разумеется, Друэ с коллегами внес в работу столько усовершенствований, что они совершенно запутали дело доставки почты — ни один посторонний сразу не разберется во всех тонкостях работы. «Кто бы ни пришел к власти, без меня не обойдутся!» — твердил Друэ про себя как заклинание. А вдруг-таки обойдутся? Революция — дамочка с капризами, чтобы не сказать, с придурью!..

Под его окном дремала главная деревенская площадь, залитая лунным светом. Даже в этот поздний час через нее нет-нет да и проходил кто-нибудь. Послышался отдаленный цокот копыт, эхом доносившийся со стороны лесистых холмов, по которым проходила дорога из

Парижа. Два всадника въехали рысью в деревню и остановились на площади.

На второй лошади сидела Маргарита, на первой — Мак. Точнее, гражданин Мак, приодетый соответственно новой роли. Он поправил на голове шляпу революционного фасона и настороженно огляделся. Увидев вывеску «Почта», Мак направил лошадь к балкончику, где восседал Друэ, и спешился.

— Мсье Друэ? — спросил Мак. — Я хотел бы показать вам кое-что интересное.

— А кто вы такой?

— Я — особый уполномоченный парижского революционного комитета. Спуститесь ко мне немедленно. Пойдете со мной.

Друэ сунул ноги в деревянные сабо, набросил на плечи плащ и спустился вниз.

— Куда мы направляемся? — спросил он.

— Увидите. Ты, Маргарита, оставайся здесь и присмотри за лошадьми.

Мак повел Друэ в самый конец деревни — мимо лавок, конюшен, общественного туалета, пока они не вышли в глухое место, на заброшенный лесной проселок.

— Чего ради мы сюда пришли? — несколько испуганно спросил Друэ.

— Это вторая дорога, которая ведет через Сен-Менеульд.

— Но, гражданин, этим проселком уже давным-давно не пользуются!

Мак наводил справки и отлично знал, что по этой дороге никто больше не ездит. Он знал и то, что примерно в этот момент, пока он держит Друэ в этой глуши, по главной дороге через деревню проследует желтый экипаж короля — огромная карета, называемая берлиной. Все закончится благополучно: у Друэ нет ни малейшего шанса увидеть и узнать его величество.

— Гражданин, это нелепость! — не прекращал возмущаться почтмейстер. — Этой ухабистой заросшей дорогой ни один болван не воспользуется!

— В обычное время — да, — сказал Мак. — Но сейчас особый момент... Слышите цокот копыт и гиканье?

Друэ прислушался. Мак, улыбаясь про себя, прислушивался вместе с ним. Про цокот копыт и гиканье он сохранил. Тут было тихо, как на кладбище, только ветер

шелестел листьями, да вдалеке лаяли собаки... да еще слышался цокот копыт и гиканье...

Когда напряженно прислушиваешься, порой черт знает что мерещится! Проклятая игра воображения...

— Слышу, слышу! — возбужденно воскликнул Друз. — Вы правы!

— Я не привык обманывать людей, — сказал Мак. Слушай, олух, слушай, тебе и не такое послышится...

Но уши самого Мака, казалось, взбесились. Слуховая галлюцинация продолжалась. К цокоту копыт и покрякиваниям фореятора и кучера присоединился отчетливый скрип рессор тяжелой повозки, которая громко ухала на колдобинах и буграх заброшенной дороги.

Вдали, между деревьями, лунный луч блеснул на полированной поверхности, и вот из-за поворота показалась запряженная шестеркой лошадей карета в сопровождении трех конных лейб-гвардейских курьеров. Так это не слуховая галлюцинация!

Берлина медленно катила мимо Мака и Друз, преодолевая поворот.

Друз вытянул голову и вглядывался в окошко кареты, не задвинутое занавеской.

— Святой Боже, его величество! — тихо ахнул почтмейстер.

— Вы свихнулись, Друз! — сказал Мак, но сердце у него упало.

Всадники и карета скрылись за следующим поворотом, а Друз в возбуждении схватил Мака за рукав.

— Видели, кто в карете? Это сам Людовик, сомнений быть не может! Я хорошо помню его лицо — в прошлом году я был на утреннем выходе короля, где присутствовали все французские почтмейстеры! И рядом с Людовиком в карете сидела королева!

— Вам померещилось! — в отчаянии сказал Мак. — Все аристократы мордами похожи друг на друга.

— Нет, у меня точный глаз. Они, они самые! Спасибо, гражданин, что вы привели меня на этот позабытый всеми проселок. А теперь я должен бежать поднимать тревогу, чтобы короля успели перехватить!

Друз повернулся и заспешил обратно к главной площади.

Мак сообразил, что такой поворот событий требует скорых и решительных действий. У него в кармане име-

лась дубинка — мешок с песком, без которого ни один уважающий себя искатель приключений не отправляется в путь. Мак быстро нагнал почтмейстера и с силой опустил дубинку на маковку его головы. Не охнув, Друэ рухнул на мшистую лесную землю.

Буквально в следующее мгновение из-за деревьев появился одинокий всадник — конь под ним скакал во весь опор. Это был Мефистофель. За его плечами ветер трепал малиновую накидку, и сам он смотрел настоящим дьяволом, погоняя высокого черного скакуна с безумными глазами и пеной на губах.

Поравнявшись с Маком, Мефистофель осадил коня и крикнул:

— Видел здесь королевский экипаж?

— Видел, — сказал Мак. — Какого лешего он поехал по этой дороге?

— Это я направил их сюда! — с гордостью сказал Мефистофель. — Перехватил на главной дороге и посоветовал ехать задом, чтобы разминуться с проклятым почтмейстером. Я говорил вам, Фауст, что помогу, и помог!

— Хорошенькая помощь! Вы чуть было не сорвали всю операцию! — возмущенно сказал Мак. — Разве я не предупреждал, что сам отлично со всем справлюсь!

— М-м-м... я просто хотел пособить... — с несвойственным ему смущением произнес Мефистофель. Ему хватило одного взгляда на лежащего без сознания почтмейстера, чтобы уловить суть происшедшего.

Бес исчез немедленно — вместе с лошастью, а Мак наклонился над Друэ. Похоже, бедняга еще не скоро придет в себя! Мак оттащил его в кусты и прикрыл еловыми ветками. После этого он побежал обратно к Маргарите и лошадям. Ему предстояло использовать еще один шанс спасти королевскую семью. Вперед, к Вареннскому мосту! Пусть Друэ валяется без сознания, но все же необходимо подстраховаться и обеспечить проезд королевской кареты через мост — и дальше, в спасительную Бельгию!

Глава 11

В предрассветном мареве темнели очертания высоких каменных домов Варенна и чернели провалы узких улочек этой большой деревни. На некоторых перекрестках дремали, опираясь на мушкеты, солдаты национальной гвардии, охраняя покой спящего города, убаюканного журчанием речки Эры.

Утреннюю тишину нарушил цокот копыт лошади Мака, удары по булыжникам мостовых гулко отдавались между каменными зданиями. Мак проехал через город быстрой рысью — напрямик к мосту через Эру.

Мост не поражал размерами. На каменных быках деревянный настил — древесину брали из ближних Арденнских лесов. Эра, спокойная равнинная река, неспешно несла свои воды в сторону моря.

Даже в этот ранний час, когда Варенн, казалось, еще спал, мост был запружен телегами и возами, двигавшимися в обоих направлениях: крестьяне ехали на работу в поле или везли продукты на рынок — кто в Варенн, кто в ближайший город. Сонные возницы настегивали лошадей, здоровались или переругивались с соседями, тоже спозаранку поспешающими по своим делам. На мосту образовалась пробка: кто-то кого-то не хотел пропускать, у кого-то сломалась ось... Возницы нерасторопно сустились, и было очевидно, что тяжелой берлине короля ни за что не протиснуться между мужицкими телегами. Хоть Друэ и выведен из игры, король надолго застрянет у этой переправы, если только...

Мак решил, что тут надо брать глоткой и апломбом.

— Очистить дорогу! — заорал он, подъезжая ко въезду на мост. — Должен проследовать кортеж государственной важности! Дорогу, приятели! Ра-зой-дись!

Крестьяне недовольно зароптали, но Мак въехал на мост, остановился и, гарцуя на месте, принялся громогласно командовать. Войдя в роль конного дорожного постового, он регулировал движение своей песочной дубинкой, найдя ей новое и неожиданное применение, и покрикивал:

— Именем Комитета народной безопасности, проезжайте! А ты, козел, куда прешь вне очереди!.. Папаша, бери левее, так, так, не зевай!.. Именем Комитета народной безопасности, так вашу растак!..

Возницы костерили его на чем свет стоит, похохатывали хриплыми с похмелья голосами и возмущенно свистели, но энергичные действия Мака, его внушительный вид, а главное, магическое упоминание страшного КНБ, — все это внушило им трепетное почтение, и они в итоге не смели не подчиняться приказам.

Однако едва Мак, рискуя жизнью на шарахающейся от повозок лошади, успевал разобраться с одним затормом, как подъезжали новые повозки — всех видов и размеров, одни с навозом, другие с яблоками, зерном и прочими сельскими продуктами, произведенными трудолюбивыми крестьянами Франции и Бельгии. Обливаясь потом, охрипший Мак стоял в самом центре бешеного водоворота, и ему казалось, что половина крестьянской Франции вдруг снялась с места, чтобы переехать через этот чертов узкий мост. Солнце поднимается, а им конца-края нет! Задавят к чертям собачьим, а толку не будет! Мак в отчаянии махнул Маргарите, и они переехали мост, пробираясь между телегами и повозками.

На другой стороне реки, за первым поворотом дороги, Мак увидел странную фигуру: высокого человека в белой одежде, от которой исходило желтоватое сияние, заметное даже при дневном свете. Этот человек заворачивал телеги и повозки крестьян у перекрестка и направлял их на мост через Эру. Этому регулировщику, похоже, не нужно было драть глотку, достаточно было одного его пронзительного взгляда, как в сторону Варенна сворачивали те, кто и думать не думал туда ехать.

— Эй, вы! Кто вы такой? — крикнул ему Мак. — Чем это вы заняты, хотел бы я знать!

— Тьфу ты! — охнул детина в белой сияющей одежде. — Принесла вас сюда нелегкая! Я так не хотел попадаться вам на глаза!..

В это мгновение за спиной у Мака материализовался Мефистофель — прямо верхом на своем зловещем черном скакуне. Он уставился на фигуру в белом и прогрел:

— Михаил! Тебе чего тут зандобилось?!

Архангел Михаил сконфуженно потупил глаза:

— Да вот направляю повозки в Варенн...

— Чтобы устроить затор на мосту и помешать участнику Турнира?! — загремел Мефистофель. — Ох, не тем вы занялись, не тем! По каким таким правилам архангелам разрешено вмешиваться в ход Турнира и совать палки в колеса испытуемого?

— А врагам рода человеческого, кстати, тоже воспрещено влиять на ход состязания! Я вмешивался поменьше вашего!

Мефистофель недовольно повел бровью.

— Давайте-ка обсудим наши небесно-адские дела без посторонних, — сказал он.

Архангел Михаил метнул взгляд в сторону Мака и надменно поджал губы.

— Да, есть вещи не для слуха смертных, — произнес он, и оба духа разом исчезли.

Глава 12

Мак поскакал обратно к мосту. Там творилось что-то неописуемое: несколько телег стали поперек моста, подъезды к нему с обеих сторон были забиты повозками. Какие-то всадники безуспешно пытались пробиться с берега на берег. Стоял адский шум. А к мосту подкатывали все новые повозки — архангел Михаил успел внушить крестьянам мысль, что сегодняшний утренний рынок в Варенне неслыханно дешев, и все они устремились туда.

Мак тщетно пытался восстановить порядок, гарцуя почти посередине моста. Но тут на настил въехала тяжелая повозка с рыбой из Балтийского моря, перегруженный мост заходил ходуном, доски подломились, вздыбились...

Мак успел в последний момент перепрыгнуть на своей лошади через перила моста и спастись. Уже в воде, он видел, как мост медленно рассыпается и телеги падают в воду. Это страшное зрелище сопровождали испуганные вопли зрителей и крики раненых. Ревели быки, придавленные повозками...

И все же в отчаянном гаме ухо Мака уловило звонкие колокольчики королевской кареты, которая вынуждена была остановиться, не доезжая до разрушенного моста.

С головы до ног мокрый Мак подскакал к королевской берлине.

— Ваше величество! — крикнул он. — Мужайтесь, еще не все потеряно!

Король хмуро молчал, а Мария Антуанетта сказала:

— Все пропало! Мы не сможем переехать через мост. Мы в ловушке!

— Рано горевать! Можно спастись!

— Вы думаете? — меланхолично спросил король.

— Ваши величества, выходите из кареты. Сейчас мы купим лошадей у местных жителей и поскачем сперва в направлении Парижа, чтобы сбить с толку преследователей, а потом проселками доберемся до Бельгии. У нас в запасе есть время — ваши преследователи пока далеко.

— Как ты полагаешь, дорогая? — повернулся король к Марии Антуанетте.

— Слишком рискованно, слишком... — сказала она.

И тем не менее, после недолгих препираний, королевская чета согласилась с планом Мака.

Они неохотно вышли из кареты и стояли возле нее как пришибленные, словно разучились ходить по земле.

Мак со всей возможной быстротой раздобыл лошадей. Он все еще надеялся, что дело уладится. Короля, конечно, уже хватились, но ведь пока никто не знает, на какой дороге его искать. Узнал его один Друз, который благополучно выведен из игры — валяется в кустах на окраине Сен-Менеульда, приваленный еловыми ветками.

Король не очень решительно приблизился к приведенному Маком коню, кряхтя взобрался в седло. Один из лейб-гвардейских курьеров спешил и помог Марии Антуанетте вскочить на второго коня. Наконец-то пара была готова отправиться в путь.

Как раз в этот момент, когда они хотели тронуть поводья и ускакать, на дороге, со стороны Парижа, появилось огромное облако пыли. Оно стремительно приближалось, и вскоре можно было различить отдельных всадников — это почтмейстер Друз привел за собой едва ли не целый драгунский полк!

Друз скакал первым и, заметив желтую берлину, торжествующе заорал:

— Король и королева! Арестуйте их и без промедления везите обратно в столицу!

Драгуны заставили королевскую чету спешиться, почти затолкали в берлину, посадили своего кучера и форейтора, и тяжелая карета стала разворачиваться в сторону Парижа.

Друз подскакал к Маку.

— Вот мы и встретились, гражданин, — с едкой ухмылкой процедил он. — Вы славно удружили мне в Сен-Менеульде. Долг платежом красен.

Подозвав двух солдат национальной гвардии, он выкрикнул:

— Этот тип — контрреволюционер. Арестуйте его!

— Ваша взяла, — сказал Мак. — Скажите мне одно — как вы ухитрились так быстро очухаться?

— Ты, гад, мастер *ронять* невинных граждан. Да мир не без добрых людей — нашелся мастер, который мигом поставил меня на ноги.

Тут от массы драгун отделился один всадник, в котором Мак узнал Фауста.

— Опять вы! — прохрипел он.

Фауст заносчиво усмехнулся:

— Мне не стоило труда удрать от солдат Шуазеля, потом я наткнулся на этого человека, который выполз из кустов — полуживой. И вот, самозванец, все твои надежды на успех пошли прахом!

Но тут из ниоткуда появился Мефистофель и приказал Друэ, указывая на Мака:

— Этого человека вам придется отпустить.

Друэ, хоть и напуганный появлением беса, сгоряча все-таки осмелился перечить:

— Этот человек предстанет перед трибуналом!

Мефистофель покачал головой.

— Извините, почтенный, — сказал он, — этому парню предстоит суд в другом месте. И тот трибунал поважнее вашего. Засим объявляю Турнир закрытым.

Мефистофель положил руку на плечо Маку, и оба они исчезли. Секунду спустя уже невидимый бес спохватился, что опять забыл про Маргариту, и она также исчезла на глазах у ошарашенных драгун и разобиженного Друэ.

ПРИГОВОР

Глава 1

После того как Мефистофель волшебной силой унес Мака из Варенна, в сознании того наступил перерыв: сперва место отчетливых мыслей заступили странные видения, детали которых он никак не мог уловить, а потом он заснул.

Проснулся Мак на зеленой софе непонятно где — все вокруг было то ли туманом задернуто, то ли у него все плыло перед глазами. Он не мог различить предметов в комнате. Однако зеленая софа показалась ему до боли знакомой. Он находился не иначе как в конторе Мефистофеля в Чистилище!

Он встал и огляделся. Через дверной проем в виде арки виднелась другая комната — та самая, где стоял сундук со спасенной картиной Боттичелли.

За спиной послышался звук открываемой двери, и Мак поспешно обернулся, готовый к новым неприятностям. В комнату вошла Илит. На ней было бежевое платье в обтяжку, доходившее до середины бедра и открывавшее стройные ножки. Длинные темные волосы были аккуратно уложены на затылке и закреплены чем-то вроде черепахового гребня. Девушка выглядела несколько бледной, только слегка подрумяненные щеки придавали ей более бодрый вид.

— Вашим испытаниям конец, — сказала она. — Это был ваш последний выбор.

— Мефистофель говорил то же самое. А дальше что?

— Теперь наступил черед суда. Я направляюсь именно туда, а по дороге заскочила проведать вас — как вы тут после всех треволнений.

— Очень мило с вашей стороны. Похоже, что я не приглашен на это судилище.

— Об этом мне ничего неизвестно, — сказала Илит.

— Вполне в их духе! — с горечью вздохнул Мак. — Когда я был нужен Мефистофелю, он беспрестанно улыбался и рассыпался передо мной в любезностях, а когда затевается пирушка по поводу успешного завершения дела, он обо мне и не вспомнит!

— Ну, смертных на такие события не очень-то приглашают, — заметила Илит. — Впрочем, я понимаю ваши чувства.

— А когда я получу обещанные награды?

— Не имею представления, — сказала Илит. — Придется вам подождать. Вы в Чистилище, а оно и задумано как место ожидания.

После того как Илит грациозно взмахнула своей изящной ручкой и исчезла, Мак некоторое время прохаживался по комнате, пока не обратил внимания на стопку книг на низком столике. Он присел к столику и открыл верхнюю книгу. Она называлась «Как быстро и безошибочно попасть в Преисподнюю» и вышла в издательстве «Сатана-пресс».

Мак прочитал на первой странице:

Может ли быть, что вы мечтаете попасть в Преисподнюю? Не удивляйтесь подобному вопросу! Великое множество людей стремится к этому. Если вы одержимы таким желанием, вы не одиноки. Одна из главнейших черт Преисподней — поощрять ненасытность любого рода. Вопреки всякому мнению, в Аду можно удовлетворить аппетит к чему угодно. Беда лишь в том, что эти аппетиты никогда нельзя удовлетворить полностью даже в Аду. Ненасытность, она и есть ненасытность. С другой стороны, вспомните: много ваших страстных желаний было удовлетворено, покуда вы были живы? Давайте рассмотрим...

Внезапная вспышка света, облачко дыма — когда дым рассеялся... Перед Маком оказался доктор Фауст! Он выглядел превосходно и был одет как на университетское торжество — в мантию превосходного шелка с горностаевым воротником.

— А, привет! — оживленно сказал Мак. Пусть даже Фауст смотрел на него весьма недружелюбно, Мак был рад увидеть знакомое лицо в этой дыре на краю света. Точнее, на краю черт знает чего.

— Послушай, я тороплюсь, — надменно бросил Фауст. — Ты тут, часом, не видел одного субъекта — высокого, тощий, глаза желтые, прямые темные волосы и достаточно странное выражение лица?

— Нет, — мотнул головой Мак, — с тех пор как я здесь очутился, сюда заглядывал только дух женского пола по имени Илит, и больше никто.

— Не она меня интересует. Сюда обещал прибыть граф Сен-Жермен для встречи со мной. Надеюсь, он не заставит себя долго ждать.

— Это что еще за граф?

Фауст бросил на Мака презрительный взгляд и снисходительно пояснил:

— Один из величайших чародеев, каких видел свет. Он будет жить намного позже меня.

— Но вы же мой современник! — сказал Мак. — Откуда вам знать про чародея, который еще не родился!

— На то я и маг — самый великий из всех живших на свете, чтобы знать такие вещи. Вполне естественно, что я знаю всех своих коллег-чародеев — как в прошлом, так и в будущем. Все настоящие маги постоянно общаются — неважно, живы они, или уже умерли, или еще не родились.

— С какой стати вы хотите встретиться с этим Сен-Жерменом?

— Ну, не хотелось бы мне преждевременно раскрывать карты, — ответил Фауст. — Скажем так: я готовлю небольшой сюрпризец.

— Сюрпризец? — насторожился Мак. — Чего ради? Ведь Турнир уже завершен!

— Завершен, тут ты прав. Но мне занятно, как Ананке оценит твои неуклюжие и невежественные попытки изменить ход истории. Да, Турнир закончился. Однако последнее слово еще не сказано. Говоря пре-

дельно лаконично, бесценный ты мой, Фауст еще не заявил о себе по-настоящему.

— Фауст? Вы имеете в виду себя?

— А кого же еще? Другого Фауста не существует.

— Это как сказать... В некотором отношении я тоже Фауст.

Фауст одарил Мака длинным пристальным взглядом, высокомерно откинул голову назад и рассмеялся.

— Это ты-то Фауст? Друг ты мой ситный, ты есть полная противоположность *идее* Фауста — жалкий беспринципный тип, птица до смешного низкого полета. Неотесанный мужлан, который смотрит в рот каждому, кто возьмется им командовать; ненадежный друг; невежа в вопросах истории, философии, политики, алхимии, физики, оптики, этики. И, разумеется, ничего не смыслишь в королеве всех наук — магии. — С безжалостной ухмылкой Фауст продолжал: — Да, Мак, ты на какое-то время, так сказать, влез в чужие туфли — как ребенок из баловства надевает башмаки своего отца и может даже сделать в них несколько шагов. Но теперь твое клоунское представление на подмостках истории, к счастью, завершилось. Приятель, в тебе нет ни грана от Фауста. Да что там, ты просто заурядное ничтожество, которое ничьего интереса не вызывает. Ты мельчайшая дробь рода человеческого, и ты нам осточертел, пора тебе убраться отсюда восвояси!

— Ой ли?.. — с яростью начал Мак, в груди которого все закипело от этих бессвязных оскорблений. Но ему не перед кем было излить поток возражений — Фауст сделал ловкий молниеносный жест левой рукой и исчез из комнаты.

— Ах, если бы я мог так вот перемещаться!.. — произнес Мак вслух. Уж очень ему было нудно и противно в этом зале ожидания — Чистилище было худшим из мест для человека с его темпераментом. Гнев Мака сменился жалостью к самому себе, и он продолжил: — Самое настоящее свинство — заставить меня тягаться с историческими знаменитостями, не говоря уже о духах и магах, которые переносятся куда хотят в мгновение ока, а я, простой смертный, ничем не выдающийся, только и умею, что ходить на своих двоих, и нет у меня ни семи-мильных сапог, ни ковра-самолета, ни волшебной палочки, и каждый шаг мне дается потом и кровью!..

— Кто у нас так распричитался? — прозвучал за его спиной сочный саркастический голос.

Мак повернулся как ошпаренный — он-то был уверен, что в доме никого больше нет.

Перед ним стоял Одиссей: высокий могучий осанистый мужчина, величавый в свеженакрахмаленной и отутюженной тунике. Поверх туники был наброшен плащ, спадавший столь живописными складками, что требовал ваятеля — запечатлеть на века. Черты лица Одиссея были чрезвычайно аристократичны, сам он был исполнен такого благородства, что Мак с его веснушчатой физиономией простолюдина и коротким толстым носом рядом с ним мог показаться заправской обезьяной. Сверх того, греческий герой был на голову выше Мака и сквозь медь его загара проступали бугры великолепно развитых мускулов.

— Здравствуйте, Одиссей, — сказал Мак. — Какими судьбами?

— Заглянул по дороге на Всеобщую ассамблею, где я, быть может, вставлю словечко от себя, прежде чем Ананке произнесет окончательный приговор. А вы что тут делаете?

— Жду Мефистофеля с наградами, которые он мне обещал.

— Думаете, разумно принимать дары от этого типа? Что касается меня, я бы ни обола не взял из рук нынешних злых духов. Эта шатия норовит сделать вас своим рабом, каждый их дар я бы уподобил своему изобретению — Троянскому коню. Лучше с ними не связываться. Впрочем, кому что нравится. Прощайте, старина Мак.

С этими словами Одиссей выпустил из своего кожного мешка еще одного духа странствий — и был таков.

— Древние греки просто надутые индюки! — в сердцах воскликнул Мак, когда Одиссей исчез. — Их древние боги работали на них не покладая рук, вот они и успели наворочать так много. Да, в былые времена боги пеклись о людях. А вот мне, человеку новой эпохи, пришлось полагаться исключительно на свои силенки, на свой слабенький умишко, чтобы лавировать в разных эпохах и обстоятельствах, и зарабатывать мозоли на не Бог весть каких крепких ногах. Есть путешествия, которые просто непосильны для двуногих...

— Ерунда! — произнес кто-то за его спиной.

Мак уже не вздрогнул. Это не домик, а какой-то проходной двор. Очевидно, есть некий магический механизм, который превращает маленький особнячок в Чистилище в место остановки всех странствующих. И они непременно возникают у Мака за спиной!

Мак обернулся и увидел гнома Рогнира, который, в отличие от прежних посетителей, появился из дыры в полу.

— Нет, не ерунда! — возразил Мак. — Все тутошние перемещаются с помощью колдовства. Сказали одно словечко — и уже в том месте, куда хотели попасть. А мне надо шагать и шагать, и порой я даже не знаю, куда шагать...

— Бедняжечка, как тебе тяжело приходится, — насмешливо сказал Рогнир. — А я, по-твоему, на крыльях ветра летаю?

— Вы? Я как-то упустил из виду... И как же вы путешествуете?

— Старым добрым способом. Пешедралом. Вдобавок гномы не просто ходят, им приходится рыть туннели, чтобы попасть из одного места в другое! Попробуй-ка двигаться, разрывая землю перед собой, — как тебе это понравится?

— Не очень, — искренне признался Мак. — Верно, временами почва бывает весьма каменистой...

— Не временами, а практически всегда, — сказал Рогнир. — Для нас, гномов, это праздник, если доведется рыть туннель в обычной рыхлой почве. Каменистая почва и валуны это даже не худшее. Всего противнее рыть туннель в болотистой почве — необходимо укреплять его своды деревянными сваями, а стало быть, тащить их с собой по подземным ходам. А сваи, ясное дело, под землей не водятся, надо сперва срубить деревья, да и лес не повсюду встречается — порой приходится делать такие концы! Есть у нас лохматые маленькие пони, иногда используем их как гужевого транспорт, но чаще всего мы вынуждены полагаться исключительно на свои мускулы и вкалывать до седьмого пота.

— Я думаю, вам такая жизнь вот где.

— Опять-таки заблуждение, — спокойно возразил Рогнир. — Нам, гномам, такая жизнь вполне по вкусу.

Ведь мы не люди. Как-никак мы один из видов сверхъестественных существ — хотя мы народ скромный и этот факт стараемся не выпячивать. Мы запросто могли бы подать прошение высшим силам, чтобы нас наделили волшебными способностями. Но это не в нашем духе. Мы единственные существа во всей Вселенной, которые ничего ни у кого не кланчат, а живут с тем, что есть.

— А вас волнует, кто победит в противоборстве между силами Света и силами Тьмы?

— Не больше, чем прошлогодний снег. Нам от результата этого Турнира ни тепло ни холодно. Все эти споры насчет Добра и Зла — пустое сотрясение воздуха. В жизни гномов есть только одно хорошее: рыть туннели. И только одно плохое: рыть туннели. Мы не ждем, что явятся какие-то духи, чтобы рыть туннели вместо нас.

— Да, вы меня хорошо пристыдили, — произнес Мак. Он и в самом деле несколько застеснялся своих жалоб. — Ну а от меня вы чего ждете?

— Как я понимаю, — сказал Рогнир, — все эти небесные духи, полубоги и сам доктор Фауст, все они борются за право распоряжаться судьбой человечества в следующую тысячу лет. Правильно я понимаю?

— По крайней мере я тоже так понимаю весь этот сыр-бор, — кивнул Мак.

— Отлично. Ну и что же ты намерен предпринять по этому поводу?

— Я? Вы хотите сказать, лично я?

— Да, я говорю о тебе лично, — сказал Рогнир.

— Станный вопрос... Да ничего не намерен. К тому же я бессилен что-либо сделать. А если бы и мог — не моя это печаль

— Вот те раз! — воскликнул Рогнир. — Ведь речь-то идет как раз о *твоей* судьбе, олух ты этакий! Разве ты не часть человечества? Разве тебе не хочется, чтобы и твое мнение имело какой-то вес?

— Еще бы не хотелось! Но кто я такой, чтобы указывать, как следует управлять человечеством?

— А кто же, по-твоему, вправе высказываться по этому вопросу от имени человечества? Фауст?

Мак энергично замотал головой:

— Фауст воображает, что он пуп Вселенной. На самом деле он просто маг-фокусник с хорошо подвешен-

ным языком. Знает дюжину отличных трюков и мнит себя поэтому представителем всего человечества. А на самом деле он никакой не представитель человечества. Люди вроде него совсем нетипичны. От некоторых из его фокусов я просто обалдевал, но, говоря по совести, все его рассуждения о высоких материях и алхимических премудростях оставляли меня равнодушным.

— То-то и оно, — сказал Рогнир. — Надутый мыльный пузырь. А на самом деле важно одно — рыть, рыть и рыть! Это касательно нас, гномов. А касательно вас, людей... Отчего вы позволяете этой профессорской роже, этому Фаусту, определять судьбу человечества?

Мак тупо уставился на гнома и протянул:

— Да разве я что могу...

— Можешь, — прикрикнул Рогнир, — если кровь в тебе по-настоящему вскипит!

— Ха! Я и так лопаюсь от злости! — сказал Мак. Однако он и впрямь ощутил в себе шевеление другого гнева — ярости более возвышенной, глубоко запытанной и подавляемой уже Бог весть как давно. Поначалу Маку показалось, что он эту ярость выдумал под воздействием раззадоривающих слов Рогнира и только делает вид, что взбешен. Уж очень часто Маку приходилось в своей жизни делать вид, уж очень было привычно имитировать чувства...

Однако чувство не уходило, крепло, пока у него не стало мутиться в голове от бешенства: глаза налились кровью, вены на шее вздулись, лицо побагровело...

— Это гнусно! Это несправедливо! — взревел он. — Никто не смеет решать судьбу простого народа кроме самого простого народа. Слишком долго мы позволяли то всяким там духам, то якобы великим людям вроде Фауста решать за нас, как нам жить. Наступило время брать свою судьбу в собственные руки!

— Вот, это речи не мальчика, но мужа! — одобрил Рогнир.

Мак снова несколько обмяк:

— Но что, что я могу сделать в одиночку?

— А вот это самый интересный вопрос, — сказал Рогнир, не спеша прошествовал к дыре в полу и преспокойно скрылся в ней.

Мак остался посреди комнаты — набыченный, растерянный.

Несколько секунд он таращился на дыру, в которой только что исчез Рогнир, и боролся с соблазном нырнуть за ним. Однако не человеческое это дело — лазать по подземным туннелям, да и тесны они для негномов.

Смирившись с бегством собеседника, Мак пересек комнату и открыл входную дверь. С порога ему открылись подернутые вечной дымкой бескрайние просторы Чистилища. Со всех сторон какие-то холмы и горы вдали с нечеткими очертаниями, слитые с облаками, которые, может, и не облака вовсе, а самые дальние гряды гор...

Вглядевшись попристальней, Мак вдруг различил в этом мареве что-то вроде дороги, которая начиналась прямо от порога, где он стоял, и пошел по этой дороге среди клубов беловато-желтого тумана. Через некоторое время он оказался на перекрестке и увидел дорожный указатель. На одной стреле было написано «ДОРОГА НА ЗЕМЛЮ», на другой — «ДОРОГА В АД», на третьей — «ДОРОГА В РАЙ», а на четвертой, которая указывала в сторону, откуда Мак явился, было начертано «ОТТУДА ТЫ ПРИШЕЛ».

Мак подумал-подумал, сделал выбор — и зашагал в избранном направлении.

Глава 2

Ясный день стоял в той части Чистилища, где должен был состояться суд, который определит судьбу человечества на следующие десять веков. Небо было светло-стального цвета, как рыбье брюхо. Впрочем, ничего необычного для погоды в Чистилище в это время года. Чуть раньше падал снежок, но тут же растаял. У горизонта отчетливо голубела низкая гряда Запредельных гор. Здесь слова, что в ясный день можно видеть бесконечно далеко, приобретали буквальный смысл, потому что Запредельные горы находились именно в Бесконечности.

Мефистофель и архангел Михаил сидели рядышком на самом верху высокой колонны — на этой крохотной площадке до самого последнего времени обитал Симон Столпник, легендарный самоистязатель. Теперь Симон нашел более эффективный способ терзать свой дух, и отыскал он его в одной из будущих эпох: день и ночь сидит у телевизора и смотрит подряд все телевизионные репортажи с футбольных матчей или их повторы по видеку.

Архангел Михаил не был в Чистилище с тех пор, как в здешнем трактире «На полпути» обсуждал с Мефистофелем условия грядущего Турнира. Он с удовлетворением отметил, что тут ничего не переменялось: все та же нудная зыбкая серость, все так же неуловимы зыбкие краски и все так же неопределенны зыбкие контуры предметов. Зыбкость! Ее сестра — моральная двойственность! А когда долго, слишком долго живешь в сфере моральных абсолютов, так тянет на

зыбкость, двойственность... Вот отчего архангел Михаил отдыхал душой в Чистилище.

— Старое доброе Чистилище, оно не меняется! — воскликнул архангел.

— Дорогой мой архангел, — промолвил Мефистофель, — если вы на миг обуздаете свою страсть к парадоксам, вы заметите, что тут очень многое претерпело изменения. Разве вы не заметили бурного строительства?

— Заметил, — ответил архангел, глядя в западном направлении, куда указывал бес. — Однако что тут могут построить прочного? Сегодня построили, завтра рассыплется, потому что строится на зыбком основании, — суть Чистилища остается неизменной. Кстати, что это там возводят?

— Достраивают новый Дворец правосудия, где объявят окончательный приговор по результатам Турнира.

— Чрезвычайно внушительное здание, — произнес архангел Михаил.

— Да, здание немаленькое, — согласился Мефистофель. — Насколько я слышал, приглашена уйма гостей, даже несколько смертных, что уж вовсе непривычно для подобного мероприятия.

— Зато справедливо, — сказал архангел. — В конце концов, ведь это их судьба будет решаться!

— Подумаешь! — фыркнул Мефистофель. — Испокон веку духи Света и Тьмы решали эти вопросы промеж собой и не спрашивали совета у людишек. Уж так повелось: мы объявляли им новые правила игры, а они покорялись — с охотой или без, это нас не касалось.

— Наука и торжество рационализма изменили подходы, — сказал архангел Михаил. — Это и есть так называемый прогресс. Неплохая штука, если не очень им увлекаться.

— Конечно, вы будете нахваливать прогресс, — скривился Мефистофель. — Уж так вы настроены — все одобрять, добрый вы наш дух!

— А вам бы только противоречить! — добродушно огрызнулся архангел.

— Что ж, вы правы. Мы в своих суждениях не вольны. Работа у нас с вами такая — расходиться во мнениях.

— Согласен, согласен. Потому-то нам и приходится привлекать непредвзятого судью со стороны.

— А кстати, где Ананке?

— Никто не видел ее в последнее время, и трудно сказать, в каком именно виде она появится. Необходимость чаще всего принимает совершенно непредсказуемые обличья. И на нее не попеняешь — у нее всегда наготове ответ: «Это необходимо». И все, никаких объяснений!

— А кто бы это мог быть? — спросил Мефистофель.

Архангел Михаил долго напрягал зрение, пока не углядел человеческую фигурку — на фоне беспредельности она казалась букашкой, увиденной с верхушки небоскреба. Но зрение у архангелов отличное, потому что Михаил воскликнул:

— Да это же Мак Дубинка!

— Не может быть! — пробормотал Мефистофель, в свою очередь предельно напрягая зрение. — Это парень, с которым я работал в течение Турнира.

— Мак, точно Мак! — сказал архангел. — А не могло ли случиться так, что вы, дорогой мой демон, обозначились в Кракове? Не кажется ли вам, что в Турнире принял участие отнюдь не Фауст?

Мефистофель еще раз взгляделся в бредущего к ним человека, и его губы сжались в узкую полоску. Прожигая собеседника двумя угольками глаз, он медленно произнес:

— В этом, определенно, сказала рука *доброго* провидения!

— Вы преувеличиваете мои заслуги, милейший... — сказал архангел, упрямо не отводя глаза.

— Вы правы, это действительно тот самый человек, который участвовал в Турнире. Вы уверены, что это не Фауст?

— Увы, не Фауст. Этого типа зовут Мак, он заурядный разбойник с большой дороги. Боюсь, вы ошиблись при выборе человека, чьи поступки должны предрешить судьбу человечества на ближайшие десять веков!

— А вы ошиблись в своей оценке умственных способностей бесов, если надеетесь, что вся эта проделка сойдет вам с рук!

Архангел усмехнулся, но смолчал.

— С этим мы позже разберемся. А пока что мне надо наведаться в банкетный зал — на этот раз силы Тьмы ответственны за прохладительные напитки на пиршестве,

которое увенчает Турнир. — Мефистофель еще раз пронзил взглядом Чистилище. — Хотел бы я знать, куда этот субъект путь держит?

— Прочитайте дорожный знак. Он выбрал путь в Рай.

— Странно, я и не знал, что Рай в той стороне.

— Ну, дорога в Рай частенько меняет свое направление, — сказал архангел.

— Это почему же?

— Мы, силы Добра, — с апломбом произнес архангел Михаил, — стараемся не тратить времени на всякие досужие «почему?».

Мефистофель в недоумении передернул плечами. Спрыгнув со столба, оба духа направились во Дворец правосудия.

Глава 3

Прогуливаясь в окрестностях Дворца правосудия, Аззи внезапно столкнулся с самим Микеланджело. Он узнал великого художника по картинкам из учебника по истории искусств, который он штудировал в адском университете им. Сатаны. Микеланджело как раз клал последние мазки гигантской фрески.

— Хорошо смотрится, — одобрил Аззи, двигаясь с места на место за спиной итальянского гения. — Очень сносно.

— Будьте любезны, не загораживайте свет, — попросил Микеланджело. — Не усугубляйте здешние и без того паршивые условия труда.

Аззи покорно отошел в сторону.

— Наверно, это так упоительно — творить искусство! — сказал он.

Микеланджело хмыкнул и вытер потный лоб перепачканной тряпкой для протирки кистей.

— Никакое это не искусство. Просто подновляю свое старое творение.

— Но ведь вы могли бы и новую фреску создать, не так ли?

— Мог бы. Но для творчества нужно вдохновение, которое есть стремление ввысь. А откуда черпать вдохновение тому, кто уже поселился в раю небесном?

Аззи нечего было сказать в ответ, над этой проблемой он никогда не задумывался. Тем временем Микеланджело вернулся к работе. Понаблюдав за ним еще минуту-другую, Аззи пришел к выводу, что художник

не чувствует себя уж очень обездоленным. Скорее наоборот.

Внутри дворца, в бесконечных коридорах круглого здания, опоясывавших центральный амфитеатр, уже толпились вокруг шведских столов бесчисленные духи с бокалами в руках. Они налегали на закуски и оживленно болтали. Помещение не было рассчитано на такое огромное число духов — ведь на празднество рвались все чистые и нечистые всех времен и народов. Координаторы праздника за голову хватались, потому что прибывали все новые групповые заказы на пригласительные билеты. Никого не удавалось отвадить напоминанием того, что духи вездесущи. В ответ слышалось: «Вы эти философские тонкости бросьте! Или мы присутствуем, или отсутствуем, третьего не дано!»

То был великий день, день Суда, самое значительное событие за тысячу лет, своего рода грандиозный вторник на масленице всей Вселенной, праздник праздников, время всеобщего сбора, и никто не желал пропустить эту колоссальную небесную тусовку, где можно было и общнуться с нужными духами, и славно закусить.

Духи прибывали все новыми группками, замирали перед входом во Дворец правосудия и ахали:

— Елки зеленые! Клевый дворец!

Потом они направлялись в ближайший кафетерий, где заказывали преимущественно легкие салаты, чтобы не перебивать аппетит перед разнузданной оргией, которую обещали в случае победы сил Зла, или перед чинным пиршеством, которое планировали силы Добра в случае своей победы.

Весь этот шум и толкучка приятно скрасили жизнь в Чистилище, где обычно царит мертвящая скука и развлечений не больше чем на кладбище. Постоянные обитатели Чистилища давно оставили свои упования, жили как живется, стараясь только не очень досаждать друг другу. Они тщательно избегали любых четких суждений, потому что монополия на однозначные суждения принадлежала силам Света и силам Тьмы, и те спекулировали ими как могли. Жители Чистилища слонялись по своему причудливому зыбкому миру; питались чем-то

вроде пищи — безвкусной, плотной и, однако, ненасыщающей; занимались чем-то вроде любви, читали что-то вроде поэзии и кружились в чем-то вроде танцев на чем-то вроде праздников как будто бы народных плясок. Время было таким угрюмо бессобытийным, что никто не считал ни дней, ни лет. Размытость времен года тоже вносила свою лепту в нудность чистилищного бытия.

И вдруг — ошеломляющее празднество, они принимают гостей на закрытии Тысячелетнего Турнира! Какое блистательное подтверждение, что жизнь даже в самом гиблом месте способна преподносить милые сюрпризы!

Глава 4

В главном конференц-зале, в самом сердце Дворца правосудия, все приготовления к великому событию завершились. Зал был заполнен до предела. В одних секторах шла шумная болтовня, в других царила тишина, в частности, в секторах виртуальной реальности, куда помещались мириады зрителей, благодаря тому, что каждый из них появлялся там и исчезал оттуда со скоростью света, так что в итоге этого круговорота все зрители, последовательно сменяясь, в сущности ничего не теряли из зрелища.

Была лишь одна шероховатость — Ананке задерживалась.

Никто не сомневался, что великая богиня Необходимости появится, как только сочтет необходимым и изберет необходимый способ появления. Но в виде кого она явится? Напряжение аудитории росло. Все присутствующие вертели головами, норовя первыми угадать ее появление. Каждый мнил себя знатоком и брался выявить, в чьем образе сегодня явится Необходимость.

Но и эти подлинные знатоки только ахнули, когда два согбленных нищенствующих монаха, один слепой, другой глухой, стуча своими клюками, прошаркали по проходу к последним рядам и остановились подле девушки, сидевшей в заднем ряду.

Она легко вскочила на ноги. Немой благоговейно взирал на нее, слепой возвел озаренное восторгом лицо в ее сторону и громко провозгласил:

— Наконец-то она явилась к нам!

И вот Маргарита — с глазами широко раскрытыми и сияющими, как опалы, — стала величаво-медлительно спускаться вниз по проходу. Духи, сидевшие на ступеньках, подхватывались и расступались, чтобы пропустить ее и ее кортеж — двух монахов. Лицо девушки было цвета слоновьей кости, губы бледны, глаза сверкали, как два уголька, отраженные в глубине зеркала. О, она казалась сейчас чем-то гораздо большим, чем просто смертная женщина!

Пока она нисходила к трону, приготовленному для нее, в зале царила мертвая почтительная тишина.

Ананке вспорхнула на трон с очаровательной грацией и обвела взглядом грандиозную аудиторию. ¹

— Наступил час великого приговора, — сказала она. — Но мне ведомо, что некто хочет прежде выступить с речью.

Одиссей встал со своего места, чуть приблизился к трону и низко поклонился Ананке, восседавшей на троне в образе Маргариты.

— Приветствую тебя, о великая богиня! Я знаю, что ты правишь всем и всеми. Но поскольку ты милостиво позволила человечеству впервые принять участие в определении собственной судьбы, позволь мне обратиться к тебе с непривычной просьбой, которая никогда не звучала на подобном суде.

— Взойди на помост и изложи свою просьбу, хитроумный Одиссей, — сказала Ананке. — Ты покрыл себя неувядаемой славой, и место твое в истории человечества заслуженно. Мы с радостью выслушаем мнение столь достойного человека.

Одиссей поднялся на помост, поправил свой плащ и начал низким раскатистым голосом:

— Я дерзну предложить всем присутствующим на рассмотрение следующее предложение. Идея моя проста. И пусть она покажется вам слишком революционной, не отменяйте ее с порога, задумайтесь сперва. Итак, я предлагаю следующее: по моему глубокому убеждению, следует вернуть на Землю всех старых эллинских богов и передать судьбу человечества в их руки.

По залу пронесся ропот удивления, но Ананке подняла руку и призвала всех выслушать греческого героя до конца. Одиссей продолжал:

— Примите во внимание: вы уже прибегаете к помощи представительницы греческого пантеона богов — к помощи Ананке, богини Необходимости, сделав ее верховным арбитром в предельно важном для вас споре. Добро и Зло, бывшие совершенно отчетливыми и ясными понятиями в начале эры христианской церкви, стерлись, размылись, изменились до неузнаваемости. Теперь уже невозможно различить, где Добро, а где Зло. Вы далеко шагнули по направлению к истине, но пагубно удалились от правдивости. Прежнюю свободную диалектику Сократа и софистов вы променяли на дидактическое бубнение всякого рода догматиков: отдельных теологов, представителей разных церковных течений и сект. Простите меня за прямоту, но мне кажется, все это довольно топорно, интеллектуально нездорово и недостойно человеческих существ, одаренных тонким разумом. Чего ради вы становитесь рабами утверждений, основанных на одних эмоциях? Зачем вы проповедуете людям догму о вечном спасении, тогда как сами в нее не верите? Молю вас, верните бразды правления эллинским богам — пусть они иррациональны, пусть они не без самодурства, зато у них столько теплых человеческих качеств! Позволим же Аресу на полных основаниях бесноваться на полях битвы, ведь все равно же он ни на минуту не прекращал кровавых войн. Позволим же мудрой Афине выступать в защиту всего доброго и чистого. Вернем же на вершину Олимпа Зевса — всемогущего, но отнюдь не всеведущего и не претендующего на абсолютную мудрость. Наш вклад — греческий вклад — в сокровищницу мировой истории заключался в том, что мы предложили богов исключительно могущественных, но в отношении ума вовсе не идеальных, способных на смешные промахи и откровенные глупости. Мы обкорнали тоги сверхъестественных существ, чтобы прикрыть лоскутками от божественных одежд недостатки человеческой натуры. Давайте же наконец отбросим лицемерие и признаем открыто: новый сонм богов и духов не справился со своей работой, пора их уволить и вернуть проверенных ветеранов. Даже если итогом будет лишь возврат эстетической красоты античных времен, и тогда эта смена оправдывает себя!

Одиссей закончил свое выступление. Пока он возвращался на место, в зале царил невообразимый гул: мириады духов стремительно обменивались мнениями. Однако Ананке решительно призвала всех к порядку.

— Речь Одиссея была прекрасна, и мы обдумаем его предложение. Но сейчас мы предоставляем слово другому оратору, который в своей области не менее знаменит, нежели Одиссей в своей. Прошу выслушать доктора Иоганна Фауста, который преодолел изрядные трудности по пути сюда. Итак, милости просим на трибуну, доктор Фауст.

Проходя мимо трона к трибуне, Фауст шепнул:

— Спасибо, Маргарита. За мной не заржавеет.

Затем он обратился к огромной аудитории — всем духам Вселенной:

— Достопочтенный Одиссей славился в веках своей способностью очаровывать посредством искусно нанизанных слов. Увы, я лишен его дара красноречия. Поэтому я просто изложу в немудрящих выражениях несколько истин, а вы поступайте с ними, как знаете. Первое: касательно Одиссеевых аргументов. Да, классические античные боги, бесспорно, обладали некоторым обаянием, но сила правды была не на их стороне. Люди античности и их боги знали пору своего расцвета. Однако мир позабыл их религиозные взгляды быстро и безболезненно. Нам нет никакой нужды возвращать этот хлам. Ни античные, ни прочие древние боги нам не ко двору. Более того, я осмелюсь сказать: пора гнать в шею всех богов — и старых и новых. Человечество больше не нуждается в верховных существах. Сколько можно походить на одураченных рабочих, которые вновь и вновь голосуют за тех, кто их угнетает? Какая нам радость от всех этих эфемерных эфирных созданий? Чего ради нам вверять свою судьбу кучке богов, армии ангелов и демонов? Я — Фауст, и я славлю человека триумфатора, человека, который сознает все свои недостатки и все же является хозяином своей судьбы и ни при каких обстоятельствах не взывает к сверхъестественным силам! В нашей власти покончить с прежним положением вещей одним махом — разогнать навсегда весь эфирный парламент чертей и ангелов, которые морочат нам мозги двусмысленными речами и заняты нескончаемыми

бесплодными перепалками между собой. Человек готов к великим свершениям и способен вдохновляться на новые подвиги духа самостоятельно, без оглядки на учение о сверхъестественном. Но если вы сочтете, что необходим переходный период, когда управление человечеством следует поручить совету мудрейших мужей, на этот случай я набросал список людей, достойных вершить судьбой мира в куда большей степени, нежели все эти лукавые боги и божки, скользкие как угри. Мое убеждение: вся власть чернокнижникам! Они и прежде правили миром, просто мы не смели себе в том признать!

Фауст хлопнул в ладоши, и к сцене потянулась цепочка людей, которых он называл по мере их приближения:

— Разрешите представить: Калиостро! Парацельс! Сен-Жермен! Не стану обременять вас дальнейшим перечислением. Скажу одно: такой совет можно признать средоточием всей премудрости мира!

Архангел Михаил вскочил и произнес:

— Фауст, вы не в силах совершить подобный переворот!

— Это мы еще посмотрим! Вот он я, перед вами, и на ваших глазах совершаю этот переворот. Вы недооценивали способности людей в области магического! Я собрал здесь мощнейший кулак из самых искусных магов, живших на протяжении всей истории человечества. Они проникли в интимнейшие секреты матушки природы. И этих знаний они добились сами, их талант действительно принадлежит им по праву завоевателей, а не свалился неизвестно откуда, как всем этим чванливым духам. Человечество способно позаботиться само о себе, ведомое своими гениями, которые являются провозвестниками грядущих поколений ученых.

— Это выходит за всякие рамки! — вскричал архангел Михаил. — Никто вам не позволял собирать здесь шайку магов — это незаконно, это безобразие, это нарушает все мыслимые законы! Запрещено так грубо обращаться со временем и пространством — это произвол! Мефистофель, подтвердите, что я совершенно прав!

— Вы только опередили меня. Я хотел сказать то же самое! — громыхнул Мефистофель.

— Вы для меня ничто! — ответил Фауст. — Нам, магам, смешны и черты, и боги! Проваливайте вместе со своими дурацкими путаными установлениями и законами! Отныне мы становимся хозяевами собственной судьбы!

— Сгинь!!! — разом проорали архангел Михаил и Мефистофель.

Но маги выстроились полуколем перед Фаустом и не помышляли о бегстве.

Архангел Михаил в ярости сжал кулаки и сказал:

— Пусть Ананке решает! Необходимость правит всем.

Фауст повернулся к Маргарите:

— Ананке, ведь вы же видите, что правда на моей стороне.

Маргарита кивнула:

— Да, Фауст, правда на твоей стороне.

— Тогда примите решение в мою пользу.

— Нет, Фауст, не могу.

— Почему? Но почему же?

— Потому что критерий правоты лишь один из критериев, которыми руководствуется Необходимость. Прав человек или не прав, это порой играет не самую важную роль, когда намечается колея неизбежного.

— Что же может быть выше правоты?

— Теплота чувств, Фауст, которая у тебя напрочь отсутствует. Есть еще способность любить, которой у тебя, Фауст, не имеется. А также умение управлять своими чувствами, которым ты опять-таки не обладаешь. Еще сострадание — а где оно у тебя, Фауст? То, что предлагал Одиссей, ностальгический вздор. То, что предлагаешь ты, вздор чудовищный, приглашение человечества в бездну. А потому, Фауст, невзирая на твою дерзновенную попытку, ты проиграл, и мир по-прежнему будет жить не по твоей указке.

Из зала раздались крики:

— Но тогда кто победил, если не Фауст? Силы Света или силы Тьмы?

Ананке одним взглядом заставила замолчать разгоряченный зал.

— Итак, подведем итоги. Начнем с главного и двинемся дальше. Но сперва выскажусь относительно

возврата древних богов и старинных религий. Это досужие сентиментальные мысли. Прошлое не возвращается, оно впадает в вечную опалу. Старые боги ушли, и ушли безвозвратно: Что касается Фауста, он не уймется, пока не станет новым предводителем человечества. Однако держите в памяти все его дурные черты: у него отчаянно холодное сердце, он на самом деле человек равнодушный, даже вести вас за собой ему лень. Ему лишь бы встать впереди, а там хоть трава не расти... Таковы были два предложения, оба рассмотрены и оставлены без последствий.

А теперь вынесем приговор тому, что есть, и решим, чему быть.

Все совершенное Маком может подлежать суду в разных плоскостях: с точки зрения результатов, с точки зрения его намерений или же в рамках споров урбанистов и сторонников деревенского образа жизни. Короче говоря, его поступки дают обильный материал для диалектической перепалки между силами Добра и Зла, которые смогут преспокойно обсасывать тонкости и нюансы в течение следующих десяти веков.

А результаты таковы:

Испытание первое. Константинополь. Икона, которую Мак спас, позже погибла. Город сожжен теми, кто якобы пришел его защитить. Зло победило.

Испытание второе. Кублай-хан потерял свой волшебный скипетр. Утрата этого скипетра лишила монгольские орды части их удачи и обуздала ярость их напора. Угроза набегов Кублай-хана на страны западной цивилизации уменьшилась. Тем самым победа на стороне Добра.

Испытание третье. Флоренция. Спасено бесценное произведение искусства. Двое мерзавцев, Медичи и Савонарола, способные еще на многие злодеяния, своей преждевременной смертью освободили мир от себя. Еще плюс на стороне Добра.

Испытание четвертое. Приобретение волшебного зеркала доктора Ди не имело существенного значения. А вот судьба Кристофера Марло имела, да еще какое. Проживи он дольше, он написал бы еще более едкие произведения против ханжества, что, в конечном итоге, идет на благо Добру. Победило Зло.

Испытание пятое. В долговременной перспективе ни спасение, ни гибель королевской четы никак не сказались бы на демократических реформах девятнадцатого века. Они бы совершились в любом случае. Однако зло не было отвращено от конкретных людей — короля и королевы. В этом туре не оказалось победителей.

И последнее: на протяжении всего Турнира обе стороны прибегали к бесстыдному обману. И это тоже сводит результаты к нулю. А потому я объявляю результаты состоявшегося противоборства недействительными!

Глава 5

Информация об этом дошла до Мефистофеля с досадным опозданием.

Один из ангелов, направляясь из Рая в Чистилище на торжественное объявление победителя Турнира, вздумал на сей раз прилететь на собственных крыльях, а не переместиться с помощью магии. Во-первых, надо и крылья время от времени упражнять, чтобы не атрофировались; во-вторых, пора в кои-то веки полетать медленно и неспешно насладиться ландшафтами внизу.

Когда ангел пролетел над райскими особняками, оставив за спиной самые дорогие и желанные предметы Рая, он увидел — кого бы вы думали? — Мака! Этот парень медленно, но верно двигался по крутому каменистому склону в сторону райского дворца, вознесенного на самые высокие небесные высоты. Шел он на пределе сил, как заметил ангел, но шел — на своих двоих, и не думал сдаваться. Вот о чем поведал ангел Мефистофелю.

— И куда же он направлялся? — резко спросил Мефистофель.

— Похоже, что он намеревается встретиться с Сам-знаете-с-кем, — ответил ангел.

— Только не с Сам-знаю-кем! — вскричал Мефистофель.

— У меня сложилось впечатление, что он метит именно туда. Разумеется, он мог пойти в гору и просто так — полюбоваться пейзажем...

— Да как он мог посметь пуститься на поиски Господа! Каков наглец! Без специального мандата! Без ре-

комендаций и без разрешения! Без особого эскорта из праведников, безгрешность которых засвидетельствована семью печатями! Неслыханная дерзость!

— Я только передал то, что видел, — произнес ангел.

— Надо бы своими глазами поглядеть, что там происходит, — сказал присутствовавший при разговоре архангел Михаил.

Глава 6

Поднявшись почти к вершине горы, которая терялась в облаках, Мак узрел перед собой огромные жемчужного цвета ворота на золотых столбах. По мере приближения нашего героя створки ворот стали сами собой медленно-медленно распахиваться.

Мак смело направился внутрь и очутился в невиданной красоты саду, где каждое дерево и каждый куст взращивали на себе лишь добрые плоды и не было ни одного сорняка, ни одного вредного жучка, ничего дурного.

Тут Мак заметил, что навстречу ему торопливым шагом идет высокий бородатый человек в белом одеянии. Мак мгновенно пал ниц со словами:

— Приветствую тебя, Господь!

Бородач подскочил к нему и помог подняться на ноги.

— Нет, нет! — быстро заговорил он. — Не надо мне так кланяться. Я не Господь. Боюсь, что Он не сможет поговорить с вами немедленно, как Ему хотелось бы. Однако Он послал меня, Его верного слугу, дабы сообщить вам, что Он пришел к решению отменить приговор Ананке и объявить вас победителем Турнира.

— Меня? — охнул Мак. — Но чем я заслужил такую честь?!

— Не знаю подробностей, — сказал бородач. — Однако вердикт касается не вас лично. Было решено коренным образом изменить ход мировой истории: повернуться лицом к тем, кого прежде считали презренными шалопаями и проходимцами, и вообще к простым грешным людям, не требуя больше от них совершенства,

принимая их такими, какие они есть. Боги древности пытались вести человечество к сияющим высотам — и сели в лужу. Господь вместе с чистыми и нечистыми духами пытался делать то же самое — и не сумел. Его величество Закон пытался руководить человечеством — и опростоволосился. Разум также оказался никудышным предводителем. Даже его светлость Самотек покружил, покружил человечество и ни к какому берегу не прибил. А потому объявляется эра простого немудрящего человека. Вы, Мак, поступали во время Турнира крайне просто, руководствуясь потребностями минуты, вполне корыстно, но не без слабой надежды, что ваши поступки послужат более благородным целям. Поэтому вы достойны быть победителем Турнира, ибо даже легкий налет идеализма на действиях куда ценнее, куда убедительнее, нежели наличие в голове кучи великих и сложных идей, которые никак не сказываются на поступках.

Мак был ошеломлен, ошарашен, огорошен, подавлен.

— Чтобы я правил миром? — пробормотал он. — Это немыслимо, даже слушать не хочу. Говоря по совести, это звучит просто-напросто кощунственно! Да-да, это богохульство!

— Господь присутствует в каждом богохульстве, а дьявол — в каждой набожной фразе.

— Послушайте, — сказал Мак, — такие серьезные вещи я хотел бы обсудить с самим Господом.

— Ах, кабы это было возможно! — с грустью произнес бородач. — На беду, с единым Господом нельзя поговорить напрямую — даже здесь, в сердцевине Рая. Мы искали Его тут повсюду — и не нашли. Такое впечатление, что Он не то пропал без вести, не то скрывается. Кое-кто даже утверждает, что Он никогда не существовал: мол, сохранись после него хотя бы одна фотография, тогда бы другое дело... Но легенды утверждают, что было время, когда Он действительно существовал и ангелы часто навещали Его и вкушали мед созерцания лика Его. Он говорил им о том, что Рай и Ад прячутся в подробностях. Ангелы не улавливали смысла его слов. Он говорил им, что как внизу, так должно быть и наверху. Ангелы не понимали смысла его речи, пока на

небесах не возникли трущобы и не начался разгул преступности.

— Преступления в Раю? — переспросил Мак. — Это что-то невероятное, не могу поверить!

— Знали бы вы, что тут творится, вы бы еще больше удивились! Все пошло кувырком примерно с тех пор, как Он объявил всем, что Он вовсе не Бог — не тот великий и единственный, вечный и сопричастный всему живому. Нет, Он лишь заместитель Господа, который занят другими делами и поручил Ему править миром. Все стали гадать: чем же это занят настоящий Господь? Многие подозревали, что Господь затеял сотворение мира в другом времени и пространстве — теперь он, с учетом ошибок, создает мир попроще, в котором все сработает как надо. По всеобщему мнению, Господь решительно разочаровался в том, как пошли дела в данной Вселенной, но, будучи джентльменом, постеснялся заявить об этом вслух. Даже не намекнул.

Мак пристально уставился на бородача в белой одежде и наконец спросил:

— Стало быть, вы все-таки Бог?

— Да, в некотором смысле. А что вы хотите сказать?

— Да так, ничего особенного, — пробормотал Мак.

— Вы, похоже, разочарованы? — спросил Бог. — Ожидали увидеть Кого-то Совсем Другого.

— Нет-нет, что вы...

— Догадываюсь, о чем вы думаете. Не забывайте, я как-никак всеведущий. Это один из моих эпитетов.

— Да, слышал. В том числе и всеведущий.

— Но загвоздка в том, что этой великой способности лучше пропадать втуне. Я бы даже сказал, что главной задачей Бога — сопротивляться своему всеведению, ограничивать свое всеведение, не связывать себя этим всеведением. То же касается и всемогущества. Бог не должен быть связан своим всемогуществом.

— Не связан — всемогуществом? Не понимаю, как всемогущество может связывать!

— Всемогущество — страшная помеха, если оно совмещается со всеведением и состраданием. Постоянно возникает соблазн вмешаться на стороне справедливости, исправить Зло.

— А почему бы и не вмешаться?

— Если я поставлю свое всемогущество на службу своему всеведению, результатом будет мир, в котором все работает как часы. Свободная воля навсегда покинет эту Вселенную. Никто более не будет страдать от результатов своих поступков, ибо я буду постоянным стражем, который следит, чтобы ни одна ласточка не вывалилась из гнезда, ни один человек не погиб в дорожной аварии, ни одна лань не была настигнута леопардом, ни один человек не оставался нагим, в голоде и холоде, а также не умер преждевременной смертью... Или, хуже того, отчего бы не быть последовательным и не сделать так, чтобы никто никогда не умирал?

— По-моему, это был бы прекрасный мир, — сказал Мак.

— Он кажется вам прекрасным лишь потому, что вы продумали эту возможность не до конца. Предположим, все сущее продолжает существовать вечно. А ведь у всего живого свои запросы, свои особые потребности и желания. И все эти запросы, потребности и желания следует непременно удовлетворить. И уладить бесчисленное множество других проблем. Коль скоро леопарду не позволено охотиться на ланей, нужно позаботиться о другой пище для него. Сделать его травоядным? Но кто сказал вам, что растения не испытывают боли? Быть может, им хочется быть съеденными не более, чем любому животному! Видите, какие неожиданные осложнения появляются в мире тотальной справедливости. Чтобы распутывать все эти узлы, мне придется делать буквально все самому, вмешиваться в каждый пустяк. Какой невероятной нудной станет жизнь людей, если я буду решать за них все сколько-нибудь существенные проблемы.

— Да, теперь я вижу, что вам надо хорошенько призадуматься, прежде чем что-либо сделать, — сказал Мак. — И все-таки вы всеведущи, а это большое подспорье, когда хочешь рассмотреть какой-либо вопрос со всех сторон.

— И мое всеведение говорит мне: ограничь свое всемогущество.

— А как насчет Добра и Зла?

— Я неизменно считал, что это вопрос чрезвычайной важности. На беду, я никогда не мог однозначно отличить одно от другого. Уж очень запутанный этот вопрос. Я намеренно, по собственной воле принизил в глазах

других свой образ. Пусть я Бог, и Бог единственный, у меня остается право быть скромным. И у меня есть право ущемить собственное совершенство кое в чем, дабы получить право смиренно признавать, что я не есть совершенство. Даром что я всемогущ и всеведущ — я этими способностями не пользуюсь в полной мере. У меня было такое чувство, что не следует навязывать миру свою волю и давать Добру торжествовать всегда и везде. Могу ли я позволить себе быть предвзятым и односторонним и выступать всегда на стороне Добра? Будучи все-таки всеведущим, я отлично понимаю, что при глубоко и полном анализе окажется: в конечном итоге Добро и Зло равны по своей ценности и дополняют друг друга. Такая моя позиция на самом деле никаких проблем не разрешает. Но и быть рабом одностороннего подхода я не хочу. Я не раз говорил: знать все — значит ничего не знать досконально. Вот почему я предпочитаю продолжать познание вещей. Возможно даже, я уже *давным-давно* знаю тайную суть всех вещей. Но я упрямо не признаюсь себе в этой тайной сути, скрываю ее от себя и от мира. Я не устаю повторять: даже Бог имеет право иметь свои секреты и должен знать не все.

— Но какой же урок мне следует извлечь из всего этого? — растерянно спросил Мак.

— То, что ты свободен точно так же, как и я. Быть может, в этом немного утешения — однако же это чего-нибудь да стоит!

Глава 7

После такого крупного события, как Тысячелетний Турнир, всегда наступает что-то вроде затишья. Через какое-то время после объявления приговора Ананке Аззи обнаружил, что у него появилось свободное время, и ему пришло в голову поинтересоваться дальнейшей судьбой Фауста и прочих персонажей, так или иначе участвовавших в Турнире.

Фауста бес нашел в харчевне на окраине Кракова. Как это ни удивительно, за столиком с доктором сидел, потягивая пиво, ангел Бабриэль. Оба радостно приветствовали Аззи и предложили присоединиться к ним и выпить пивка.

Затем Фауст продолжил прерванный разговор с ангелом:

— Вы слышали речи этой дамочки по имени Ананке? А ведь это же была Маргарита — девчушка, которая когда-то в лепешку разбивалась, только бы завоевать мое расположение!

— Старина, не дуйтесь на нее, она не хотела вас обидеть, — говорил Бабриэль. — Просто ее устами говорила Необходимость.

— Понимаю. Но чего ради Ананке вселилась именно в ее тело? — Фауст задумался, отхлебнул пива и продолжал: — Думаю, этот выбор неспроста. У Маргариты были качества, которые требуются Необходимости, слепо управляющей судьбами людей.

— Ага! Теперь вы схватываете суть, Фауст, — удовлетворенно сказал ангел. — Стало быть, последние события вас кое-чему научили!

— Не очень многому, — ответил Фауст. — Я по-прежнему верю, что мы бы справились. Да, Бабриэль, мы, люди, смогли бы сбросить иго всяких там... Эх, если бы я...

— Не один вы пострадали, — прервал его Бабриэль. — Не люблю громких слов, но, по-моему, все человечество приложили мордой об стол, не только вас.

— А я так скажу — свинство все это! С самого начала времен все было подтасовано против человечества. Они быстро раскусили все наши недостатки и объявили, что им необходимо именно то, чего нам решительно недостает, и мы вечные неудачники, потому что у нас нет потребных качеств. А когда некоторым людям удастся эти качества обрести, сверху меняют правила игры — дескать, они не то имели в виду и теперь им нужны другие достоинства! Но откуда им знать, как людям положено вести себя? Это мы придумываем себе идеальную линию поведения, а они подхватывают идею и начинают ей же нас долбить!

— В яблочко! — сказал Бабриэль. — А, старина, давайте больше не будем про небесную политику. Пропадает она пропадом! Состязанию конец, а потому будем пить, веселиться, болтать о старых добрых временах...

Тут в харчевню ввалился Мак, распевая студенческую песню. За время после окончания Турнира он славно преуспел в жизни: заделался купцом и уже начал сбивать изрядный капиталец, а также обзавелся хорошенькой подружкой, напоминавшей чертами Маргариту. По возвращении из Рая Мак почувствовал новый прилив интереса к жизни и горячо взялся за устройство собственной судьбы.

Старые знакомые сгрудились вокруг него.

— Так что же Он тебе сказал? — спрашивал его Аззи.

— Кто?

— Господь, конечно. Мы же видели из Дворца правосудия, как ты взбирался на Райскую гору. Что ты там выведал?

Мак заморгал глазами и смущенно опустил голову.

— Как вам сказать... Пожалуй, я ничего особенного не узнал. Я, в общем-то, и не с Господом виделся. Так, с одним близким приятелем Господа.

— Но он сказал тебе, что именно ты победил в Турнире, так?

— Не совсем так. Я его слова понял иначе: дескать, ты, Мак, волен делать со своей жизнью все, что хочешь. Ты сам себе хозяин. Вот я и живу теперь, как хочу, а не как кто-то велит.

— И это все, что ты можешь рассказать своим старым друзьям? — разочарованно протянул Аззи.

Мак насупился и молчал. Потом снова расцвел улыбкой:

— Знаете что, я заказал столик в «Подраненной утке». Там нам зажарили отменно жирного гуся. Пойдемте! Я вас славно попотчую, поднимем бокалы за наши успехи и посмеемся над своими промашками.

Всем это предложение пришлось по душе. Только Фауст сказал, что присоединится к компании немного попозже.

Доктор вышел из харчевни и, пройдя по улице Казимирчика, вошел в изысканно оформленную кондитерскую, где у него была назначена встреча с Еленой Прекрасной, обещавшей на время удрать от фурий, которые ни на миг не отставали от нее и требовали возвращения к Ахиллу.

Елена сидела за чашечкой крепкого китайского черного чая. Она встретила Фауста ледяной улыбкой.

— Итак, лапочка, — промолвил Фауст, — ты улизнула от своих противных надзирательниц. Ты все же вернулась ко мне!

— Только для того, чтобы сказать последнее «прости», Иоганн.

— Ах, какая досада! Так ты решила окончательно?

Елена энергично кивнула:

— Я возвращаюсь к Ахиллу. Ведь это в конце концов главное в образе Елены Прекрасной — принадлежать доблестнейшему Ахиллу. Когда-то меня разлучили с законным супругом Менелаем, однако я все же вернулась в итоге к нему. Теперь та же история. Я, в сущности, очень верная женщина...

— Что ж, может, это и к лучшему, — сказал Фауст без особого огорчения в голосе: Елена — штучка слишком горячая, от такой лучше подальше держаться. — Наши легендарные образы так далеки друг от друга, что мы бы никогда не ужились вместе. Мы оба привыкли повелевать, оба ощущаем себя единственными в своем

роде. А все-таки жаль. Подумай, сколько упоительных моментов мы могли бы испытать на пару!

— Боюсь, что все приятное досталось бы на твою долю, — сказала Елена. — К тому же тебе больше нравятся деревенские простушки. Отчего бы тебе не сойтись опять с Маргаритой?

— Ба, откуда ты про нее узнала? Впрочем, ты никогда не признаешься. Так или иначе, с Маргаритой все покончено. Загвоздка в том, что я никогда не смог бы искренне уважать её, пусть даже она временно побыла самой Ананке.

Тут в дверь кондитерской кто-то отчаянно забарабанил. Затем раздался треск и чавканье — одна из сестер-эриний кинула деревянную дверь, из-под которой потекла внутрь зеленоватая жижа.

— Не стоит испытывать терпение страшных сестер, — сказала Елена, поднимаясь из-за стола. — Они ждут меня.

Оставшись один, Фауст застыл, вперив невидящий взгляд в пространство.

Все его мечты, похоже, разлетелись в пух и прах. Никто более не был ему мил. Ни мужчины, ни женщины, ни духи — все оказались слишком поверхностными. Даже Ананке, и та, говоря откровенно, не блещет умом. Зато как упоительно было стоять во главе отряда лучших магов всех времен и народов! Они могли бы ввести человечество в новый золотой век! Под их руководством человечество достигло бы хоть каких-то высот... Или погибло бы при попытке!.. Однако ж не выгорело. Но погодите, придет день и... Да, придет день и человечество дорастет до Фауста. Вот тогда-то и наступит его черед!

Фауст встал и хотел уже уйти из кондитерской, как вдруг рядом засеребрилось светлое облачко, и перед ним возникла Илит, изящная, соблазнительная.

Ее появление никак не отразилось на выражении лица Фауста.

Доктор решил, что она явилась с каким-нибудь новым поручением от сил Добра или Зла, а он больше не желал иметь никаких дел с этой небесной шушерой.

— Ну, — сказал он, — чего тебе?

— Я просто подумала... — промолвила Илит, замялась и, похоже, даже покраснела.

Фауст рассеянно посмотрел на нее и так же рассеянно отметил про себя: до чего эта ведьмочка-ангелочек хороша — прямо картинка!

На ней было длинное платье изумрудного цвета с высокой талией. Лишь одна жемчужная нитка подчеркивала изящество ее лебединой шейки. Волосы были собраны на затылке, открывая взору совершенный овал ее личика.

Тем временем Илит вздохнула, набралась мужества и продолжила:

— Дело в том, что я когда-то была ведьмой и служила силам Тьмы. Затем я перешла на сторону Света. Но потом обнаружила, что в самых важных чертах они чрезвычайно похожи.

— Тут ты совершенно права, — кивнул Фауст. — Но я-то тут при чем?

— Я хотела бы еще раз начать все с начала, — сказала Илит. — И пусть моя новая жизнь не имеет никакого отношения ни ко Злу, ни к Добру. Я подумала о вас, Фауст. Не знаю, до какой степени вы правы в своих поступках, но идете вы своим собственным путем. И поэтому мне пришло в голову... вам случайно не нужен помощник?

Фауст впервые по-настоящему пристально взглянул на нее.

Воспитанная, к тому же умница, да и улыбка у нее весьма и весьма приятная...

Он невольно выпрямился и расправил плечи. И ощутил, как фаустианский непоседливый дух вновь возвращается в его натерпевшееся тело.

— Да, — сказал он, — вопрос о помощнице можно обсудить к взаимному нашему удовлетворению. Присядьте, милочка. Давайте попьем чайку. Кто знает, быть может, это начало чего-нибудь прекрасного для нас обоих.

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛАЗНЫ

Собрание фантастических произведений

Том семнадцатый

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редактор *В. Баканов*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Н. Дундина, А. Хиршфелде*

Оператор компьютерной верстки *М. Белоусов*

Иллюстрация на обложку: *И. Леонтьев*

Оформление форзаца: *А. Кириллов*

Оформление шмуцтитлов: *В. Ковалев*

Качество печати соответствует диапозитивам,
предоставленным издательством

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 23.05.96. Формат 84×108/32.

Гарнитура Балтика. Печать высокая.

Усл. печ. л. 18,48. Тираж 10 000 экз.

Заказ № 2043. С 147.

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати.
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

КОЛЬ В РОЛИ ФАУСТА ТЕБЕ НЕ ПРЕУСПЕТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996